ПИОНЕР

АПРЕЛЬ 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г.

Крепкая дружба связывает рабочих завода «Красный Аксай» и пионеров школы № 12 (г. Ростов-на-Дону). Сегодня к своим шефам, рабочим ремонтно-механического цеха, пришли пионеры из 7 «Б». Вместе с мастером Н. Т. Берестюковым и токарем И. П. Артеменко они рассматривают новые детали, выпускаемые цехом. Замечательные шефы у семиклассников: цеху присвоено звание коллектива коммунистического труда. И пионеры тоже порадовали недавно своих шефов: получили вымпел отряда — спутника семилетки.

АПРЕЛЬ · 1961
№ 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Год издания 38-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Свершилось! Человек в космосе!

Первый космонавт Юрий Алексеевич ГАГАРИН.

12 апреля 1961 года первый в мире советский космический корабль «Восток» с человеком на борту, совершив полет вокруг земного шара, благополучно вернулся на священную землю нашей Родины.

Первый человек, проникший в космос,— гражданин Союза Советских Социалистических Республик Юрий Алексеевич ГАГАРИН.

ОТЦЫ УХОДЯТ В ОКЕАН

Рассказ

Анатолий МОШКОВСКИЙ Рисунки П. Павлинова.

Отец надел фуражку с морской «капустой» и взял чемоданчик.

— Отходим в пятнадцать ноль-ноль. Ну, пока.

В коридоре барака послышались удаляющиеся шаги, хлопнула наружная дверь, и в комнате стало тихо-тихо. Точно в ней никого не было. Никто не хотел первым двинуться с места, нарушить молчание.

Впрочем, это продолжалось не больше минуты. Мать, высокая, худощавая, с непривычно серьезным лицом, встала из-за стола и принялась убирать остатки прощального завтрака, грязные тарелки и стаканы. Маленький Сергунька, круглоголовый и белобрысый, громко вздохнул и уставился в окошко с треснутым внизу стеклом.

Бабка бесшумно юркнула в излюбленный угол и забормотала, зашепталась о чем-то со своими старыми черными иконами. Витька тоже не дремал. Улучив момент, когда мать вышла на кухню и на него никто не смотрел, он быстренько схватил со стола пустую бутылку, сунул ее горлышком в карман, и струйка оставшегося вина обожгла ногу. Затем Витька выскользнул из комнаты и спрятал бутылку в чулан.

Всегда, когда отец уходил в океан, Витьке было грустно. Не потому, что боялся за отца — большие суда погибают очень редко, — а просто Витьке не хватало его голоса, рассказов о море, его твердых скрипучих шагов...

Так было всегда. Только не сегодня.

Сегодня он решил повернуть свою жизнь на сто восемьдесят градусов! Хватит упрашивать и ныть! Пора самому принимать решения и, как говорится, осуществлять их...

Витька полной грудью вдохнул ветра, постоял у порога барака и вернулся в комнату. Он не грустил об отце. На этот раз ему было жаль мать, и эту бормочущую бабку, и брата Сергуньку.

О том, что Витька что-то задумал, мать догадалась по его лицу.

— Ты чего это улыбаешься? — неласково спросила она.

— Ничего. — Витька состроил угрюмую рожицу. Он понимал: в день прощания с родным человеком не принято веселиться. Даже улыбаться и то рискованно. А уж если не можешь скрыть улыбки, — будь добр, не торчи перед глазами родственников.

Видно, Витька не мог надолго сохранить на лице мрачное выражение, потому что через десять минут мать опять спросила сердито:

— Рад?

— Чего «рад»? — не сразу понял Витька, а когда понял, буркнул: — Хныкать я должен, что ли? Да, да, рад! Очень даже рад! Потом узнаете...

Он вдруг спохватился и прикусил язык.

— Что мы узнаем? — спросила мать.

Витька молчал.

— Ты что-то сегодня странный...

Витька фыркнул:

— Обычный! — И ему стало еще острее жаль мать, и брата, и бабушку.

— Смотри у меня! — предупредила мать. — Что-то не нравится мне твое лицо.

Больше она ничего не могла сказать в этот день про его лицо, потому что Витька исчез из дому. Явился он в разгар обеда, попросил лишнюю котлету и побольше пюре. Ел старательно и сосредоточенно, и лицо у него было застывшее, отрешенное, и он даже не дал Сергуньке щелчка в лоб, когда тот неосторожно бросил: «Не лопни...»

Дома осталась бабушка, остальные на автобусе поехали к порту.

Часы у рыбного порта показывали шестнадцать сорок, но мать не торопилась. И Витька понимал ее: суда очень часто отходят с опозданием: то судоремонтный завод задержит какие-нибудь детали, то буксирный катер вовремя не подадут.

А вот и отцовский рефрижераторный траулер. Глянешь на мачты — шапка свалится. Громадина завод! В нем много цехов, ловит он сельдь и окуня огромными сетями — тралами. Потом идет рыба по ленте транспортера в цеха и превращается в консервы, в окуневое филе, аккуратно завернутое в бумагу. Придет такой траулер из океана и сгружает готовую продукцию: бочки с сельдью и ящики с филе и консервами — прямо в железнодорожные составы, а те бегут в десятки городов страны, и рыба идет в магазины, на прилавки...

Вот что значит рефрижераторный траулер! И водит его не просто капитан, а капитан-директор. Словом, целое промышленное предприятие.

— Витя, не свались! — крикнула мать, видя, как он шагает по краю причала, в тени отвесного черного борта.

Витька пошел по самой кромке, балансируя руками.

На корабле уйма провожающих: матери, жены, дети. Моряки беседуют с ними, уводят в свои каюты, шутят, хохочут.

Только Витькиному отцу нет дела до сыновей и жены. Носится по кораблю: то в штурманскую рубку, то в каюту капитана-директора, то на берег — документы на отход еще не оформлены. И это понятно: отец сегодня вахтенный. Мать с Сергунькой покорно сидят в его каюте с надписью над дверью «Второй штурман» и ждут, когда отец освободится. У одного Витьки нет терпения сидеть вот так и дожидаться. Мальчик бегает за отцом. Вся команда знает, что он штурманский сын, и никто не гонит. А что касается отца, так он вообще, наверное, не замечает его. На отце новенький флотский китель с золотыми нашивками на рукавах, брюки тщательно выглажены, складки такие острые, дотронься — руку порежешь. Мать вчера постаралась, снаряжая отца в дальнюю дорогу.

Раза три отец забегал в каюту, садился, снимал мичманку и помахивал ею перед раскрасневшимся лицом.

— Ух, и денек! Скорей бы уж отошли...

— А чего ж вы стоите? — спросила мама.

— Вечная история, — отец махнул рукой, — второго механика и трех матросов нет. Опять заглянули, видно...

И каждый раз после нескольких коротких фраз отец вдруг хлопал себя по лбу, вспоминая что-то очень важное, вскакивал со стула и сломя голову мчался в машинное отделение или на поиски боцмана. Когда он последний раз заглянул в каюту, мать, разглаживая на коленях юбку, вздохнула:

— Ох, и не вовремя ты уходишь...

Отец вопросительно посмотрел на нее.

— С тобой бы больше считались. А то раздумают еще, вселят других.

— Ерунда! — бросил отец. — Мне твердо обещали.

— Пока нет ордера в кармане...

— Оставь. Вот увидишь, приду с моря — и прямо в новую квартиру.

Витька с легким презрением смотрел на мать: тоже нашла время ныть о новой квартире! Впрочем, Витька особенно не прислушивался к тому, о чем говорили отец с матерью. Его лицо было до странного сосредоточенно, замкнуто и жило своими внутренними мыслями и раздумьями, и лишь изредка его губы осторожно трогала загадочная улыбка.

Потом пронзительно прогудел гудок, в коридоре и над головой гулко застучали чьи-то шаги, раздались голоса, и отец стал торопливо прощаться с мамой, Сергунькой и Витькой. Они пошли по коридору. Кто-то всхлипывал, кто-то, наоборот, с сердитым упрямством твердил: «Не хочу, и не жди, не жди зазря!..»

Потом убрали трап, и мать с Сергунькой смотрели, как маленький буксирный катер оттаскивает огромную, как айсберг, сине-белую глыбу траулера от причала и медленно выводит его в Кольский залив, на рейд. С причала махали ему косынками и кепками, и с палубы траулера отвечали.

Мать с Сергунькой тоже усиленно махали

руками, хотя и не видели отца. Он, очевидно, уже стоял в штурманской рубке, и ему было не до прощания.

— Вить, — позвала мать, озираясь, — где ты?

Ей никто не ответил. Она, вытягивая шею, крикнула громче. Ответа не было. Не выпуская из руки ладошку Сергуньки, она забегала по причалу, толкая провожающих. Витька исчез. Мать подбежала к краю причала и заглянула в густую с нефтяными разводами стылую воду, точно хотела там увидеть сына. Он словно сквозь причал провалился.

Ушел домой? Вряд ли... Он не из тех, кто торопится покинуть морской порт. Мать спросила о Витьке у жены первого помощника, у брата боцмана, у дочери помполита. Все пожимали плечами: не видели. Оставалось одно: Витька не сошел с траулера.

Она прижала к губам кулак, и на глаза навернулись слезы.

Так вот почему с утра у него было такое странное лицо! Заранее все обдумал...

Она была женой моряка и знала, что делать. Не выпуская из руки Сергунькину ладошку, она помчалась в диспетчерскую.

— Вы думаете, он там? — недоверчиво спросил диспетчер. — Если так, можете спокойно идти домой, все будет улажено. На судне еще не оформлены документы по отходу, к ним пойдет катер. Я свяжусь с командой, и мальчик будет разыскан.

Забыв поблагодарить диспетчера, мать вышла из помещения и устало махнула рукой.

— Наказание одно!..

Траулер между тем стоял далеко на рейде. Широченная полоса воды отделяла его от причалов рыбного порта, и люди на его палубе были не больше муравьев. Обычно, отправляя отца в дорогу, мать думала: сейчас до корабля всего четверть мили серой студеной воды, но пройдет полчаса, и корабль пойдет по заливу, к утру выйдет из него, и волны Баренцова, Норвежского и Северного морей закачают его; и он уже не покажется там, в полярных просторах, такой громадой; и ее будут отделять от мужа сотни и тысячи холодных морских миль. И только скупые радиограммы время от времени будут прилетать оттуда, от ледяных берегов Исландии и Канады...

Но сейчас она не думала об этом.

— Ну смотри у меня, только вернись! — погрозила она кулаком траулеру и двинулась с Сергунькой из порта.

Когда они сели в автобус, мать на мгновение подумала, что, может, все-таки Витя убежал из порта домой: от него всего можно ожидать. Однако ни дома, ни возле барака мальчика не оказалось. Вечером она позвонила в порт, но диспетчер, видно, сменился и ничего не знал об этом случае.

Прошел час, два, три, а Витьки все не было. Наступила полночь. Сергунька с бабкой давно уже спали. Мать вымыла чайную посуду, прибрала комнату, села за стол и уставилась в окно. О муже она почти не думала. Все ее мысли сошлись на Витьке.

А что, если он так спрятался в каком-нибудь корабельном закутке, что его не нашли, а когда обнаружат, поздно будет возвращать домой и поневоле придется взять его в Северную Атлантику? А быть может, он и не на траулере: поскользнулся нечаянно, упал с причала, и никто не заметил, как он пошел ко дну. Вода в заливе ледяная, как веревкой, связывает руки и ноги и тащит в глубину.

Спать она не могла. Вышла из барака. Был первый час ночи. Солнца не было видно, его заслоняли большие корпуса домов, но мать знала, что оно висит над темными сопками на берегу Кольского залива: летом оно здесь не заходит. Ночной рассеянный свет его мглисто и призрачно заливал землю.

Стук мяча и мальчишечьи голоса донеслись до ее слуха.

В центре поселка была волейбольная площадка. Мать побежала к ней.

Витька стоял у сетки и, пританцовывая на полусогнутых упругих ногах, ждал мяча. Она смотрела на сына и не верила своим глазам. Да, это был он, живой и невредимый. Внутри что-то отпустило. Стало легче дышать, она впервые почувствовала холод, и плечи ее передернулись.

— Витя, — негромко позвала она.

Он сделал вид, что не расслышал. Мать позвала громче. Витька досадливо обернулся.

— Ну чего тебе?

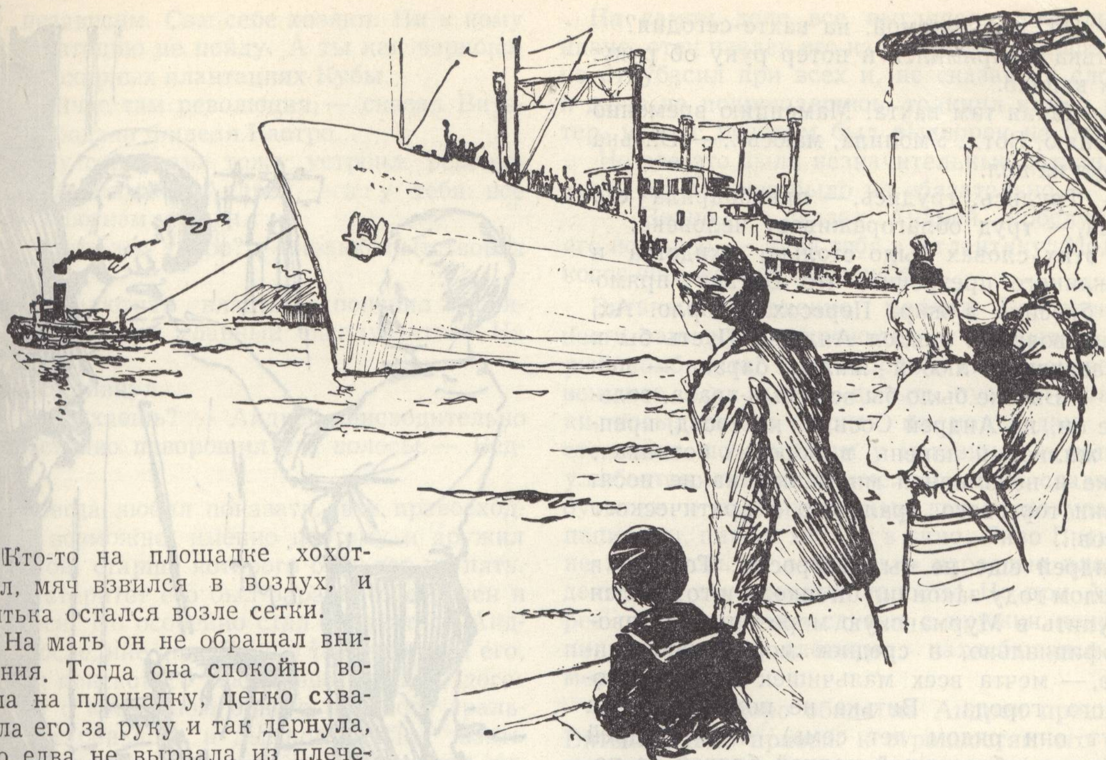
— Уже первый час ночи. Иди.

— Ладно, — бросил Витька, — игру кончим.

Мать не уходила, дожидаясь конца игры. Ей почему-то казалось, что сто́ит уйти без него, как снова на нее накинутся все сомнения и тревоги, и она не будет уверена, что сын ее не ушел на корабле с отцом...

Игру они скоро кончили, команда, в которой был Витя, проиграла, игра возобновилась вновь, и все-таки мальчик, наверное, пошел бы с матерью домой, но все испортила реплика Андрея, рослого парня в синих тренировочных брюках и трикотажном свитере с белой каймой вокруг шеи.

— Витенька, — крикнул он, — мамочка зовет... Живо!

Буксирный катер выводил на рейд огромную глыбу траулера.

Кто-то на площадке хохотнул, мяч взвился в воздух, и Витька остался возле сетки.

На мать он не обращал внимания. Тогда она спокойно вошла на площадку, цепко схватила его за руку и так дернула, что едва не вырвала из плечевого сустава руку.

— Домой!

Он яростно сопротивлялся, упирался каблуками в землю и под хохот приятелей делал всем телом конвульсивные движения, стараясь освободиться. Но мать оказалась невероятно сильной, и он ничего не мог поделать. А когда она еще шлепнула его по щекам, он завопил, заругался. Мать не слушала его воплей. Она быстро шла к дому и крепко держала его за руку, и он на подошвах брезентовых туфель тащился за ней.

— Где пропадал? — шепотом спросила она в комнате.

— Нигде, — буркнул он, глядя на спящего Сергуньку.

— Почему я тебя на причале не видела?

— Плохо смотрела.

Витька был худ, длиннорук, ростом чуть пониже матери. Он стоял с туго сжатым ртом, хмурился и смотрел в сторону.

— Всех видела, а тебя нет.

— Я не виноват.

— Вот вернется отец — спрошу у него.

— Пожалуйста, — равнодушно протянул Витька. — Хоть тысячу раз спрашивай.

Мать поняла, что говорить с ним сейчас бесполезно.

— Пей молоко и ложись! — коротко бросила она и принялась разбирать его постель.

Утром Витька наскоро поел и хотел уже выскочить из дому, но тут мать велела ему помыть полы. Она торопилась: уходила в управление треста «Мурмансельдь», где работала бухгалтером.

— Ладно. — Витька зевнул. — Вечно все я да я...

— Помолчал бы! — сказала мать и вышла.

Полчаса Витька слонялся без дела по комнате. Потом взял ведро, принес из колонки воду, поохал, повздыхал и наконец принялся за мытье полов: окунул в воду сухую, задубевшую тряпку, шмякнул об пол и босиком принялся гонять ее из конца в конец комнаты. Поток воды носился по широким половицам, и Сергунька, листавший книгу «Круглый год», едва успевал отскакивать от него.

Когда Витька одолел половину комнаты, отворилась дверь, и в ней показалась голова в мичманке.

— Большая приборка на палубе?

Витька застыл, не зная, что сказать. Щеки запылали от стыда и мгновенно покрылись испариной.

Зато голова в мичманке отлично знала, что говорить.

— Эй, ты, поломой, на вахте сегодня?

Витька выпрямился и потер руку об руку: с рук капало.

— Какая там вахта! Маменцию временно подменяю. Вот... Умолила, маюсь... — Витька плюнул на пол.

— Трудись, трудись, — приободрила его голова, — труд облагораживает человека.

В этих словах было столько ехидства и сдержанного презрения, что Витьку прямо-таки бросило в жар. Пересохло горло. Ах, как не вовремя явился Андрей! Пусть бы к ним заглянул любой жилец барака — любой! — Витьке было бы все трын-трава, только не он, не Андрей Соснин, их сосед, крепкий, жилистый парень в морских ботинках, куртке и неизменной мичманке, какие носят моряки торгового, тралового и арктического флотов...

Андрей еще не был матросом. Только в прошлом году закончил он школу и готовился поступить в Мурманскую мореходку, а говоря официально, в среднее мореходное училище, — мечта всех мальчишек этого заполярного города. Витька не помнил дня (а живут они рядом лет семь), чтоб Андрей расстался с блестящей медной бляхой на поясе, добытой у какого-то военного моряка-подводника, брюками-клеш и этой щегольской мичманкой с ослепительным лаковым козырьком.

Отец Витьки был моряком, но, странное дело, не отец, а вот этот ловкий и уверенный парень был его мечтой. Наверно, оттого, что отец был почти стариком, и подражать хотелось не ему, а в первую очередь Андрею. К тому же разве мог отец научить его таскать каменный уголь со склада и продавать по рублю за ведро, лазить через заборы, затягиваться табаком и пускать к потолку голубые дымные кольца?

— Спички найдутся? — Голова Андрея все еще торчала в двери.

Витька проворно зашлепал босыми ногами по мокрому полу к буфету, принес коробок, даже зажег спичку и поднес к папироске Андрея.

— Витенька, полы-то кто будет домывать? — спросила бабка.

— Хочешь покурить? — шепнул Андрей. — Выйдем.

Курить Витьке страшно не хотелось, но чтоб хоть немного реабилитировать себя — застукали за таким немужским делом! — Витька шепнул:

— Очень...

Быстро сунув ноги в ботинки и не завязав шнурков, он вышел в коридор.

Витька поднес спичку к папироске Андрея.

— Бабку жалко, — сказал Витька, получая папироску, — еще возьмется домывать.

— Гимнастика — она всем возрастам полезна, — пустил смешок Андрей.

Витька вздохнул:

— Старая больно...

— Сердобольный какой! — качнул мичманкой Андрей. — А еще в море хочешь.

— Ну и хочу, а что?

— Не примет.

— Почему? — В голосе мальчика забился легкий испуг.

— Море любит твердость. Как железо, должно быть сердце мужчины. Как сталь. Доходит?

— Как сталь, — повторил Витька.

— То-то! — Андрей прищурился и узкими щелочками глаз посмотрел, как Витька прикуривает. — А ты вот из-за пустяка размяк, как галета в чаю. Дома тебя навьючили, как ишака. Ни свободы, ни права голоса. А я,

брат, независим. Сам себе хозяин. Ни к кому в эксплуатацию не пойду. А ты как чернокожий на сахарных плантациях Кубы.

— Сейчас там революция, — сказал Витька, — бородачи Фиделя Кастро...

— Я у себя дома тоже устроил революцию, — улыбнулся Андрей, — а у тебя все еще абсолютизм матери.

— А что это такое? — полюбопытствовал Витька.

— Абсолютная власть, — пояснил приятель. — Где твой главный эксплуататор? На работе?

Витька кивнул.

— Отдыхаешь? — Андрей снисходительно и жалостливо поворошил его волосы. — Бедняга!

Он всегда любил показать свое превосходство и, возможно, именно поэтому и дружил с Витькой, старше которого был лет на пять. Здесь авторитет его был заранее обеспечен и бесспорен. Но особенно стал задаваться Андрей в последние дни. Дело в том, что отец его, капитан поискового рыболовного судна, договорился с капитаном одного парового тральщика, старенького и дымного «РТ», взять Андрея в небольшой рейс в Норвежский желоб за морским окунем и треской.

Андрей уходил простым матросом. Он хотел поднабраться морского опыта перед поступлением в мореходку и очень гордился своим скорым назначением.

— Я тоже чуть было не ушел вчера, — сказал Витька.

— Куда?

— В Северную Атлантику.

Андрей закусил губы. Он хвастался мальчишке Норвежским желобом, а тот, оказывается, чуть не попал в Атлантический океан!

— Врешь! — Он мастерски сплюнул сквозь зубы.

— Правда. — И Витька рассказал приятелю, как за полчаса до отхода отцовского рефрижераторного траулера спрятался в кладовой с боцманским имуществом. Потом корабль вышел на рейд. И когда Витька уже был уверен, что все в порядке, по коридорам вдруг забегали люди, отпирая все каюты и обшаривая все корабельные закутки. За три минуты до того, как траулер снялся с якоря, его нашли, и отец сказал, что идти в рейс ему немного рановато: скоро в школу. Да и матери будет без него грустно. И он, Витька, поразмыслив немного, был вынужден согласиться с ним и отбыл на берег портовым катером вместе с работниками, оформившими документы на отход.

На самом деле все выглядело несколько иначе: отец извлек его из кладовой, хорошенько отдубасил при всех и, не сказав ни слова и даже не попрощавшись, толкнул в этот катер, и он с позором был выдворен на берег.

Но все это были незначительные детали, и знать их Андрею было не обязательно.

— Верно, — сказал Андрей, прослушав его историю, — куда тебе в Атлантику! Молокосос еще, соплей перешибешь.

Витька подавленно молчал. Как нужно нести записку в общежитие к девчатам из рыбокомбината, так говорит с ним ласково и вежливо. Как нужно добыть пустые бутылки, посылает его шарить по подъездам, по столовым, по закуткам у магазинов и потом улыбается, хвалит за смелость. Они сдавали бутылки и на вырученные деньги покупали папиросы, пиво и ходили в кино. Пиво Витьке не нравилось: и как только взрослые платят деньги за эту горькую гадость! Но при Андрее он решительно сдувал с кружки пену и пил большими глотками, захлебываясь и морщась.

Впрочем, скоро обида на Андрея прошла. Витька давно привык к странностям его характера, и до вечера они успели наиграться в футбол, выкурить пачку «Казбека», собрать двадцать бутылок (в том числе и ту, которую Витька спрятал в своей кладовке), «отоварить» стекло на рубли и серебро. Денег ему Андрей не давал, но папиросами и пивом угощал.

Вечером Витька прискакал в барак. У двери их комнаты в коридоре стояли бабка и Сергунька и терпеливо ждали, когда мать вымоет пол.

Витьке стало не по себе. Он сунул голову в комнату и буркнул:

— Мам, дай я...

Мать так шуганула его мокрой тряпкой, что Витька, шарахнувшись в сторону, сбил с ног Сергуньку и стукнул головой в живот проходившую по коридору мать Андрея, тетю Веру. На ней было серое габардиновое пальто и маленькая шляпка с цветами. Тетя Вера всегда заступалась за Витьку, он любил ее за это и теперь очень сконфузился.

— Теть Вер, простите, — залепетал он, смущенно почесывая голову. — Я...

— Сама видала, ты не виноват, — сказала тетя Вера, дружелюбно похлопывая его по щеке.

И вечером Витька слышал, как она позвала к себе в комнату мать, журила ее.

— Напрасно ты так с ним, — говорила она, — маленький он еще, побегать ему хочется, пошалить. А ты все кричишь на него. И за

хлебом он у тебя бегает, и в аптеку, и полы моет. Держишь его в черном теле.

Мать усмехнулась.

— Вот как?

— А разве нет? Детям нужна ласка, доброта, тогда они всю жизнь будут ласковые и добрые и тебя любить будут. Не знаю, как ты считаешь, но я стою на такой точке зрения. Вот мой Андрюша хочет уйти в море, а у меня сердце разрывается — зачем?

— Пора ему в море, — отрезала мать, — авось, там его чему-нибудь научат, а то смотреть на парня противно: жених уже, вон какой вымахал, а целыми днями слоняется с голопузой ребятней, моего вон тоже чем-то купил, не отходит от него. Ох, не к добру все это, Вера...

Теперь усмехнулась тетя Вера:

— Не бойся, Андрей дурному не научит. Я-то на что? Слежу за ним.

Через неделю Андрей ушел в море.

Витька хорошо помнил, как это было. Тетя Вера купила ему в аптеке аэрон — специальный порошок от качки, разные таблетки от гриппа, от желудочно-кишечных заболеваний. Срочно был заказан и связан свитер из толстых шерстяных ниток, куплено теплое белье, новая непромокаемая куртка. Андрей уверял мать, что на тральщике выдается прочная спецовка, что запасаться продовольствием не нужно: на судне кормят не так уж плохо и, кроме того, там имеется продовольственная лавочка, где можно прикупить в случае чего и консервы, и сахар, и апельсины. Но мать не очень-то верила ему, и к моменту отъезда все его вещи едва влезли в большой чемодан. Одеяло и одежду увязали в тюк.

Перед отходом тетя Вера позвала Витькину мать и самого Витьку к себе, и они вместе пили вино и угощались шпротами, красной икрой, халвой и свежими хрустящими пирожками с маком, с мясом, с рыбой и вареньем.

Тетя Вера грустно смотрела на сына и даже всплакнула:

— Один уходит. Совсем дитя еще. Случится что...

— Все будет хорошо, — сказала Витькина мать. — Мой муж в пятнадцать лет уже рыбачил. Самостоятельным был. Тогда и суда были плохонькие, и снабжение не то, и многих приборов нынешних не было, и все в порядке, а твой....

— Не уговаривай, — тетя Вера вытерла платком лицо, — в те времена люди покрепче были, потверже на ногах держались.

— Не надо бояться моря, ничему плохому оно не научит, — сказала Витькина мать.

«Расфилософствовались», — подумал Витька, налегая на пирожки с вареньем.

— А я и не боюсь его. — Андрей нервно передернул плечами. — Оно у меня, можно сказать, в крови, море, и плевать я хотел на все штормы и туманы. Да и что такое море без ветра и волны? Лужа, и только. Вот окончу мореходку, буду ходить в Северную Атлантику! К Ньюфаундленду и Лабрадорскому полуострову, на стык холодного и теплого течений, там столько сельди — о киль судна косяки трутся.

Витька смотрел на него восторженными глазами — никогда еще не любил он его так! — однако не забывал посылать в рот пирожки с густой и приторной начинкой.

А Андрей разошелся и ни на минуту не умолкал.

— Этот рейс к Норвегии — ерунда. Сутки ходу — и там уже. Просто хочется размяться немножко, проветриться, а то здесь, на берегу, совсем закис. — И чтобы показать, как ему хочется размяться, Андрей подвигал согнутыми в локтях руками.

Витьке хотелось плакать от зависти. Он готов был добыть тысячу бутылок, только б взял его Андрей хотя бы в этот легкий, увеселительный рейс!

Пора было в порт, и Витька вызвался провожать Андрея. Тот не возражал, и мальчик тащил до автобуса увесистый тюк с теплым ватным одеялом и продовольствием. Витьке было смешно, неловко перед едущими в автобусе и жаль Андрея, этого героического парня, которого мать в полный голос уговаривала вести себя на тральщике разумней: не подходить близко к борту — можно свалиться в море; надевать теплое белье и свитер — можно простудиться на ветру; больше намазывать на хлеб масла — в работе теряется много энергии, и ее нужно постоянно восстанавливать высококалорийной пищей; не связываться с пьяницами и другими невыясненными и темными элементами, которые могут попасть на рыболовецкое судно...

У корабельного трапа вахтенный матрос, окинув взглядом багаж Андрея, иронически спросил:

— В кругосветку собрался, что ли?

— Угадал, — беззлобно ответил Андрей и по сгибающемуся и скрипящему от тяжести трапу взошел на борт тральщика.

Витька с тетей Верой часа три провел на судне до его отхода, и мальчику приятно было видеть, как просто держится Андрей: он, оказывается, уже знал добрую половину экипажа, шутил с капитаном, по-приятельски похлопывал по спине боцмана, заигрывал с се-

строй первого помощника, которая пришла провожать брата в рейс...

К дому возвращались молча. Возле барака ходили какие-то люди в грязных спецовках. Безусый парень смотрел в трубку на треноге, девушка в лыжных штанах ходила по буграм и ямам с огромной, выше ее роста, линейкой.

У входа в барак стояла Витькина мать и улыбалась.

— Сносить будут. Ордер обещают, скоро уже.

С этого дня в бараке с утра до вечера только и были разговоры о переселении в новый дом.

Первые дни Витька очень скучал без Андрея. Одному неохота было таскаться за бутылками, добывать каменный уголь, шататься допоздна по улицам. Одно только радовало теперь Витьку: не нужно было делать вид, что тебе ужасно нравится горькое пиво, вонючий папиросный дым, и не нужно было таскать записки в женское общежитие рыбокомбината.

У Витьки сразу появилось много свободного времени. Он жадно читал книги, возобновил занятия в школьном судоводительском кружке, изучал морской семафор — каждый моряк должен уметь переговариваться флажками, присматривался к штурманским приборам. Однажды он проснулся глубокой ночью, и его охватило чувство раскаяния. Его отец — штурман огромного современнейшего рефрижераторного траулера, оснащенного новейшими приборами, и он, Витька, много раз был в штурманской рубке, разглядывал приборы, трогал ручки машинного телеграфа и штурвальное колесо. Но почему он не расспросил у отца, как работает эхолот с самописцем, фишлупа, по экрану которой моряки определяют скопление рыбы, толщину и границы косяка?

А как интересно, как необходимо ему все это знать, понимать, уметь! Сколько времени ухлопал он понапрасну и теперь навряд ли успеет прочесть даже треть книжек, от которых, как оказалось, нельзя оторваться!

Все реже он переругивался с матерью. Помыть полы, сбегать в магазины или почистить к обеду картошку — это ведь такие пустяки, что быстрее сделать, чем спорить и отказываться. И мать вроде стала спокойнее, и Сергунька реже шарахался от Витьки, боясь получить подзатыльник.

А город, полярный город Мурманск, жил прежней жизнью. Его улицы и площади за-

Окна смотрели на Кольский залив, на корабли.

полняли морские кители, шинели с погонами, бушлаты и бескозырки, мичманки и клеши. В магазинах, клубах и театре звучала иностранная речь; рев автобусов иногда покрывали громогласные гудки океанских судов; и на рейде развевались разноцветные флаги десятков стран. На стендах вывешивалась газета «Рыбный Мурман», с досок почета глядели упрямые лица передовиков рыбной промышленности — капитанов, тралмейстеров, рыбообработчиков, засольщиков и матросов. Огромные яркие транспаранты кричали: «Дадим стране больше рыбы!»

Город жил рыбой...

Однажды мать вбежала в комнату запыхавшаяся, возбужденная и срывающимся голосом заговорила:

— Боже мой, какой сегодня день, какой сегодня день! Вы и представить себе не можете. Не верю, до сих пор не верю, что все это не сон.

— Папа приезжает? — спросил Сергунька, рисовавший в альбоме сопку.

— Нет, — сказала мама счастливым голосом, точно очень была довольна, что отец все еще мотается в океане. — Нет, не отец!

— Кофточку вязаную купила, што ль? — прошамкала из угла бабка, перебиравшая гречневую крупу.

Витька, стоявший на коленках на табуретке и запоем читавший книгу норвежского путешественника Фритьофа Нансена, поднял голову.

— Ордер?

Мать схватила его за плечи, прижала к себе, жестко, до боли, разъерошила волосы.

— Дали! Самой вручили. Не верю. Смотрите!

И она с лихорадочной быстротой достала из сумочки ордер.

Витька внимательно посмотрел на него: обычная белая бумажка с печатными буквами, с вписанной чернилами их фамилией, номером дома и квартиры, в которой им теперь предстоит жить.

Сколько, оказывается, радости и счастья может принести людям обыкновенная казенная бумажка!

Новая квартира находилась на пятом этаже. Первое, что сделал Витька, когда вошел в нее, — подбежал к окнам. Они были огромные, чистые, и в комнатах было так светло, точно вообще не было одной стены. Окна смотрели на Кольский залив с кораблями и рыбным портом, сухим доком и огромными портальными кранами, громадой рыбокомбината и железнодорожным вокзалом...

Но главное — Кольский залив. Широкий, холодно-серый и молчаливый, он стоял перед глазами, и из окон квартиры, как с капитанского мостика, были хорошо видны грузные океанские суда — торговые, рыболовецкие, ледокольные... Что за жизнь начнется теперь у Витьки: в любое время дня и ночи подходи к окну и, если только не помешает туман, гляди на корабли.

Сергунька тем временем, как по льду, катался по свежему паркету, мать рассматривала кухонные шкафики, спускала в санузле воду, трогала кончиками пальцев эмаль белой ванны, точно хотела убедиться, что все это не сон и можно попробовать на ощупь.

Шли дни. Витька привык к новому жилью, и ему уже казалось, что он всю жизнь живет здесь, в этой двухкомнатной квартире, а в бараке он и не жил, только случайно заходил к приятелю. В этом доме жили семьи судоводителей и матросов, механиков и кочегаров, и скучать Витьке не приходилось.

Новоселье решили отложить до возвращения отца.

А отец, видно, не очень торопился с возвращением. Скоро от него пришла телеграмма: «Поздравляю новосельем, вернусь не скоро. Жив-здоров. Целую».

В один из последних дней августа мать послала Витьку к тете Вере за лавровым листом. Они жили в соседнем подъезде, в однокомнатной квартире.

Стукнул в дверь. Отворила тетя Вера, красная вся, опухшая от слез. Из глубины квартиры доносился незнакомый раздраженный голос:

— К черту все! Не хочу. Ясно?

Витьке стало неловко, что он явился невольным свидетелем неприятного разговора у соседей.

— Мама просит лаврового листа немного, — быстро проговорил он. — У нас кончился.

— Хорошо, хорошо, Витенька, заходи. — Тетя Вера чуть не силой втащила его в переднюю. — Это Андрюша вернулся, не бойся...

Витька не поверил своим ушам. Он не узнал голоса своего старшего друга, будущего штурмана и мореплавателя. И когда тетя Вера распахнула перед мальчиком дверь в комнату, он с трудом узнал в сидящем за столом человеке Андрея. Что-то тяжелое, неподвижное и мрачное появилось в его лице, и на

— С приходом, — сказал Витька.

тонких губах уже не играла прежняя беззаботная улыбочка.

— С приходом, — сказал Витька. Голос его прозвучал не очень радостно.

— Здорово, — бросил Андрей. — Вползай.

Витька сел против него на уголок тахты и положил руки на колени.

— Ну, как ты тут? — небрежно спросил Андрей.

— Ничего. Живу.

— Вижу, что не дохлый.

Это было сказано таким тоном, что не хотелось отвечать.

— Хочешь сходить в море? — в упор спросил Андрей.

— Хочу.

— Чайки. Ветер. Зюйдвестка. Так?

Витька угрюмо рассматривал столь внезапно изменившееся лицо Андрея.

— Ну? — на всякий случай неопределенно проговорил Витька.

— Так вот слушай меня: ерунда все это, вранье. Только издали все это красиво и заманчиво, а как столкнешься нос в нос — дрянь. Рыбы мало, вытаскиваешь за подъем каких-нибудь килограммов сто — двести, море тебя поливает, весь мокрый, дрожишь, как цуцик, а до плана, как до неба, далеко. Веселая жизнь! И к тому же беспрерывно качает. Башка трещит. А ты работай, потроши, как мясник, треску и окуня. По палубе гуляет вода, ветер пронизывает насквозь. Руки исколоты плавниками, рукавицы промокли... Бр-р-р... Понял?

Витька молчал, разглядывал лицо Андрея и не узнавал его.

— И так изо дня в день. Ничего там хорошего нет. Это в книжках все красиво и героично, а там одна проза. Дай миллион в зубы — не пойду на тральщик больше. Пусть лопоухие идут, а с меня хватит. Баста! Я хотел быть моряком, а не чернорабочим. Большое удовольствие стоять на палубе у рыбодела и рубить треске голову или тянуть кишки из брюха! Спасибо! Пойду лучше в арктический флот. На ледокол. Ледокол — солидная вещь. И кормят там лучше, и жить удобнее, и работаешь по-человечески.

Витька неловко зашевелился на тахте.

— А знаешь, как на нем качает? — спросил он.

— Почему это? — насторожился Андрей. — Плотные льды, торосы, айсберги и вдруг качает?

— Еще как, — проговорил Витька, — куда сильнее, чем на «рыбаке» или «торгаше». Днище-то у него под яйцо сделано, круглое, как корыто. Он им взбирается, въезжает на толстую льдину, давит всей тяжестью, ломает и взбирается дальше. Так и прокладывает дорогу каравану судов. Ты что, не знаешь?

— Знаю лучше тебя, — Андрей махнул рукой, — к черту арктический флот! Тоска одна на море. Вода да небо. Да все одни и те же люди вокруг. Опротивеет все за рейс, и смотреть не хочется. Такая скучища! И денег не захочешь. Пойду лучше на инженера учиться. Оно вернее.

Мать Андрея, все время хранившая молчание, наконец вмешалась в разговор:

— Нельзя так, Андрюша, судить о жизни: сходил в один рейс, не понравилось, и ты уже в панику — не хочу, и все! Привыкнуть надо к морю, полюбить его. Вот твой отец...

— Кончим прения, — перебил ее Андрей. — Все ясно. Пошли, Витюнь, поболтаемся... Твой еще не вернулся?

— Нет.

— Ну пошли, что ли?

— Пошли.

Они спустились по лестнице вниз, и только сейчас заметил Витька, что на кудрях Андрея сидит не привычная щеголеватая мичманка, а обыкновенная клетчатая кепка, что на нем не морские брюки-клеш, а простые гражданские штаны и поддерживает их не ремень — военно-морская пряжка со звездой и якорем! — а самый заурядный пояс.

Все, что напоминало о море, — и в одежде, и в разговоре, и в походке, — все это исчезло, растаяло, скрылось куда-то, и все это за каких-нибудь двадцать дней.

Андрей купил в ларьке пачку «Беломора», сунул в рот папиросу, вторую протянул Витьке.

— Не хочу, — сказал Витька.

— Бери, говорю тебе. Ну?

— Не хочу.

— Не хочешь — не надо. Дело хозяйское.

Они молча дошли до площади Пяти углов. Витька не хотел ни о чем расспрашивать Андрея.

— Мне пора, — сказал он, случайно нащупав в кармане пакетик с лавровым листом. — Пойду.

— А я не хочу, чтобы ты уходил. Мы с тобой еще пивка хватим. Я при деньгах. За рыбьи хвосты кой-что получил.

— Мне нужно домой, — сказал Витька.

— Зачем?

— Так. Дело есть.

— А я не пускаю.

— А мне надо.

И Витька пошел домой. Рассказал матери, что Андрею не понравилось море.

— А что ему понравится? — сказала мать. — Море не для забавы.

— На инженера хочет учиться.

— А там что, баклуши бить можно? Не быть ему инженером. С детства оберегала его Вера от всего. Заранее знала я, плохо кончится у него этот рейс. Иначе и быть не могло. Знай и не обижайся, когда кричу на тебя: хочу, чтоб человеком стал. Не вечно будет при тебе мама. Работы не бойся, от нее человек крепким и ясным становится.

Мать еще долго говорила, каким он должен быть. Витька знал: взрослые любят поучать детей. Хлебом их не корми, а позволь наговорить три короба нравоучений. И Витька обычно не слушал их, затыкал уши, убегал. А на этот раз он слушал. Мать была права. И всему виной Андрей. Ах, если б он пришел с моря другим, все было бы по-старому, все было бы понятно и ясно Витьке и можно было бы не слушать мать!

Но Андрей пришел с моря не тем человеком, каким хотел его встретить Витька, и теперь голова у него прямо распухла от сотен вопросов, сомнений, догадок. Он бродил по квартире тихий, задумчивый, рассеянный, и мать, понимая его состояние, не давала ему никаких поручений, была с ним ласкова и предупредительна.

А вечером, спускаясь по лестнице, прогуляться, Витька вдруг стукнул кулаком по перилам и негромко сказал вслух, точно решил для себя очень важное:

— В море. Только в море.

И если б кто-нибудь слышал эти слова, он никогда бы не понял, в чем дело и как много значили в жизни Витьки эти слова.

Телеграмма от отца пришла через неделю: «Возвращаемся сверх плана двести тонн рыбы...»

Возвращения его ждали как праздника.

И этот день настал. Втроем — мама, Витька и Сергунька — стояли они на причале в толпе встречающих. Был сентябрь, сопки побелели от первого снега, с моря тянуло студеным ветром. Огромный рефрижераторный траулер, белопалубный, светлый, в разноцветных праздничных флагах, шел по середине Кольского залива. Не каждому судну выпадает такая честь. Найди в темных глубинах морей густые косяки рыбы, поймай ее, обработай, загрузи в трюмы и перекрой план — и тогда, по рыбацкому закону, вывешивай флаги расцвечивания.

Флаги рвал ветер. Суда, стоявшие в порту и на рейде, встречали траулер радостными, зычными гудками. И в то самое время, когда он подходил к якорной стоянке, другой точно такой же великан, выбрав якоря, разворачивался и медленно уходил по заливу в Северную Атлантику.

Что ж, такая уж моряцкая жизнь: отцы приходят из океана, отцы уходят в океан; одних ждут, других провожают, и настанет время, большое, трудное, счастливое время, — вчерашние дети, надежные, крепкие парни, натянут брезентовые куртки и зюйдвестки, и спокойно заступят на вахты, и поведут свои океанские корабли сквозь льды, пургу и шторм — к новым уловам и открытиям.

Привлекайте крылатых защитников леса

В тех лесах, где живет много птиц, вредителям приходится туго. Птицы уничтожают несметное множество жуков, гусениц и бабочек.

Привлекайте птиц в леса. Позаботьтесь о том, чтобы им было где гнездиться. Большинство пернатых защитников леса вьют свои гнезда в зарослях шиповника, белой акации, лоха, жимолости, терновника, молодых елочек, тополей, дубочков.

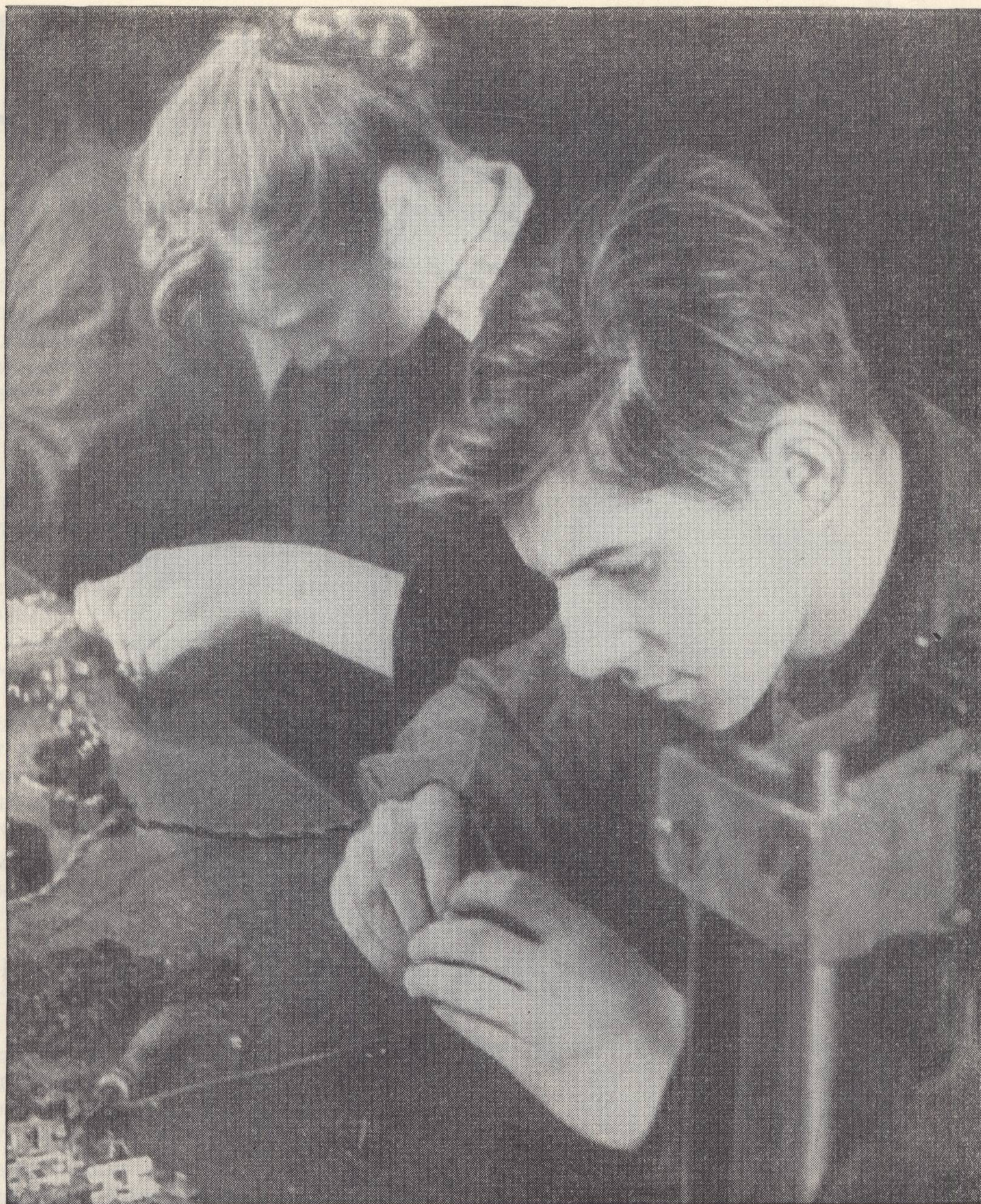
Пойдите в соседний лесхоз или леспромхоз, узнайте, не нужно ли помочь сажать эти растения на опушках леса или в местах, которые вам укажут.

Для птиц, живущих в дуплах, сделайте искусственные гнезда и развесьте их в лесу.

Н. Мельникова,
научный сотрудник Бюро прогнозов Всесоюзного научно-исследовательского института лесоводства и механизации лесного хозяйства.

ПЕРВАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Цех сборки. За двумя длинными столами, напоминающими ленты конвейера, то в одном конце, то в другом вспыхивает контрольный огонек. Это проверяется собранный электровыключатель.

Сегодня на Заводе электроизделий № 1 работают ученики 9-го класса 210-й московской школы. Два раза в неделю приходят ребята в свой заводской класс. Многому научились они с начала учебного года. Могут самостоятельно собрать выключатель, розетку, все приборы, необходимые для проводки электричества в новом доме. Незаметно пройдет время, и будущие десятиклассники получат квалификацию сборщиков электроустановочных изделий.

На снимке вы видите Тамару Сивенкову и Александра Шестакова. Они заканчивают сборку электровыключателя.

Фото М. Окушко.

Володя Ульянов. Снимок 1887 года.

Студент Владимир Ульянов

Помнишь, в прошлом году, в апрельском номере, мы рассказали тебе о детстве и юности Володи Ульянова? О том, как он стал студентом, как сложилась жизнь семьи Ульяновых после отъезда из Симбирска, ты прочитаешь сегодня.

Ю. Махина, Г. Хаит.

ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Большие изменения произошли в семье Ульяновых после смерти отца и казни Александра, старшего брата Володи. Семья покинула родной город Симбирск и перебралась в Казань, там Володя должен был поступить в университет. Трудно было расставаться с домом, где прошли детство и ранняя юность, где знаком и так близок сердцу каждый уголок. Милая речка Свияга, сад, просторный двор, напоминавший о веселых играх,— со всем этим Володе пришлось проститься навсегда...

Лето 1887 года Ульяновы провели в маленьком и небогатом именьице сестер Марии Александровны — Кокушкине, расположенном в сорока верстах от Казани.

Здесь все так же хмуро смотрели на улицу подслеповатые окна убогих крестьянских изб. Во дворе по-прежнему рос густой колючий малинник, прозванный маленьким Володей Ульяновым и его двоюродным братом Колей Веретенниковым «красным бором». От дома сбегали вниз, к реке Ушне, узкие тропы, проторенные в густой траве. Все так же плескалась вода о заплесневелые бревна полузатопленной купальни.

Все было как будто по-прежнему и в то же время совсем иначе. Сколько забавных историй рассказывал вон там, на веранде, Володин отец, Илья Николаевич Ульянов. Его нет. Никто никогда не услышит больше его голоса...

Нет и Саши. Еще прошлым летом он приезжал сюда погостить на несколько дней, купался в Ушне и увез с собой в Петербург «инфузорную» землю. Шкатулку с этой землей у него отобрали во время обыска.

Но осиротевшая семья держалась, как всегда, дружно. Каждый был занят своим делом. Володя много читал, играл с Митей. Маленькую Маняшу готовили во второй класс гимназии. Оля все сидела за роялем или занималась английским языком.

В семье Ульяновых очень любили природу. Однажды за обедом Володя сообщил, что скоро будет солнечное затмение. Митя и младшие сестры всполошились. Встав из-за стола, бросились запасаться дымчатым, а на худой конец, закопченным стеклышком. Интересно, как все это будет!

Когда затмение прошло, Оля села писать подруге:

«Хорошо ли было видно в Симбирске солнечное затмение? Здесь оно началось около 7 часов и продолжалось почти до $^1/_2$ девятого, но полного затмения не было. Крестьян предупредили, что будет затмение, и не велели им в этот день выгонять скотину; некоторые из них не поверили, большинство же поняло так, что в пятницу должно быть землетрясение и что скотина в поле провалится, и порядком струсило; наконец, некоторые... решили, что будет светопреставление. Когда солнце было наиболее закрыто, то в избах и комнатах было темно почти так же, как ночью...»

Анна Ильинична Ульянова — сестра Ленина.

Оля собралась было идти на почту, как в дом принесли письмо из Петербурга. Мария Александровна разорвала длинный хрустящий конверт... и побледнела.

Оля не видела ее такой с того дня, когда стало известно об аресте Саши.

Оля помогла маме сесть. Взяла из ее тонких пальцев исписанный листок, прочитала. Какой-то полицейский чиновник предлагал Марии Александровне получить 15 рублей 22 копейки, отобранные у Саши во время ареста.

Сколько сил и старания приложили Володя с Олей, чтобы не напоминать маме о тяжком горе, недавно перенесенном семьей! И вдруг такая подлость, такое злое издевательство!.. Мало им казни Саши, мало им того, что Аню выслали из Петербурга и она живет здесь под гласным надзором полиции, мало того, что местный стражник бесцеремонно приходит к ним в дом!..

Тяжело было Володе после этого оставить маму. Но он должен был ехать в Казань — подавать прошение в университет...

ИНСПЕКТОР

Ровная, как стрела, Воскресенская улица Казани. Вдали маячит белая Спасская башня кремля. Неуклюжее желтое здание с каланчой на крыше — городское полицейское управление. А совсем рядом, через дорогу, на целый квартал растянулось величественное белоколонное здание, увенчанное крестом, под которым золотыми буквами по белому камню написано: «Императорский Казанский Университет».

Владимир вошел в университет и разыскал застекленную дверь канцелярии инспектора.

За столом сидел сам инспектор — высокий, грузный. Он что-то читал и не поднял головы, когда Володя положил перед ним прошение о приеме. Минуту спустя инспектор молча и равнодушно потянул к себе бумагу. Пробежав глазами несколько строк, он вдруг выпрямился и уставился на посетителя водянистыми глазами.

— Вы Ульянов?

— Да.

— Брат казненного Александра Ульянова?

— Да, родной брат,— ответил Владимир.

Инспектор отложил документ в сторону.

— Уведомим,— сухо процедил он.

Когда Володя закрыл за собой дверь, инспектор Потапов, ломая карандаш, написал на левом верхнем углу только что поданного прошения: «Отсрочить до получения характеристики».

Долго пришлось ждать «уведомления». Только к концу лета, 13 августа, Владимир Ильич Ульянов был зачислен в списки студентов юридического факультета Казанского университета.

И вот Володя снова в Казани, в канцелярии инспектора. На столе у того лежит характеристика, подписанная директором Симбирской гимназии:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению».

Недовольно взглянув на характеристику, инспектор достает лист бумаги с типографским текстом и протягивает Володе.

— А теперь подпишите обязательство,— хмуро говорит он.

Володя внимательно прочитал текст и быстро подписал. «Обязательство» гласило:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как напр. землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства. 2 сентября 1887 года.

Студент Императорского Казанского Университета юридического факультета 1-го семестра Владимир Ильич Ульянов».

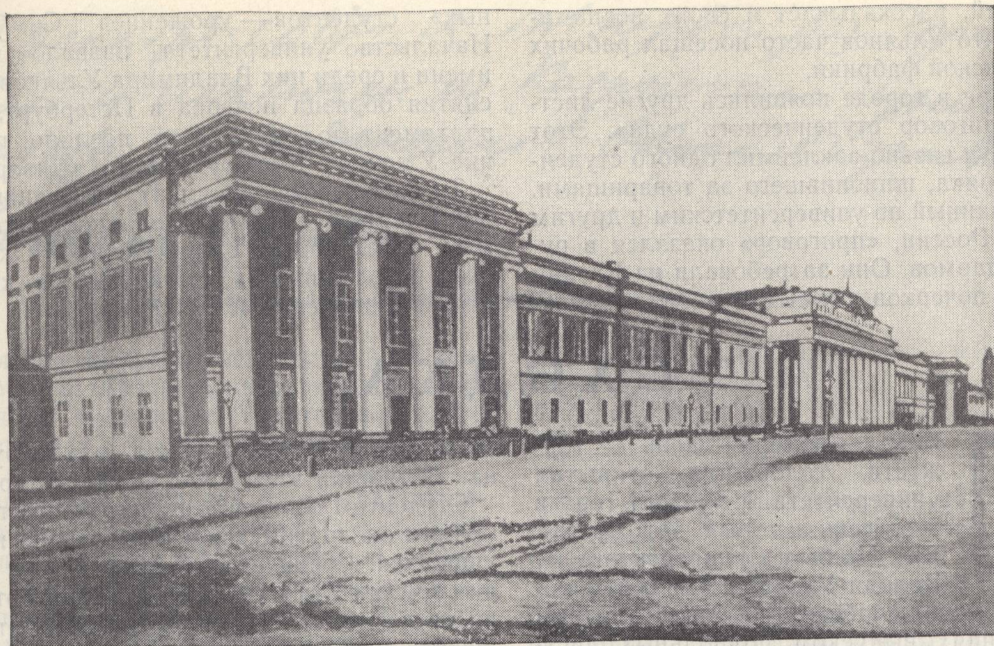
Его Превосходительству
Господину Ректору Императорскаго Казанскаго Университета

Окончившаго курс въ Симбирской гимназии сына чиновника, Владимира Ильина Ульянова

Прошение

Желая для продолжения образования поступить въ Казанский Университетъ, имею честь покорнейше просить Ва

Прошение Володи Ульянова о приеме в университет.

Казанский университет. 1887 год.

Потапов положил подписанный Ульяновым листок в ровную стопку таких же бумажек, рядом с кипой донесений о поведении студентов.

«Запрет, наказание, слежка» — таков был девиз инспектора. Он сам признавался в последнем, сочиняя очередной доклад попечителю учебного округа:

«Из чинов инспекции на гуляниях в Черноозерском саду бываю или я сам или один из моих помощников. Наводятся справки там, где можно рассчитывать получить их. Служители инспекции бывают всегда там, где более всего бывают студенты».

Но не всегда и не все удавалось выследить Потапову...

ПЕРВЫЕ ШАГИ

тот переулок недаром назвали Собачьим. С утра до вечера здесь шныряют стаи голодных псов, подбирающих отбросы у ларьков и лабазов Рыбного рынка.

Теснятся домишки в кривом переулке. Ночные сторожа перекликаются стуком колотушек. А в одном из домиков, в комнате на чердаке, идет жаркий спор. Здесь собрался тайный революционный кружок студентов. Среди них Владимир Ульянов.

— Единицам царя не свергнуть. Наш путь иной,— заявляет он.

— Какой?

— Победу добудет народ.

— Зреет сила, которая сметет гнет,— поддерживают его товарищи.

— Где эта сила?

— В рядах рабочих.

Думают вслух, спорят друзья по борьбе. Рабочие... Неделю назад грузчики на пристани прекратили работу.

— Шабаш, не дадим драть с нас семь шкур,— неслись их густые голоса.

И на земле, рядом с горами тюков и ящиков, частоколом выросли рукоятки носилок-козел, которые грузчики разом сбросили с натруженных спин.

На полтора часа раньше обычного затихли станки на фабрике купца Алафузова.

— Не будем работать! Прибавьте плату! — гудела на дворе толпа.

Из рук в руки переходили листки прокламаций. Утром их принесли на фабрику студенты. Осип Португалов, учившийся вместе

с Володей, рассказывает в своих воспоминаниях, что Ульянов часто посещал рабочих алафузовской фабрики.

А вскоре в городе появились другие листки — «Приговор студенческого суда». Этот тайный суд гневно заклеймил одного студента-симбиряка, шпионившего за товарищами.

Разосланный по университетским и другим городам России, «приговор» оказался в руках жандармов. Они затребовали из Казани образцы почерков самых «неблагонадежных» студентов — уроженцев Симбирска. Начальство университета назвало четыре имени и среди них Владимира Ульянова. Для снятия образца почерка в Петербург, в департамент полиции, было послано прошение Ульянова о поступлении в университет.

То был первый документ, написанный рукой Владимира Ильича, попавший к жандармам. С тех пор до самой Великой Октябрьской революции они охотились за каждой строкой, написанной им.

СХОДКА

Пятое ноября — день торжеств, годовщина открытия университета. Но в 1887 году в этот день актовый зал пустовал. Не был в университете и Володя Ульянов. Студенты по-своему отметили юбилей: бурными речами на собраниях, выпуском подпольных листков, эпиграммами на царя.

А 4 декабря в курительной комнате университета собралась большая толпа. Молодежь о чем-то горячо шепталась. Читали свежие номера «Волжского вестника» и какие-то листовки.

— В Москве была сходка,— говорили студенты.

— И у нас, наверное, будет.

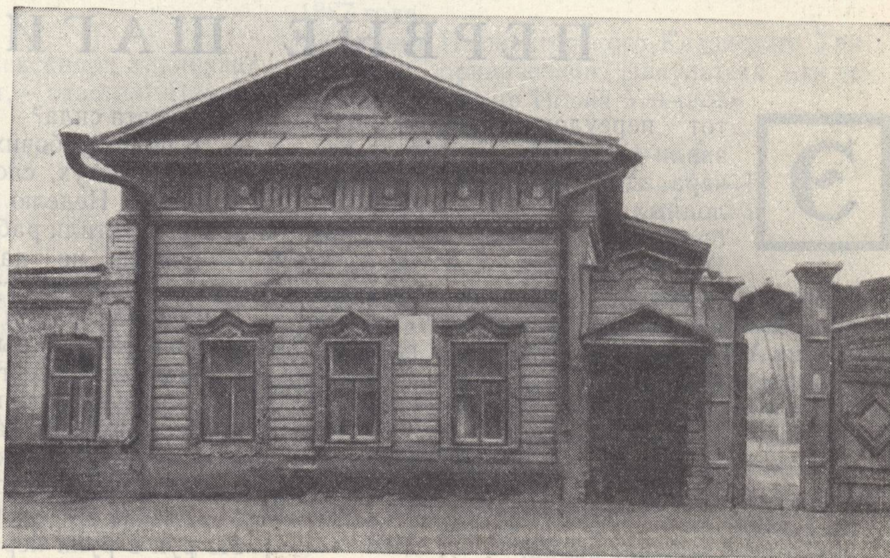
Ульянов, который находился здесь еще с утра, точно знал, что сходка будет. Об этом он и его товарищи условились накануне.

«Еще за два дня до сходки,— писали потом чиновники инспекции об Ульянове,— подавал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего, проводил время в курительной комнате, беседуя с наиболее подозрительными студентами; уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще вел себя очень странно. 4-го же декабря бросился в актовый зал первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору второго этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других».

Студентам было против чего протестовать. Одного за другим исключили целую группу учащихся. Среди исключенных был и Володин земляк Коля Стерлинов. У него отобрали студенческий билет только за то, что служитель инспекции увидел Колю в воскресный день на берегу Волги в красной рубашке.

Прошло не больше трех месяцев с начала учебного года, а симбирское студенческое землячество похоронило за это время трех своих товарищей. Они не выдержали муштры и притеснений и покончили с собой.

...Сходка началась ровно в полдень. Около канцелярии инспектора кто-то, хлопнув в ладоши, крикнул: «Готов!» Студенты бросились к актовому залу. Это было сигналом к началу сходки.

Дом в Казани, в котором жил до своего первого ареста Владимир Ульянов.

В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем высылан из Казани.

Строки из незаконченной автобиографии Владимира Ильича Ленина.

Дорогу им преградил ненавистный инспектор Потапов. Его оттеснили, кто-то даже стукнул его кулаком, и студенты ворвались в актовый зал. Они потребовали к себе ректора и предъявили ему свои требования.

«Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая, в частности»,— писала молодежь в своей петиции.

Ответ не замедлил последовать: в городе были приведены в боевую готовность полиция и войска.

Студенты ветеринарного института тоже объявили сходку. Они прорвались к университету через солдатские штыки и вошли в актовый зал. Среди них были знакомые Ульянова по подпольному кружку, организовавшему сходку.

Несколько дней в центре и на окраинах Казани собирались толпы молодежи. Студенты приходили к университету и подавали прошения, в которых в знак протеста против существующих порядков заявляли о своем нежелании учиться.

Одним из первых такое прошение подал Владимир Ульянов. Он писал ректору:

«Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь... просить... сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Казанского университета».

Декабрьской ночью к полицейскому управлению везли на санях исключенных из университета и арестованных студентов — главных организаторов сходки. Сопровождавший Владимира Ульянова пристав, укоризненно покачивая головой, сказал:

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена!

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится,— последовал ответ.

* * *

Оля, близкий друг Володи, писала в те дни подруге: «...признаться, в начале декабря мне было и не до писем: ты, верно, слышала, что здесь были беспорядки в университете; студенты подали петицию, где, между прочим, требовали отмены инспекции, хотя все они были страшно возбуждены и разгорячены, но сдерживались и были вежливы с профессорами; но инспектор вывел их из себя — и его поколотили. За эти беспорядки с студентами обошлись очень сурово (по приказанию министра); всех заподозренных в участии выслали из Казани (в числе их и моего брата)... Университет закрыт до нового года; ректор, говорят, выйдет в отставку. Ветеринарный институт теперь тоже закрыт...»

Незадолго до того, как Оля писала эти строки, Владимир Ульянов отправился в свою первую ссылку.

Крытая кибитка медленно ползла по занесенной снегом Грузинской улице, мимо длинного здания военного госпиталя, мимо полосатых будок часовых у городской заставы. В кибитке вместе с Володей ехали в Кокушкино Мария Александровна и маленькая Маняша.

«Был зимний морозный вечер,— вспоминает Мария Ильинична.— Мы едем по городу упакованные в нашей кибитке, а за нами на городских санках катит какой-то полицейский чин. Я все время оглядываюсь на него с любопытством. Но вот и городская застава, мы выезжаем в поле, а полицейский поворачивает обратно: он выполнил свою миссию, проводил брата до черты города...».

ЛЕСУ — ПИОНЕРСКАЯ ЗАЩИТА

Живой памятник

Величественные монументы из бронзы и гранита, мрамора и нержавеющей стали воздвигаются в память о тех, кто вечно будет жить в сердце народа. Но есть и другие, живые памятники. Об одном таком памятнике мне и хочется рассказать вам, ребята.

ВЕСНОЙ 1925 ГОДА

Вернулся с фронтов гражданской войны в родные края молодой лесник Максим Архипович Овчинников.

Горько было смотреть ему на свое лесное хозяйство. Словно облысел некогда густой лиственный лес, появилось много сухостоя. А на месте красавца бора, что еще недавно шумел на правом берегу реки Суры, увидел Овчинников поле, засеянное льном да реденькими овсами.

Шел 1925 год — первый год без Ленина. Советский народ, поднявшийся на большие трудовые дела, посвящал их памяти Ильича. Так было и в Красно-Четайском районе.

Побывал Максим Архипович в волисполкоме, в Пандиковской школе. Решение было единодушное: надо поднимать лесное хозяйство. И пусть первая посадка будет посвящена памяти Ильича!

...Видимо-невидимо народу собралось в тот день на лесной прогалине. Здесь и учителя, и пионеры из трех соседних сел, и комсомольцы, и старики, которые пришли почтить память Ленина.

Вот уже и саженцы привезли. Ребята озабоченно поглядывают на мохнатые хвостики елочек, похожие на ламповые ежики. Вон они какие слабенькие! Сейчас даже представить трудно, что здесь встанет густой стеной лес. Работали дружно. И вскоре уже вся пустошь зазеленела ровными рядками молоденьких саженцев.

Так много лет назад был заложен в Красно-Четайском районе Ленинский лес. Многих из тех, кто высаживал первые саженцы, уже нет в живых. Но забота о лесе, который стал памятником Ильичу, живет в народе. Она переходит из поколения в поколение, от отцов и дедов — участников гражданской войны — к сыновьям и внукам — сегодняшним комсомольцам и пионерам.

ЭСТАФЕТА ПРИНЯТА!

Ровно через тридцать пять лет после закладки Ленинского леса таким же вот погожим весенним деньком шли пионеры Пандиковской школы по дороге к лесу.

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед, —

поют ребята.

«Совсем как тогда», — думает учитель русского языка и литературы Григорий Ксенофонтович Федоров, шагая рядом с пионерами. А вдали уже поднимается зубчатой стеной

Ленинский лес. Не узнать теперь хрупкие, маленькие саженцы. В зеленоватых сумерках величаво замерли стройные ряды красавиц елей. Среди деревьев виднеется белая мраморная доска с золотыми буквами. Она установлена в память о торжественной закладке Ленинского леса. А дома у Григория Ксенофонтовича Федорова и еще у четырех участников закладки висят на стене почетные грамоты: «За активное участие в посадке леса в память о В. И. Ленине в Пандиковском лесничестве».

Сегодня в честь девяностолетия со дня рождения В. И. Ленина ребята идут закладывать новую посадку — лиственницы. Хоть и невелик будущий лес — всего 1,7 гектара,— работы предстоит немало. Надо очистить площадь, разметить ряды для саженцев. Но вот, наконец, приготовления окончены. Начинается посадка.

Это было настоящее соревнование: кто посадит лучше и больше всех.

Скоро стало ясно, кто выйдет победителем. Недаром почти все семиклассники — лучшие юннаты в школе. По всему району славится лук, выведенный Славой Шахмайкиным на пришкольном опытном участке. Осенью его сорт демонстрировался на районной сельскохозяйственной выставке.

А когда председатель колхоза «Искра» А. Д. Смалайкин, опытный агроном, прошлым летом побывал на пришкольном участке, он невольно залюбовался одной делянкой. Уж очень стройны и крепки были молодые побеги! Здесь ребята выращивали рассаду махорки для колхоза. Председатель даже спросил, кто работает на этом участке. Это была делянка семиклассницы Оли Воронцовой.

И сейчас впереди семиклассники. Ничего не скажешь: у них и рядки как по шнурочку и ни одного поврежденного побега.

Вечером после работы директор школы Петр Порфирьевич Пигильдин вручил старосте 7-го класса Оле Воронцовой вымпел победителей.

Круглый год несут пионеры свою лесную вахту.

НА ЛЕСНОЙ ВАХТЕ

ес раскинулся чуть в стороне от дороги, по которой Роза Асгафьева ходит в Пандиковскую школу. Но девочка нет-нет да и свернет с тропинки, чтобы нарвать ландышей, прихватить какую-нибудь диковинку для гербария или просто так посидеть на полянке, послушать весенние голоса птиц.

Вчера, возвращаясь из школы, Роза видела на знакомом гнезде малиновки кукушку. Ну, так и есть: пестрохвостая разбойница, улучив минутку, уже подбросила в чужой дом свое яичко. И скоро маленькой малиновке придется из сил выбиваться, чтобы прокормить прожорливого подкидыша.

А это место за ручьем, где растут два братца-дубка, Роза особенно любит. Но сегодня она не узнает своих старых знакомых: молодые, клейкие листочки подернуты серой паутиной. Что-то случилось... Девочка пробует ее соскоблить — на обглоданном черенке шевелится клубок зеленых червячков.

Чуть не плача, Роза начинает обрывать и растаптывать пораженные листья. Она успокаивается, только когда на дубках не остается ни одного большого листочка.

А как спасти остальные деревья? Ведь совсем недавно в школе рассказывали о том, что, если не уничтожишь личинки шелкопряда, пройдет серая смерть по всему лесу и оставит за собой сплошное кладбище деревьев. Гусеница шелкопряда такая прожорливая, что может даже перебраться на злаки.

С тех пор каждую весну, вот уже четвертый год подряд, отправляются пандиковские школьники в поход на вредителя леса.

Лес наполняется звоном и ауканьем. Стучат чайные ложки о консервные банки, звенят ведра: ребята идут в атаку на непарного шелкопряда. Соскабливают ложками яйцекладки, ссыпают в ведра, а потом разводят на опушке леса костер. Тлеет в огне паутина, горят крохотные яички, а ребята берутся за руки и танцуют возле костра, на котором умирает серая смерть.

Круглый год несут пионеры свою лесную вахту. Зорко следят они за жизнью могучего леса, вместе со взрослыми оберегают его от вредителей и болезней, помогают ему расти и крепнуть с каждым годом.

Еще одна хорошая традиция есть в Пандиковской школе: осенью выходят старшеклассники в лес на сбор семян. Конечно, как всегда, соревнуются отряды 7-го и 8-го классов.

Огромным костром полыхает над лесом гигантский клен. Его багряный убор заметен издалека. Со всех ног несутся ребята к лесному богатырю. Впереди лучшие верхолазы Гена Гераськин и Гена Черноносов. Они, как белки, мигом взлетают на самую верхушку, оставляя далеко внизу более тяжеловесных. Клен оказался настоящей кладовой семян. Верхолазы собрали богатый урожай: ведь главные запасы хранились в верхних ярусах.

Сейчас у юннатов Пандиковской школы много дела. Идет подготовка семян к весенней посадке.

У Гали Чучаковой наметанный глаз опытной ягодницы и грибницы: сразу заметит в палой листве блестящий глазок желудя. Недаром от Галиного села два шага до леса. Пока мальчики толпились у клена, она повела девочек своего отряда в глубь леса. Вот где было семян!

...Когда Ваня Аливанькин, неизменный весовщик и учетчик всех лесных «соревнований», взвесил семена, оказалось, что у 7-го класса на целых три килограмма больше, чем у 8-го,— тридцать один килограмм!

А Галя Чучакова победила всех: девять килограммов семян было в ее мешке.

Снова впереди пионеры 7-го класса — те, кто лучше всех несет лесную вахту.

ВЕСТНИК ЛЕСА

Ночью выпал снег, повис белыми подушками на еловых лапах, опушил кусты.

На снежном ковре хорошо видны хитрые петли заячьих следов. По следу идут три лыжника. У одного через плечо перекинута берданка, у двух других — фотоаппараты, на рукавах — повязки лесного патруля. Но вот лыжники останавливаются: заячий след пропал. Где-то поблизости должна быть лежка косого. Один из ребят вскидывает ружье, двое других нацеливают фотоаппараты. Сейчас из-под куста порскнет длинноухий. Вдруг где-то глухо тюкает топор. Рубят дерево!

«Берем в окружение!» — вполголоса командует Гена Маргиташкин, и лыжники срываются с места. На лесной дороге они видят розвальни, к ним какой-то человек волоком тащит две тоненькие свежесрубленные березки. Его окружают ребята.

Юра Коробков, небрежно поигрывая берданкой, спрашивает фамилию незнакомца.

А в это время Саша Казынкин и Гена Маргиташкин быстро щелкают аппаратами. Теперь порубщик будет опознан. Фотокорреспонденты пионерской «Лесной газеты» размножат снимки, раздадут их ребятам из окрестных сел, сообщат в лесничество. Браконьеру не уйти от штрафа.

А теперь можно не спеша идти по родному лесу, подсматривать первые приметы весны, послушать синицу, что поет сегодня совсем по-весеннему.

Совсем недавно решили пионеры Пандиковской школы издавать ежемесячную лесную фотогазету. Первый ее номер должен выйти в этом месяце. В редколлегии газеты шесть человек. Это ребята, влюбленные в лес, и, конечно, страстные фотолюбители. Но помогать лесной газете будет вся школа: грибники и ягодники, охотники и птицеловы. Ведь лес велик — за всем не углядишь. У «Лесной газеты» должны быть десятки глаз и ушей. Ничто не укроется от зорких ребячьих глаз: ни яйцекладка непарного шелкопряда, ни свежая порубка, ни засохшее дерево. Они подметят и первое цветение ландышей, и веселую семейку опят, и прилет скворцов. О самом интересном они сразу же сообщат лесным фотокорреспондентам. С такими помощниками лесная фотогазета станет добрым вестником леса, его защитником и другом.

У ЛЕСНОГО КОСТРА

Хорошо теплым весенним вечером у лесного костра! Ребята уселись тесным кружком, кто-то затягивает песню, а в котелке аппетитно булькает картошка.

Сегодня — традиционный костер памяти Ленина. К ребятам пришло много гостей: колхозники из соседних деревень, старший лесничий Максим Архипович Овчинников. Из соседнего села приехал лесник-пенсионер Иван Трофимович Парлейкин. Это он много лет назад во время закладки Ленинского леса раздавал ребятам саженцы ели. Иван Трофимович — один из бывших учеников Пандиковской начальной школы. Он хорошо помнит те далекие времена, когда на целый класс приходилось по одному букварю и задачнику, когда ни один чувашский школьник не мог написать на своем языке самых простых слов. Чуваши тогда не имели своей письменности. Помнит Иван Трофимович и невысокого человека с рыжеватой бородкой — инспектора народных училищ Илью Николаевича Ульянова, который нередко заезжал в Пандиковскую школу во время своих поездок по Симбирской губернии. Маленькие чуваши любили инспектора. Он всегда находил для них время, рассаживал ребят кружком, расспрашивал о занятиях, умел рассмешить веселой прибауткой. Никто из них тогда не знал, что своим умением читать и писать обязаны они этому веселому человеку. Всю свою жизнь Илья Николаевич боролся за то, чтобы открыть народам России дорогу к образованию.

Пандиковская начальная школа была основана тоже по его ходатайству. Это было 4 марта 1870 года — в год, когда родился Владимир Ильич Ленин.

Вот какая замечательная история у Пандиковской школы! Пионерам есть чем гордиться: в прошлом году школа отмечала свое девяностолетие. У пандиковских пионеров было сразу два праздника. Один они отмечали вместе со всей страной и со всеми пионерами — девяностолетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. А другой праздник отмечали только те, кто учился или учится в этой сельской школе, основанной И. Н. Ульяновым, отцом Владимира Ильича.

...Долго шла беседа у костра. Вместе с Максимом Архиповичем ребята порадовались тому, как хорошо принялись лиственницы, которые они посадили; помечтали о дубраве, которую будут сажать в будущем году.

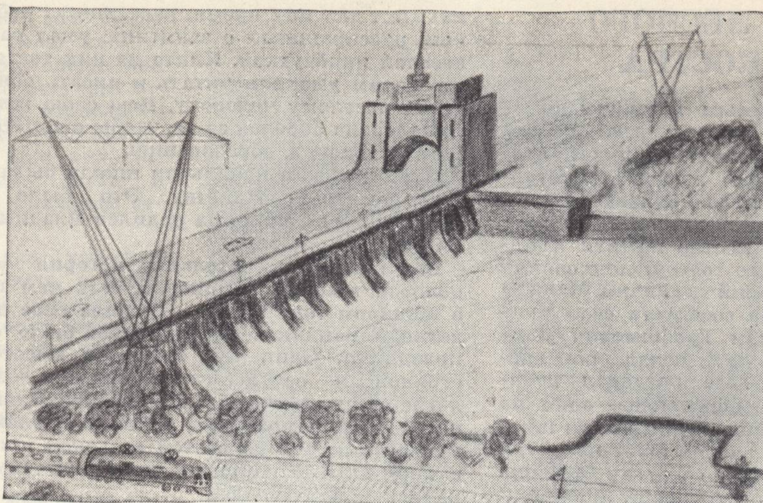
До поздней ночи не угасал в лесу пионерский костер.

Ирина Трандофилова

Это Пандиковская школа, основанная И. Н. Ульяновым, отцом Владимира Ильича, 91 год назад.

НАШИ СТИХИ И РИСУНКИ

НОВАЯ ГЭС
Рисунок Оли Гоголевой.
Архангельская область, Ненецкий округ, город Амдерма.
На этой же странице внизу — ЛАСТОЧКИ.
Линогравюра Володи Кликушина.
Город Витебск.

ЛЕНИН

Ленин умер,
Но для нас с тобой
Ленин вечно живой.

Ленин, когда умирал,
Заветы свои передал,—

Чтоб счастье пришло,
Чтоб горе ушло,
Чтоб жить и учиться,
Бороться, трудиться.

И время такое пришло.

Наташа Дедкова, 8 лет,
литературный кружок при Детской библиотеке имени Ломоносова. Москва.

ДРОВОСЕКИ

Дровосеки наточили топоры.
Раз. Два...
Порубают до вечерней до поры.
Раз. Два...
Ну пойдите отдохните до утра.
Раз. Два...

Алексей Инютин, 10 лет.
Слобода Томаровка, Белгородской области.

ВЕСЕННИЕ НАБРОСКИ

Лопнуло терпенье:
Пенье ручейков,
Первых листьев пенье —
Пение без слов.

Птиц весенних пенье.
Нет, нельзя терпеть!
Лопнуло терпенье,
Сам хочу запеть!

Володя Лапин, 13 лет,
литературный кружок при Детской библиотеке имени Ломоносова. Москва.

ПРО БОБРА

Жил бобер на берегу реки,
И ленив он был и невелик,
Целый день сидел он в своем доме
И смотрел на серебристых карасей.

Алексей Инютин

НАШИ СТИХИ И РИСУНКИ

ВОЛЕЙБОЛ

Летает мяч туда-сюда,
И все от солнца жмурятся.
Порвалась сетка — не беда,
Пойдем играть на улицу!

ТИГР

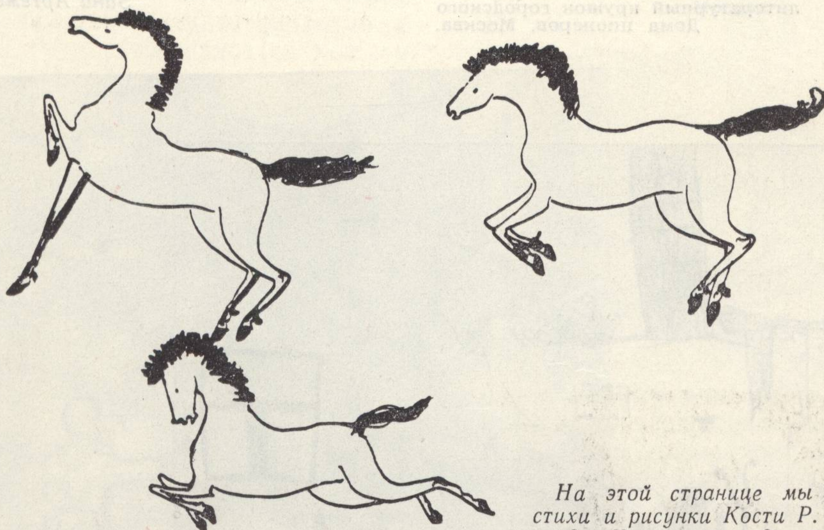
Идет он неслышно и мягко,
Как царь, повелитель животных.
Страшна его лапа медведю,
И лосю страшна его лапа.
И звери, услышав рычанье
Владыки их, грозного тигра,
Бегут, чтобы спрятаться в чаще
Их общем, надежном укрытье.
Но тигр хитер, тигр ловок.
От лап его, сильных, когтистых,
Тяжелых, испытанных лап,
Уйти удается не каждой,
Подчас даже хитрой зверюшке.
И тигр угрюмый, но сытый,
Свои проверяя владенья,
Все ходит и ходит по лесу
Неслышной и мягкой походкой.

КОНИ

Мчатся, мчатся кони
По дороге пыльной,
Прыгает телега, брякает, трещит.
Мчатся, мчатся кони
По камням неровным,
Далеко разносится грохот их
копыт.

Мчатся, мчатся кони,
Пыль столбом клубится,
А кругом пестреют травы и цветы.
Мчатся, мчатся кони,
И в пыли мелькают
Головы, копыта, гривы и хвосты.

На этой странице мы поместили стихи и рисунки Кости Р. из Ленинграда. Косте сейчас 9 лет.

НАШИ СТИХИ И РИСУНКИ

КУЛИК-ПЕРЕВОЗЧИК.
Линогравюра Володи Кликушина, город Витебск.

ЕЖИК

Словно серые комочки,
Спят два ежика у кочки,
И один ежонок
Запыхтел спросонок.

Наташа Алиева, 10 лет,
литературный кружок городского
Дома пионеров, Москва.

КАЗАК

Сабля золотая,
Челка завитая,
Бурка, пистолет,
Восемнадцать лет.

Андрей Каменский, 10 лет,
литературный кружок при Детской
библиотеке имени Ломоносова. Москва.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Я на сцене первый раз,
Мне стихи читать сейчас!

Я волнуюсь и робею:
Хоть бы выступить скорее!

Я смотрю по сторонам,
Вижу: люди — здесь и там.
. . . .
Стихи прочла я хорошо,
Не сбилась, не дрожала.

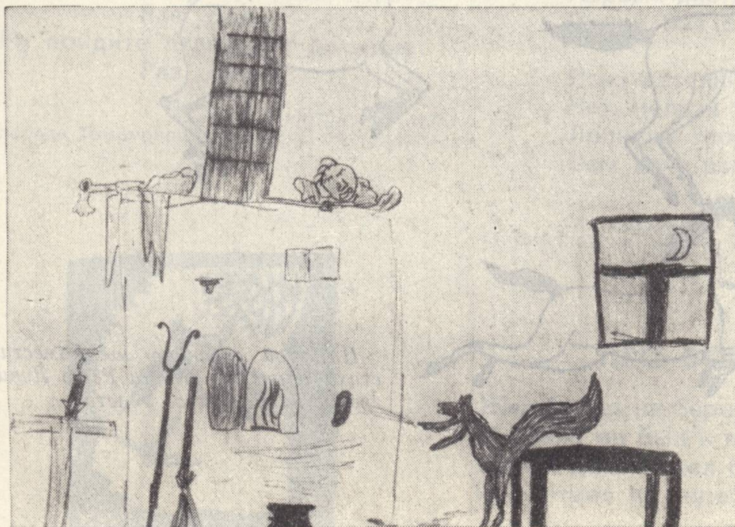
Могла бы почитать еще,
Зачем я убежала?

Наташа Алиева, 11 лет,
литературный кружок городского
Дома пионеров, Москва.

ОСЕНЬ

Дождь, дождь целый день
Барабанит в стекла,
Вся земля, вся земля
От воды замокла.
Воет, воет за окном
Ветер.

Зина Артемьева, 9 лет.
Ярославль.

ЛИСИЦА КИНУЛА ОШМЕТОК В ПЕЧЬ, ЧТО БЫ ЕГО СЖЕЧЬ.
Рисунок Андрея Каменского к сказке В. Даля «Лиса-лапотница».

ПИСЬМА

Почтальон пришел к нам в дом,
Сумка новая на нем.
Груды писем там лежат,
Много писем для ребят.

Из Ташкента, Ленинграда,
Из Калуги, Ашхабада,
Сталинграда и Орла
Почта письма принесла.

Пишет Коля из Ростова:
«Здравствуй, мой товарищ Вова!
Я тебя увидеть рад.
К вам приеду в Ленинград.

Я купаюсь в Тихом Доне —
Так прозвал его народ,—
Вратарем на стадионе
Я играю у ворот».

Получает он ответ:
«Ленинградский мой привет!
Приезжай к нам поскорее!
Покажу тебе музеи,
Покажу Неву-реку
И дворцы на берегу».

Почтальон пришел к нам в дом,
Сумка новая на нем.
Груды писем там лежат,
Много писем для ребят.

Ира Каменецкая, 8 лет.
Москва.

РЯБИНА И БЕРЕЗА

Сказка

Жили-были Рябина и Береза. Однажды Рябина спросила Березу:

— Кто лучше всех на свете: мама или солнце?

Береза ответила:

— Не знаю.

На дорожке стоял Гриб на серебристой ножке. Он сказал:

— Для вас — солнце, а для меня — дождь, а для детей — мама.

Майя Никогосян, 5 лет.
Москва.

ЗИМА. Рисунок Ильи Тайбарея.
Ненецкий округ, город Амдерма.

Выстрел

Гр. ФЕДОСЕЕВ

Рисунки П. Кирпичева.

За южным краем Алданского нагорья мы вступили в пределы Джугджурского хребта. Идем узким ущельем. Справа и слева стены потрескавшихся скал. Ни тропы, ни следа человека; на сотни километров глушь. Мы пробираемся на одну из вершин, где работает геодезист Дуся Макарова со своим отрядом.

Улукиткан отстает. Удивляться не приходится: моему проводнику перевалило за во-

семьдесят. Годы сгорбили его спину, укоротили шаг, посеребрили голову, только глаза, узенькие, черные, сохранили ясность и проникновенную ласковость. Как хорошо они видят окружающий мир!

Более шестидесяти лет старик был лесным кочевником. Безропотно шел он туда, куда гнала нужда. Она учила его распутывать следы зверей, угадывать погоду, ставить ловушки, довольствоваться малым.

— Дальше ходить не могу...— слышу голос проводника.

Я сбрасываю котомку, собираю сушняк для костра, навешиваю котелок с водою, а сам с тревогой посматриваю на старика. Путь оказался много длиннее, чем мы предполагали, и вот уже третий день мы голодаем.

— Ты устал, Улукиткан, заночуем здесь, утром легче пойдем.

— Что ты? Перевал близко, там и люди рядом, как-нибудь дойдем.

Я разливаю по чашкам чай, достаю из котомки последнюю лепешку, разламываю ее и половину отдаю Улукиткану. Он бережно, как драгоценность, берет кусок в руки, отламывает от него бóльшую часть, завертывает в тряпочку, кладет в карман.

— Зачем прячешь, ешь все: вечером нас Макарова мясом угостит, сладким чаем.

— Мясо шибко хорошо, да его нет в котомке. Наши старики учили: если у тебя остается последний кусок хлеба, ешь половину, на второй день — тоже половину и на третий, пока не добудешь чего-нибудь. Хорошо учили они — лепешка в котомке не тяжесть!

Мы молча пьем чай. Кучум, наш четвероногий спутник, устроился напротив, заглядывает мне в рот, делает вид, что лепешка его не интересует, а изо рта предательски тянутся струйки слюны.

Улукиткан откусывает от лепешки крошечные дольки, долго жует.

— Пусть злой дух думает, что у меня во рту большой кусок,— не будет мучить голодом.

Я знаю, он не верит в сверхъестественные силы, не поклоняется идолам, как делали его прадеды, но в трудные минуты в нем пробуждается древний человек, и тогда он вспоминает про духов или вдруг начинает верить в приметы.

Через час мы продолжаем путь. Солнце огромным шаром скатывается к горизонту. Ущелье сжимают нависающие громады скал. Наплывает крутизна. Идти становится все тяжелее. Но уже чувствуется где-то близко, за краем густых стлаников, водораздельная линия хребта.

Улукиткан еле передвигает ноги, вот-вот откажется идти. Я беру Кучума на поводок, передаю проводнику, а сам ухожу вперед, скрываюсь с глаз. Обманутый пес рвется вперед по моим следам, помогает старику взбираться наверх.

Вот и перевал в теснине высоченных скал. Не могу унять одышку. Охватываю взглядом громады утесов, покойно отдыхающих в вечерней тишине. Теперь недалеко до вершины. Там нас ждут сытный ужин и отдых после долгого пути.

Вижу, Улукиткан пригибается к земле, осматривает примятый ягель.

— Однако утром тут люди ходили, туда пошли.— И он показал рукою за перевал.

— Не может быть! Макарова должна дождаться нас. Не медведь ли наследил?

— Разве я не знаю, у медведя на лапах когти, смотри, есть они тут? Говорю, люди ходили.

Идем дальше. Видим, на свежей тропке следы оленей, притоптанные подошвами ботинок,— значит, ушли!

Остаться вдвоем в этой глуши, так далеко от населенных мест и без куска хлеба! Чем это грозит, мы хорошо знаем.

— Счастье бежит от нас, как олень от гарей,— заключает старик.— Но пусть твое сердце не болит,— тут ночуем, думать будем, что делать. Много раз я так опаздывал, да живой остался.

Нас приютила старая ель. Разжигаем костер.

Я разливаю чай. Улукиткан лезет в карман, достает лепешку, завернутую в тряпочку, разламывает ее пополам. Одну часть бережно кладет обратно в карман, а вторую делит на три части. Первый кусочек бросает Кучуму. Я вижу, как тот кидается навстречу лепешке, ловит ее на лету зубастой пастью, глотает неразжеванной.

— Это тебе, кушай! — И старик подкладывает мне кусок.

— Я свою долю съел, мне больше не положено.

— Бери, брюхо не любит пустоты. Потом и ты будешь делать так, как нас учили старики.

Незаметно переходя в ночь, засыпает вечер. Нежно темнеет ласковое небо. На гребне скал, поднимающихся над нами нескончаемой стеною, стынет розовый отсвет заката. Вижу, там, на самом верхнем утесе, возникает что-то живое и замирает на фоне легкого облачка. Узнаю рогастый силуэт снежного барана. Как далеко до него и каким волнующе близким кажется этот живой комочек! Вот баран поворачивается к нам, шагает к краю пропасти и снова замирает.

Мы стоим, как завороженные. Где-то в темноте, у черных подножий скал, с протяжным плачем пролетела куропатка. Медленно гаснет зыбкий полусвет позднего заката. Тают в вышине черные сугробы вершин. Горы погружаются в спокойное ожидание ночи. Поднимается луна. Но на утесе уже нет барана.

Улукиткан настилает возле огня хвою, бросает в изголовье свою котомку, ложится.

— Куда пойдем завтра? — не выдерживаю я.

— Спи. Усталому сон слаще жирного мяса.— И старик, натянув на плечи дошку, засыпает.

Ночь пролетела вспугнанной птицей. Когда я открыл глаза, проводник сидел у огня, протирая берданку, такую же древнюю, как и он сам. Как похудел старик! Лицо в морщинах, точно кто-то прошелся по нему острым резцом. Кожа стала прозрачной. В глазах усталость. Жил бы дома — сытый, в тепле,— так нет, гонит его в тайгу любовь к природе!

— Хочешь возвращаться? — спрашиваю я, поднимаясь на ноги.

— Что ты! — И он обвиняюще смотрит на меня.— На голец поднимемся, барана добудем, потом Макарову догонять пойдем.

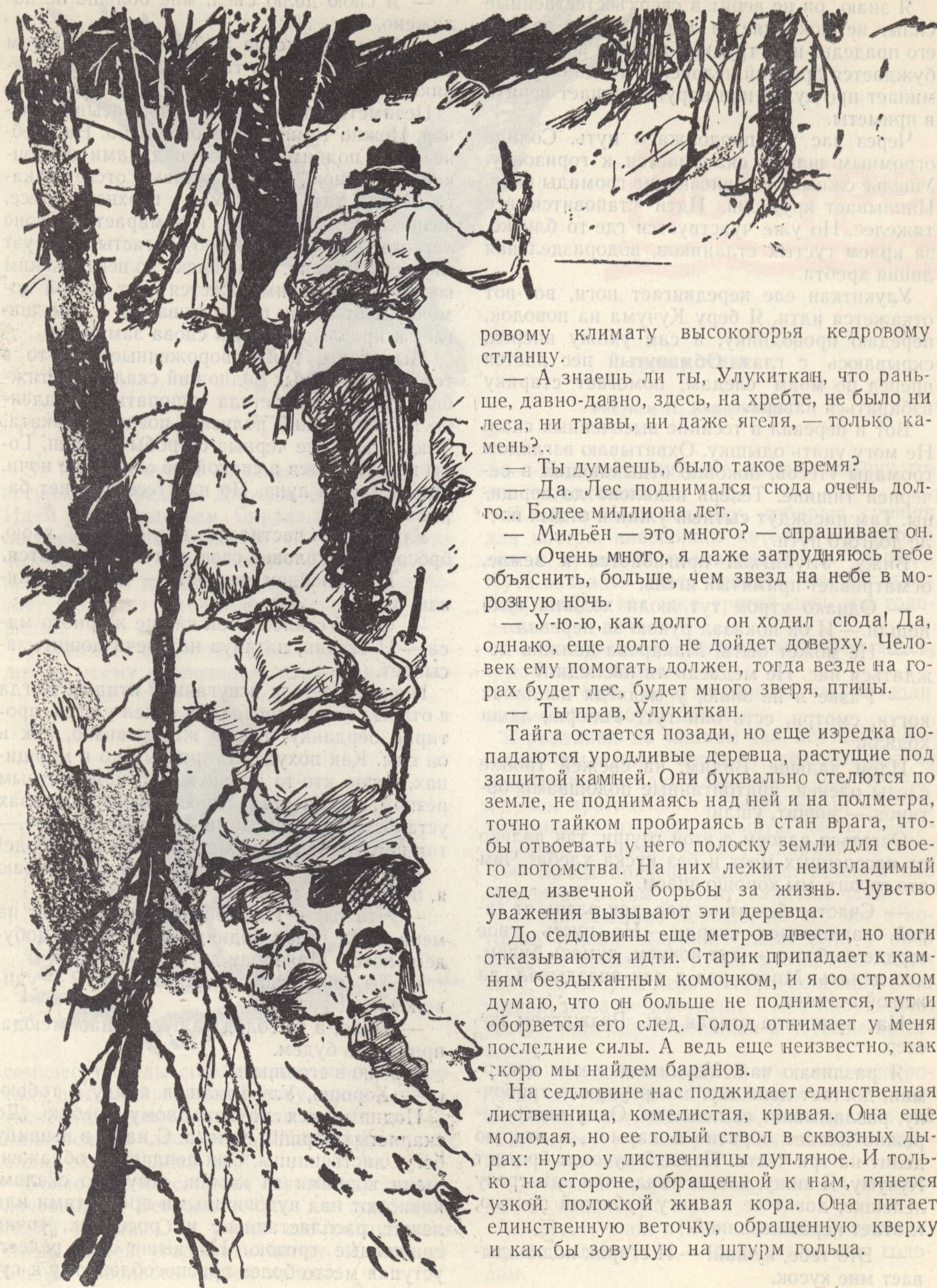
— Ты собираешься идти на голец? — удивился я.

— Надо, а то голод не пустит нас отсюда, пропадать будем.

Я верю в его опыт.

— Хорошо, Улукиткан, я пойду с тобою.

Поднимаемся по западному гребню. До скалистых вершин далеко. С нами в вышину бегут лиственницы. Они цепляются обнаженными корнями за камни, лезут по скалам, нависают над чудовищными пропастями или лежат, распластанные, на россыпях, точно сраженные грозою. Но выше лес редеет, уступая место более приспособленному к су-

ровому климату высокогорья кедровому стланцу.

— А знаешь ли ты, Улукиткан, что раньше, давно-давно, здесь, на хребте, не было ни леса, ни травы, ни даже ягеля, — только камень?

— Ты думаешь, было такое время?

— Да. Лес поднимался сюда очень долго. Более миллиона лет.

— Мильён — это много? — спрашивает он.

— Очень много, я даже затрудняюсь тебе объяснить, больше, чем звезд на небе в морозную ночь.

— У-ю-ю, как долго он ходил сюда! Да, однако, еще долго не дойдет доверху. Человек ему помогать должен, тогда везде на горах будет лес, будет много зверя, птицы.

— Ты прав, Улукиткан.

Тайга остается позади, но еще изредка попадаются уродливые деревца, растущие под защитой камней. Они буквально стелются по земле, не поднимаясь над ней и на полметра, точно тайком пробираясь в стан врага, чтобы отвоевать у него полоску земли для своего потомства. На них лежит неизгладимый след извечной борьбы за жизнь. Чувство уважения вызывают эти деревца.

До седловины еще метров двести, но ноги отказываются идти. Старик припадает к камням бездыханным комочком, и я со страхом думаю, что он больше не поднимется, тут и оборвется его след. Голод отнимает у меня последние силы. А ведь еще неизвестно, как скоро мы найдем баранов.

На седловине нас поджидает единственная лиственница, комелистая, кривая. Она еще молодая, но ее голый ствол в сквозных дырах: нутро у лиственницы дупляное. И только на стороне, обращенной к нам, тянется узкой полоской живая кора. Она питает единственную веточку, обращенную кверху и как бы зовущую на штурм гольца.

Я подбираюсь к последнему уступу. Нащупываю ногой опору. Левой рукой опираюсь о камни, правой машинально хватаюсь за веточку. Слышу треск, веточка надламывается, повисает на полоске коры, а я едва успеваю удержаться за корень.

Тяжело преодолеваю последнее препятствие.

Наверху дожидаюсь Улукиткана. Он на четвереньках взбирается к лиственнице, присаживается рядом с ней на камни и начинает развязывать олочу.

— Зачем разуваешься, ногу ушиб?

Улукиткан не отвечает. Лицо его вдруг становится строгим. Вижу, старик отрезает от олочи ремешок, прикладывает к стволу надломленную веточку и начинает прибинтовывать ее. Только теперь я понимаю, что погубил единственное деревцо, поднявшееся так высоко, к границам мертвых камней. А Улукиткан, не торопясь, продолжает обматывать ремешком рану на дереве. Я знаю, кора не срастется, но он делает это потому, что не может подобрать слов, чтобы выразить свой гнев.

Наконец старик поднимается ко мне, присаживается рядом. Невероятно тяжелой кажется минута молчания. Потом он говорит спокойно, сдерживая негодование:

— Когда ты говорил о лесе, сердце радовалось. Зачем обманул?

Шесть лет мы путешествуем с Улукитканом по этому безлюдному краю. Много пережили за эти годы, но их не хватило, чтобы полностью раскрыть передо мной душу старого эвенка. Он все еще поражает меня своей мудростью. Тяжелым обвинением останется в моей памяти одинокая лиственница над скалистым обрывом, с единственной прибинтованной веточкой.

На седловине находим звериную тропу. Свежие следы только что пробежавшего по ней стада снежных баранов обнадеживают нас. Мы сворачиваем вправо, преодолеваем небольшой подъем и входим узким коридором в обширный цирк. И вдруг грохот камней потрясает тишину. Мы видим, как на белую полоску снежника выскакивает с десяток крупных барановрогачей, отдыхавших на дне цирка. Они пробегают снежник и начинают подниматься по скале. Скачут с уступа на уступ, липнут копытцами к шероховатой поверхности стен, мелькают над пропастями, уходят ввысь и там задерживаются, выкроившись резными силуэтами на фоне голубого неба.

— Однако, жирный баран ушел! — сокрушается старик.— Другое место пойдем, тут не наше счастье.

Взбираемся на гребень. Тихо. Сколько света! Стоим, завороженные Джугджуром. Он весь в провалах, нагой и огромный, как океан. Нас окружают толпы вершин, дерзко поднявшихся к небу и молчаливых, как надгробья. И трудно поверить, что на этих давно умерших гольцах живут чудесные прыгуны — снежные бараны.

Долго преодолеваем последнюю стометровую высоту до излома. Но вот Кучум вырывается вперед, тянет меня за собой: он чует зверя. Я удерживаю его, дожидаюсь Улукиткана.

— Маленько отдохнем, иначе стрелять не могу,— говорит старик с таким безразличием, точно ему уже не нужно мясо.

— Ты посиди, я пойду сам.

— Еще угонишь, потом не скоро зверя найдем, пропадать будем! — возражает старик.

Бесшумно подползаем к гряде. Пес неистовствует, рвется дальше. Старик усаживается на камень, достает из кармана затвор, завернутый в замшевый лоскут, ищет в кожаной сумочке «счастливый» патрон, не торопясь, заряжает бердану.

Вот он поднимается, просовывает вперед ствол берданы, выглядывает по-кошачьи из-за камня. Я не выдерживаю, тоже высовываюсь.

Впереди небольшая котловина. У ее противоположного края пасется крупный баран. Баран подвигается к нам. На лбу его белое пятно. Мощные рога угрожающе вывернуты остриями вперед. Спина провисла от жира.

Улукиткан поворачивает голову влево. Я скашиваю туда

глаза и от неожиданности столбенею: в пятидесяти метрах от нас на пригорке дремлет самка, а рядом ягненок. Он забавляется: то бросается в сторону и, угрожая невидимому врагу, трясет лобастой головкой, то начинает упражняться в прыжках, подскакивая на камнях, как мячик. Но одному ему скучно. Он замечает барана и мчится к нему. Тот поднимает величественную голову, и взгляды их встречаются. Один — огромный зверь в расцвете сил, второй — крошечный, только-только вступивший в жизнь. Меньший робко подвигается вперед, вытягивает забавную мордочку, намереваясь обнюхать незнакомца. Баран пятится назад, подставляя ягненку могучие рога. Тот удивлен, скачет обратно на пригорок, крошечными копытцами толкает мать, та вдруг поворачивается в нашу сторону и замирает в настороженной позе.

Я толкаю локтем Улукиткана, показываю глазами на самца: дескать, стреляй. Старик прикладывает ложе к плечу, целится... Вдруг пронзительный свист крыльев — с неба на ягненка падает белохвостый орлан. На помощь поспевает мать. Мы видим, как выброшенные вперед когтистые лапы хищника, не достав ягненка, чешут по ее спине. Одно мгновение — и орлан в вышине, уже готовый повторить удар. Но в эту секунду гремит выстрел.

Опустела котловина. Смолкло эхо. Рассеялся пороховой дым. На том месте, где отдыхала самка с ягненком, лежал мертвый орлан, распластав по земле бессильные крылья.

Не знаю, что прочел Улукиткан на моем лице: сожаление или упрек. Он достал из кармана кусочек лепешки величиною со спичечную коробку, завернутый в тряпочку, и, протягивая его мне, сказал виновато:

— Ты голодный, я знаю, возьми лепешку, ешь всю, а на старика не серчай. Молодое надо беречь, все равно, баран это или веточка.

Я ошеломлен. Меня охватывает чувство, перед которым отступает и голод, и усталость, и страх. А Улукиткан продолжает:

— Просто жить — это плохо, надо, чтобы твоя тропа добро знала.— И старик зашагал к соседнему гребню.

СНЕГИРИ

Большой музей в Горках, как всегда, полон посетителей. Люди двигаются осторожно, тихо, словно боясь нарушить покой дома, где все напоминает о последних годах жизни Владимира Ильича. С волнением, хорошо знакомым каждому, кто бывал в Горках, художник вышел из дома и направился в заснеженный парк.

Здесь тоже почти все сохранилось таким, каким было при жизни Ленина. Только деревья стали повыше, пораскидистей.

Очень любил Владимир Ильич этот красивый парк. Часто отдыхал на скамеечке возле балюстрады — там, где начинается спуск к прудам, любовался из беседки окрестностями, а на другом конце сада, под одиноким дубом, работал. В парке постоянно бывали ребятишки из соседнего поселка: играли, катались зимой с горки на салазках. И если увидят Ленина, обязательно увяжутся с ним на прогулку. Летом они вместе собирали землянику, ходили по грибы. Нравилось Ленину возиться с ребятишками, разговаривать с ними...

Художник долго бродил по парку. Осмотрел все уголки, а затем вернулся к круглой беседке. Отсюда шла любимая аллея Владимира Ильича, по которой он гулял почти каждый день. Было пасмурно. Снег запорошил заботливо расчищенную с утра дорожку, улегся свежим покрывалом на глубокие сугробы. Неожиданно откуда-то сверху раздалось тонкое и радостное «фю-фю». Художник поднял голову и увидел на ветках красногрудых снегирей. «Скоро весна!— послышалось ему.— Фю-фю-фю!»

И тут художник ясно-ясно представил себе: идет по дорожке Владимир Ильич, шутит, разговаривает с ребятишками. И вдруг остановился, взглянул на дерево и, весело прищурив глаза, подал знак: смотрите, снегири! Остановилась и ребячья стайка. Все стали слушать снегирей...

Такую картину и написал потом художник Владимир Сергеевич Буланкин. Ему хотелось, чтобы картина получилась светлой, радостной, и он наполнил ее ярким солнцем, положил на снег голубые тени, какие бывают накануне весны.

В. Полякова

Как и все юные кубинцы воспитанники Фиделя Кастро с увлечением работают и учатся. Они ухаживают за курами, доят коров, разводят в пруду карпов. Сейчас они сидят в классе и внимательно слушают учителя.

Совсем недавно, только после революции, эти ребята — и большие и маленькие — познакомились с азбукой, но они уже бойко читают, пишут и не ждут подсказки, когда приходится отвечать на вопросы по арифметике или ботанике. Ведь они хотят быть настоящими патриотами — строителями свободной Кубы и хорошо помнят слова Фиделя Кастро о том, что без знаний родине не поможешь.

В конце декабря на Кубе начинается «сафра» — уборка сахарного тростника. Широкими ножами, похожими на короткую саблю, крестьяне рубят сочные стебли, вдвое превышающие рост человека. Внутри стеблей — белая пористая масса. Ее приятно жевать, высасывая сладкий прохладный сок. За таким занятием мы и застали этих деревенских мальчишек на плантации одного из кооперативов.

В пещерах вблизи города Пинар дель Рио. Сюда мы спустились на вертолете Нуньеса Хименеса, руководителя ИНРА.

Известный ученый, автор большого труда «География Кубы», Хименес с увлечением показывал нам древние индейские рисунки, сохранившиеся на стенах пещер. Эти рисунки еще мало изучены: колонизаторов и их приспешников не интересовала история порабощенной ими страны.

Хорошо на переменке поиграть в мяч, высоко взлететь на легких качелях! Эта красивая школа построена в городе Сантьяго де Куба. Там, где сейчас весело звенят ребячьи голоса, была военная крепость Монкада. Утром 26 июля 1953 года группа революционеров во главе с двадцатишестилетним Фиделем Кастро напала на казармы Монкада. Молодым героям не удалось овладеть крепостью. Восстание было подавлено. Фиделя, его брата Рауля и их товарищей батистовцы бросили в тюрьму на острове Пинос, описанном Стивенсоном в романе «Остров сокровищ». Но день 26 июля вошел в историю как день рождения кубинской революции.

Плоская, как стол, равнина в зеленом бархате кустарников и лесов, стройные силуэты королевских пальм — типичный пейзаж Кубы.

Остров революции

Нина КАРМЕН

Фото автора.

Дабным-давно, в 1492 году, к кубинскому берегу с востока приблизились деревянные парусные суда. Бронзовый от загара мореплаватель, выйдя из лодки на сушу, огляделся по сторонам и, пораженный пышной красотой неведомой страны, воскликнул: «Господи, это рай!» То был Христофор Колумб — первый европеец, ступивший на землю Америки.

И вот, пожалуй, никогда со времени открытия Нового света Куба не вызывала такого внимания, такого восторга человечества, как в наши дни. Четыре года назад на этом острове вспыхнуло пламя революции. Оно озарило все западное полушарие. Кубинский народ первым среди народов Латинской Америки осмелился сказать «нет» могущественным монополиям Соединенных Штатов. Он прогнал со своей земли колонизаторов вместе с их прислужником палачом Батистой. Куба стала маяком свободы на американском континенте.

Мне посчастливилось недавно побывать на Кубе вместе с группой советских кинематографистов, снимавших там большой документальный фильм. Мы пробыли на острове революции три с половиной месяца и полюбили его на всю жизнь.

Я расскажу о некоторых своих впечатлениях об этой далекой и в то же время близкой, дорогой всем нам стране.

ИХ БЫЛО ТОЛЬКО ДВЕНАДЦАТЬ

Кинооператоры закончили съемку, и мы уселись за ужин в одном крестьянском доме. Было это неподалеку от гор Сьерра-Маэстра, в государственном животноводческом хозяйстве. Вдруг слышим сигнал автомобиля: кто-то подъехал. Минуту спустя дверь широко распахнулась, и в дом вошел Фидель Кастро, в защитной куртке с погонами майора и автоматом через плечо.

Его жизнерадостный, возбужденный голос моментально заполнил всю комнату. Прошлую ночь Кастро провел в машине и целый день ездил по новым хозяйствам провинции, но усталость словно не коснулась его.

За нашим столом стало по-праздничному весело, шумно. И было так до тех пор, пока кто-то не упомянул о высадке с «Гранмы». Кастро сразу умолк и задумался, подперев руками бородатый подбородок. А немного погодя он начал свой рассказ о революционном походе.

Это был беспримерный героический поход.

…«Гранма», небольшая прогулочная шхуна, тайно отошла от мексиканского берега в ночь с 25 на 26 ноября 1956 года. На ее борту было восемьдесят два человека, оружие, боеприпасы. Отряд кубинских революционеров держал путь на родину, чтобы сражаться за ее освобождение от кровавых рук диктатора Батисты.

Капитан обещал, что на пятые сутки шхуна бросит якорь у юго-восточной части острова. Там, в районе города Мансанильо, революционеров поджидала группа крестьян с грузовиками. Отряду предстояло вступить в бой с местным гарнизоном Батисты, вслед за этим должно было начаться восстание в городе Сантьяго-де-Куба, подготовленное подпольщиками.

Но план, так тщательно разработанный,

Через это непроходимое болото декабрьской ночью 1956 года шел легендарный отряд. Сейчас здесь проложена дорожка. Фидель Кастро направляется по ней к месту высадки с «Гранмы».

не был выполнен. Все испортил шторм. Шхуна сбилась с курса, и отряд высадился лишь на седьмую ночь где-то в стороне от назначенного места. Оставался единственный выход: избегая стычек с войсками, пробираться от берега в горы Сьерра-Маэстра.

В кромешной тьме едва различались очертания кустов, подступивших к самой воде. Идущий впереди вдруг провалился по пояс. Болото! Велико ли оно, никто не знал. Фидель Кастро приказал бросить лишнюю одежду и часть оружия. Восемьдесят два человека, изнуренные бессонницей и голодом, цепляясь за деревья, поминутно падая и проваливаясь, двинулись через болото.

Казалось, что ему нет конца. Когда достигли твердой земли, солнце стояло уже высоко. Сзади слышались выстрелы: береговая охрана напала на след.

Лес был густым, он надежно укрывал людей. На третьи сутки они сделали привал на плантации сахарного тростника под названием «Алегриа де Пио», которой суждено было стать местом гибели отряда. По доносу предателя он попал в окружение целого полка Батисты. Принимать бой было бесполезно. Разбившись на группы, повстанцы начали отходить. Найти человека в зарослях тростника все равно, что иголку в сене. Однако случилось самое страшное: батистовцы подожгли тростник. В огне погибло девятнадцать человек. Многие были убиты в мелких схватках. Все попавшие в плен, в том числе раненые, расстреляны.

В горах, на условленном месте, встретились те, кто вышел из этого пекла живым. Их было только двенадцать.

Батиста праздновал победу: что значит двенадцать человек против сорокатысячной армии, оснащенной американскими пушками, танками, самолетами!..

Но диктатор ошибся в расчетах. На стороне повстанцев было шесть миллионов человек — весь кубинский народ. В горах, изрытых глубокими лесистыми ущельями, росла новая армия. Сюда шли добровольцы из окрестных деревень, неся с собой пистолеты, охотничьи ружья, мачете — длинные крестьянские ножи. По каменистым тропам катились повозки с продовольствием. В горных джунглях возникали ремонтные мастерские, школы, медицинские пункты.

Оружие повстанцы добывали в боях. Помогало и население: все чаще на кубинских дорогах появлялись «голоштанники» — раздетые и обезоруженные солдаты Батисты.

24 февраля начало работать «Повстанческое радио». Вся Куба услышала голос своего любимого национального героя Фиделя Кастро. Несколько лет назад, обвиненный Батистой в «государственном преступлении», Кастро произнес на суде пламенную и гневную речь. Каждый кубинец помнил: Фидель предсказывал революцию. Батиста бросил его тогда за тюремную решетку, но, испугавшись народного гнева, освободил. Кастро уехал за границу. И вот Фидель снова с народом, снова обличает ненавистного тирана и обещает ему неминуемую гибель!

Каждый вечер работала радиостанция «Свободной территории в Сьерра-Маэстра». И каждый вечер Кастро говорил с народом. Батиста, доведенный до ярости, бросил на повстанцев двенадцать тысяч отборных солдат, танки, самолеты... И снова просчитался. Горы были неприступным бастионом. Измотав батистовских вояк, повстанческая армия спустилась на равнину. Народ в восторге приветствовал освободителей. А в ночь на новый, 1959 год, прихватив награбленные миллионы, Батиста удрал. Революция победила!

ШКОЛА ИМЕНИ КАМИЛО СЬЕНФУЭГОСА

В предгорьях Сьерра-Маэстра нам повстречался крестьянин верхом на лошади. Из-за спины всадника, застенчиво хмурясь, погля-

дывал на нас мальчонка. Он ехал с отцом в школу. Звали мальчика Буэнавентура, что по-испански значит «добрая судьба».

Мы разговорились. Оказалось, Буэнавентура не видел еще ничего, кроме гор и «бойо» — убогих деревенских хижин. Он знал, как выращивают кофе, но никогда не держал в руках книжку. Все население их деревни было неграмотным.

Буэнавентура первый раз в своей жизни спустился с гор. И мы подумали, каким, должно быть, невероятным чудом казался ему мир, раскрывшийся сейчас перед ним. Больше всего мальчика поразила школа, которая уже была видна впереди.

Да, она оказалась прекрасней всякой мечты! Не дом и даже не усадьба, а целый городок светлых, очень легких и веселых домиков, окруженных садами, площадками для игр...

Отец сказал Буэнавентуре, что школу построили бойцы повстанческой армии. Еще в горах, возвращаясь с тяжелых сражений, они подолгу говорили о будущем и рисовали в запыленных блокнотах планы таких школ. Был среди этих бойцов и Камило Сьенфуэгос — один из двенадцати отважных, что прошли путь от «Гранмы» до гор Сьерра-Маэстра и завоевали победу. Камило погиб в самолете, сбитом вражеским летчиком в море. На зыбкую голубую могилу упало шесть миллионов цветов: каждый житель Кубы бросил в воду цветок в годовщину смерти героя революции. А этот школьный городок назван его именем...

Ciudad Escolar

CAMILO CIENFUEGOS

Ignacio

Buenaventura

Gerásimo

Эти строчки набрал нам на память Игнасио.

Мы въехали в городок почти одновременно с Буэнавентурой. Его записали в класс, а нам не терпелось осмотреть всю школу. Учителя повели нас в удобные и чистенькие спальни, столовые, классы, мастерские. В городке живут и учатся дети крестьянской бедноты. Самой теплой заботой и лаской окружены они здесь. А ведь не так давно они голодали и понятия не имели о том, что такое мыло или подушка...

И как теперь гордятся ребята своей школой! С какой радостью учатся, как старательны они и трудолюбивы! Их руками уже многое сделано. Школьники сами корчуют лес под огороды, выращивают фрукты, сахарный тростник и рис. А ферма у них совсем как у взрослых — тут шестьсот свиней и пятьсот коров.

С этими ребятами очень интересно разговаривать. Они помнят сражения в Сьерра-Маэстра, а некоторые сами участвовали в

Школьники расчищают участок под большой огород. Скоро здесь вырастет много овощей: томаты, фасоль, огурцы.

Игнасио Педро Куртинио.

боях. С одним таким юным героем мы подружились.

Ему всего десять лет. Имя его — Игнасио Педро Куртинио, но для товарищей он попросту «барбудо», или по-русски — «бородач». Так на Кубе зовут повстанцев, давших в свое время обет не брить бороду до полной победы революции. Игнасио вместо бороды носит длинные, до плеч волосы. Отец его погиб в бою, и мальчик, совсем еще малыш, стал связным в войсках Фиделя Кастро. Однажды Кастро дал ему личное боевое поручение.

Игнасио показал нам школьную типографию.

Он тут же набрал для нас по букве несколько строчек и подарил на память отпечаток. Вот что на нем написано:

«Школьный городок имени Камило Сьенфуэгоса», а потом имена Игнасио и его друзей — Буэнавентуры и Герасимо.

...Два миллиона неграмотных оставил на Кубе Батиста. Это тяжелое наследство. Но скоро народ избавится от неграмотности. За два года в стране построено десять тысяч школ для детей и взрослых. Столько школ на острове не создавалось за предыдущие полвека! И они все растут и растут. Сейчас в городке имени Камило Сьенфуэгоса около шестисот ребят, а когда его достроят до конца, их будет двадцать тысяч! Недавно в поход за всеобщее обучение выступили десять тысяч молодых добровольцев-учителей: 1961 год на Кубе объявлен «годом образования».

ЭТОТ ДОМ МОЙ

Один наш товарищ, писатель, видел в Сантьяго на дверях нового дома надпись: «*Этот дом мой, мне дала его революция. Чтобы отнять его у меня, надо меня убить*».

Дом, на котором написаны эти слова, звучащие, как клятва, принадлежит негритянской семье. Он находится в недавно выстроенном районе города, где живут бывшие обитатели трущоб.

Вряд ли есть на свете что-либо ужаснее трущоб Сантьяго! Увидев их, мы не верили своим глазам. Можно было подумать, что перед нами огромная свалка. Лачуги, не сравнимые даже с собачьей конурой, сколоченные из пальмовых щепок, картона, консервных банок, грязные канавы вместо улиц были приютом тысяч нищих и безработных.

Революция дала этим людям хлеб и работу. Под руководством инженеров и талантливых архитекторов они сами строили свои дома. Нарядные, просторные дома, с водопроводом и электричеством, в зелени и цветниках! И надо было видеть, с каким благоговением и трепетом, словно боясь, что все это сон, входили эти люди в свои дома!

И так по всей Кубе. В Гаване мы встретили женщину, которая, рыдая, целовала и прижимала к груди лист бумаги — документ на владение квартирой. В тот день по декрету правительства десятки тысяч семей, которые из года в год отдавали домовладельцам большую часть трудового заработка, стали хозяевами своего жилья.

Растут в стране удобные и красивые поселки для рабочих и рыбаков. Уходят в прошлое «бойо» — жалкие крестьянские лачуги, сплетенные из пальмовых листьев. Уходят нищета, безработица, невежество...

Много лет североамериканские капиталисты беззастенчиво грабили Кубу. Их компаниям принадлежали заводы и банки, электричество и земли. Как хищный паук, высасывала из острова жизненные силы знаменитая «банановая империя» — «Юнайтед фрут компани». Теперь все богатства страны принадлежат народу.

Крестьяне, чьи отцы, деды и прадеды никогда не имели земли и лишь несколько месяцев в году имели работу, получили участки обширных помещичьих владений — латифундий. Большинство бывших арендаторов

и батраков объединились в кооперативные и народные хозяйства: так выгоднее. ИНРА — институт аграрной реформы — дает кооперативам денежные ссуды, строит дома, открывает для крестьян магазины с дешевыми ценами на товары, машинно-тракторные пункты.

Куба утопает в зелени сахарных плантаций. Но рис, хлопок, жиры сюда привозили из-за границы. Так было на руку иностранным торгашам. Сейчас кубинцы развивают все нужные им отрасли сельского хозяйства. И делают это очень быстро.

В одной деревне мы пришли на строительство свинарника. Нам сказали, что закончить его нужно через три дня, к четырем часам, потому что в пять часов приедут грузовики с племенными животными. И крестьяне точно сдержали слово. В четыре свинарник был готов, а вскоре показались грузовики; они везли свиней мимо поля, на котором уже зеленели всходы кормовых культур.

На Кубе каждый день приносит тысячи радостных перемен. Всюду поднимаются новые поселки и школы, фабрики и фермы, прокладываются автомобильные дороги, создаются народные пляжи, кинотеатры, столовые...

МИЛИСИАНОС

Куба строит и учится, не выпуская из рук винтовку. Ведь бизнесмены, которых народ вышвырнул с острова, то и дело напоминают о себе. Они еще мечтают задушить революцию. Они бросают с самолетов бомбы, засылают диверсантов, взрывают магазины.

На плантации сахарного тростника. Зорко охраняет кооперативные посевы народная милиция.

Кубинцы ненавидят бывших своих поработителей и их лакеев. После каждой диверсии на улицы выходят огромные толпы демонстрантов и криками «Паредон!» — «К стенке!» требуют расстрела наемных убийц.

К защите революции готовы все: мужчины, женщины, старики, дети. В тревожные дни января, когда военная агрессия Соединенных Штатов казалась неминуемой, сотни тысяч кубинцев влились в ряды народного ополчения — милисианос.

Мы наблюдали, как бойцы милисианос поднимали на крыши гаванских небоскребов зенитные пулеметы, устанавливали между домами пушки. В Сантьяго эти люди в голубых рубашках и с винтовками за плечом собирались по сигналу на площади, быстро грузились в машины и отъезжали на боевые позиции. На дорогах солдаты долбили асфальт, чтобы заложить противотанковые мины. Все северное океанское побережье острова превратилось в цепочку траншей, и на лицах кубинцев не было ни тени страха или растерянности. Они уверены в своей победе. «Патриа о муэрте!» — «Родина или смерть!» — такой лозунг можно увидеть повсюду: на плакатах, протянутых между домами, в витринах магазинов и кафе, на кузовах автомашин.

Милисианос несет круглосуточную «вахту мира». Закончив смену, рабочие с оружием в руках встают у заводских ворот, у дверей контор и банков. Зорко охраняют от поджигателей кооперативные посевы вооруженные дозоры крестьян.

Всегда на посту отряды «юных патрулей». Ребята помогают взрослым: заменяют их на работе, собирают продукты, носят бойцам в окопы обед и медикаменты.

На аэродроме в Гаване мы видели, как к Фиделю Кастро подошел мальчик лет десяти в военной форме. Они заговорили между собой. Возможно, этот мальчик уже участвовал в боях, был разведчиком или связным. Таких ребят на Кубе много. Фидель Кастро слушал мальчика очень внимательно, а потом стал что-то горячо ему доказывать. Разговор был серьезным. И в этом нет ничего удивительного. Ведь оба они — и Кастро и мальчик — солдаты революции.

Народ, который кровью завоевал свободу, которому есть что защищать, непобедим. Кубинцы говорят: если империалисты вздумают уничтожить нашу революцию, им придется уничтожить шесть миллионов мужчин, женщин, детей — все население острова!

СТИХИ ПОЭТОВ АФРИКИ

Хатиб СИН

ПАРТИЗАНЫ ТАНЦУЮТ

Мы танцуем
при свете костров
свой воинственный танец.
А вокруг
ни соломенных хижин,
ни девичьих глаз.
Только горные кедры
стоят,
присаснясь,
и смотрят на нас.
Мы танцуем
при свете костров
гневный танец Алжира.
В этом пламени зыбком
рождается
завтрашний день
и умирает все,
что преступно и лживо,
и шумят молодые оливы
над руинами деревень!

Алжир.

Рисунки В. Федяевской.

АС-САИДИ аль-ГАРИБИ

ГИМН БОРЦОВ

Играйте, ветры,
тучею свинцовой!
Прокатывайся в небе,
гром!
Мы армия рабов,
мы сбросили оковы,
мы на борьбу идем!
Мы долго опьянялись
несбыточными снами
и запивали горе
соленой влагой глаз,
и проплывало время
бесплодное над нами —
за веком век,
за годом год,
за часом час.
Но мы проснулись,
братья,
мы выпрямились гордо.
Гремит дорога жизни,
прекрасна и грозна.
Из деревень родимых
мы выступили в горы.
Нам бурю обещает
тревожная весна.
Играйте, ветры,
тучею свинцовой!
Прокатывайся в небе,
гром!
Мы армия рабов,
мы сбросили оковы.
Мы на борьбу идем!

Тунис.

ОМАР аль-АЗХАРИ

СЛУШАЮ ГОЛОС ЗЕМЛИ

Слушаю голос
родимой земли
сквозь пелену клеветы и обмана.
Пальмы поют
на земле Сомали,
скалы гудят
на земле Сомали:
Люди,
боритесь за мир
неустанно!
Кровь наша жарче полдневных
лучей!

Наша отвага
грозней океана.
Вырвем оружье
из рук палачей,
выбросим в море
обломки мечей.
Люди,
боритесь за мир
неустанно!

Сомали.

КАСЕ

МЫ ЗАВОЮЕМ СВОБОДУ!

Ненависть нам отравляет
воздуха каждый глоток.
Напряжена наша память,
словно взведенный курок.
Ненависть в горле клокочет,
грозно стоит за спиной.
Скованы черные руки,
ждущие правды одной.
Видишь полночное небо —
так наша кожа черна.
Самая черная участь
нам суждена.
Ночь коротка и безмолвна.
Кровь пламенеет в ночи.
Рьяно взялись за работу
нашей земли палачи.
Кровь!
Падают сын и отец.
Кровь —
Вспоротые животы.
Кровь
наших разбитых сердец.
Кровь!
Падаем я и ты.
Сын мой, курчавый и черный!
Ты справедливости ждешь.

Против тебя ополчились
ненависть, рабство и ложь.
Слышишь, стучат автоматы,
видишь, сверкают штыки...
Это опять захотели
крови твоей пауки.
Сын мой, курчавый и
черный,
как ты прекрасен и юн!
Ты от страданий избавишь
землю свою, Камерун.
Мы завоюем свободу,
хищных зверей одолев.
В жилах под черною кожей
переливается гнев.
В бой
вышли и сын и отец.
В бой!
Сбудутся наши мечты!
В бой!
Слышишь биенье сердец!
В бой
ринулись я и ты!

Перевел Михаил Курганцев.
Камерун.

Герой Советского Союза Владимир Ильюшин.

Как писать о Владимире Ильюшине, если ты встречался с ним только на земле? Как писать о летчике-испытателе?

Я ломал над этим голову еще в позапрошлое лето, когда шел к Ильюшину как корреспондент «Комсомольской правды». Он поднялся тогда на высоту почти двадцати девяти тысяч метров, побив мировой рекорд американца Джонсона.

— Как выглядят звезды с такой высоты? — спросил я Ильюшина.

— Мне было некогда смотреть на звезды,— сказал он.— Я смотрю на звезды обычно с земли.

«Подумаешь,— мелькнуло у меня,— все смотрят на звезды с земли!» И я попросил Владимира рассказать что-нибудь «исключительное».

Мне повезло. Я услышал историю, как у сверхскоростного самолета отказал двигатель. Владимир мог катапультироваться и спасти свою жизнь, но он решил спасти и машину. Приближаясь к земле с нарастающей скоростью, Ильюшин успел «поймать», почувствовать ту единственную долю секунды, когда, меняя угол планирования, надо было нацелить машину на бетонную полосу аэродрома.

А другую историю, как, сбившись с курса, Ильюшин проскочил на несколько сот километров дальше аэродрома — а это ведь не на трамвае проехать лишнюю остановку! — и как уже кончалось горючее, я дослушать не успел. Вместе со мною у Володи сидел его друг по Академии имени Жуковского. И вот я чувствую, как этот друг наступает мне под столом на ногу. Я убираю ногу, но он снова до нее дотягивается. Я удивленно оборачиваюсь, и он показывает знаками: дескать, поздно уже, пора уходить.

Так я узнал, что у Ильюшина жесткий режим жизни. Ведь каждый полет его — как выступление на Олимпийских играх. Но этот режим включает и время заниматься живописью и время смотреть на звезды, на которые в небе смотреть некогда.

Сын известного авиаконструктора, Володя Ильюшин еще в школе мечтал об авиации. В конце войны

На последней

прямой

он поступил на аэродром работать мотористом. Из рассказов Ильюшина, которые напечатаны в этом номере журнала, вы узнаете и как Владимир Константинович Коккинаки учил его летать и как Ильюшин стал профессиональным летчиком-испытателем.

Владимир Ильюшин — летчик-испытатель нового типа. У него выносливость и реакция отлично тренированного спортсмена. Недаром он занимался гимнастикой, боксом. Проверяя качества новых сверхзвуковых самолетов, испытатель должен быть летчиком-мастером, летчиком-гроссмейстером. Но это не все.

Ильюшин — летчик с дипломом инженера. Испытывая самолет, он сообщает конструктору не только, как ведет себя новая машина в воздухе, но и объясняет, почему. Испытатель фактически участвует в развитии идеи конструктора. Ведь сегодняшний самолет одному человеку не создать.

Хочется еще сказать, что на земле, в жизни, Владимир Ильюшин так же смел и решителен, как в воздухе. И если ты встретишься с ним, он так на тебя посмотрит, что заставит радостно улыбнуться. Хорошо ходить по земле летчиком-испытателем!

Ю. Зерчанинов

В. ИЛЬЮШИН,
Герой Советского Союза

В АВИАЦИИ НЕТ «МЕЛОЧЕЙ»

Я работал наземным мотористом связного самолета «ПО-2». Летал на нем Владимир Константинович Коккинаки. На этом же самолете он учил меня летать.

Помню, предстоял полет, и, как всегда, я проснулся чуть свет. На аэродроме был раньше всех, снял чехлы с мотора, кабины и прилег на траву недалеко от самолета. На небе ни облачка, у меня на душе тоже. Я размечтался и не заметил, как задремал.

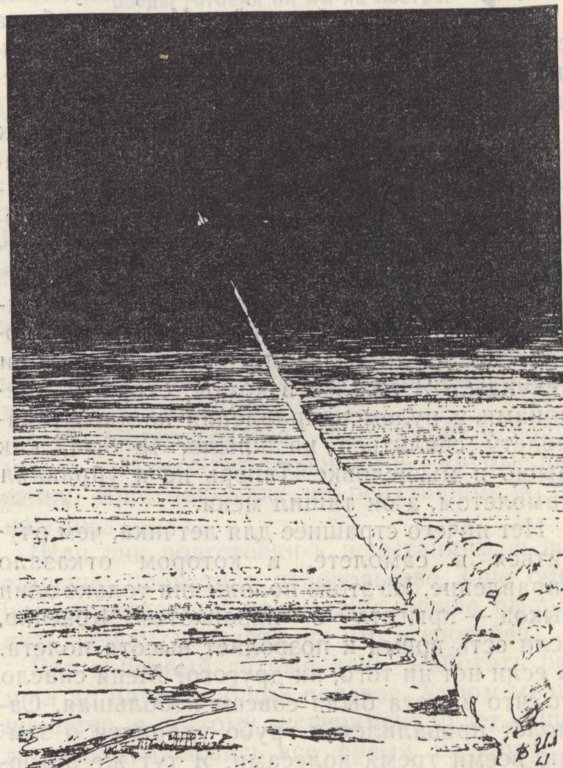
Проснулся оттого, что кто-то меня тормошил. Это был механик Федя Литов. Он успел уже осмотреть самолет и обнаружил слабо затянутые болты. Я поднялся, взял ключи и решил затянуть болты как можно сильнее.

Начал с верхнего цилиндра. Надел на ключ трубу и так закрутил болт, что... шляпка осталась у меня в руках. Пришлось снимать всю колонку и вывинчивать остаток болта из головки цилиндра. На это ушло довольно много времени. Бежать за новым болтом на склад? Уйдет еще около часа. Склад далеко, потом надо выписать наряд, нести его на подпись.

«Нет,— решил я.— Побегу в мастерскую — она рядом — и подберу болт из старых». Я знал, что у Владимира Константиновича все рассчитано по минутам и задержка сократит мой полет.

Время шло, а я все рылся и рылся в старых болтах. Болты нужного диаметра были, но только короткие. Что делать? Если теперь бежать на склад, то полета вообще сегодня не будет. И я решил поставить короткий болт. На один полет! Затем я его сменю. Только и всего.

Я пулей полетел к самолету. Первым делом поставил короткий болт, чтобы не заметил механик. Проверить и затянуть осталь-

В стратосфере. Рисунок В. Ильюшина.

ные болты было делом пяти минут, и все обошлось хорошо.

Механик прогрел и опробовал мотор. Он работал нормально. К приезду Владимира Константиновича самолет был готов к полету.

Мы сели в кабину, я запустил мотор, вырулил на старт и взлетел. Все шло великолепно. Мотор работал, как часы. Настроение было приподнятое, хотелось петь. Улыбка не давала мне закрыть рта. Я уже и не думал о каком-то там болте. Высота росла, и дома не земле превращались в игрушечные. Вдруг что-то просвистело мимо кабины, самолет затрясло, мотор начал давать резкие перебои. Болт! Колонка, которую я крепил, еле держалась. Верхний цилиндр перестал работать.

Владимир Константинович мгновенно взял управление, убрал газ и спланировал на аэродром. Благо была высота. Отрулив самолет на стоянку, Владимир Константинович дал нагоняй мне и механику.

Да, полет был сорван по моей вине.

В авиации ничего нельзя делать неточно или откладывать на «потом». У летчика может и не быть этого «потом», если будет упущена хотя бы мелочь. Каждая деталь самолета продумана и рассчитана.

Это я хорошо тогда понял. И еще я понял: в жизни честность всегда важна, но в авиации она — закон.

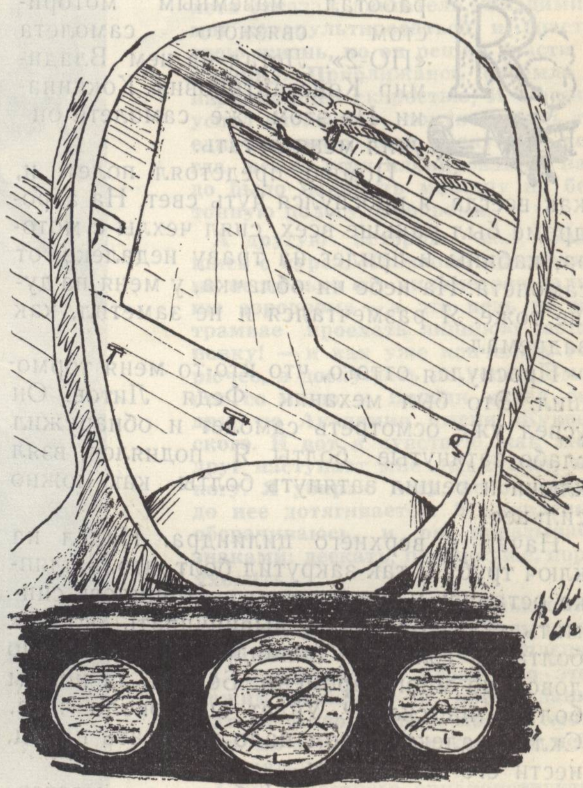
ОТВЕРТКА

Вспоминается еще один случай. Он произошел много лет спустя. Я уже работал летчиком-испытателем и занимался одним из первых сверхзвуковых истребителей. Машина была серьезная. Задания сложные. Каждая секунда полета расписана и заполнена до предела.

Окончив задание, я быстро снижался к аэродрому. Выпустил шасси, выполнил заход и расчет на посадку. Начал выравнивать самолет. Но что это? Во второй половине выравнивания, на высоте двух-трех метров, ручка управления встала.

Я ухватился за нее двумя руками, но сдвинуть с места не мог. Руль высоты не действовал. До земли оставались считанные доли секунды... Я сжался в комок, стараясь элеронами и рулем направления не давать самолету свалиться на крыло. Я был, как мышь в мышеловке. Теперь не я управлял самолетом, а он тащил меня.

Нет ничего страшнее для летчика, чем очутиться в самолете, в котором отказало управление. Из этого положения только один выход — прыгать с парашютом. Конечно, если есть время и позволяет высота полета. А если нет ни того, ни другого? Меня спасло то, что высота была совсем небольшая. Самолет провалился и грубо ударился о землю всеми тремя колесами. Я тут же затормозил их, чтобы не дать машине поднять от удара нос и снова оторваться от земли. Все произошло настолько молниеносно, действовать пришлось настолько быстро, что я не успел даже испугаться.

На последней прямой. **Рисунок В. Ильюшина.**

Отрулив самолет на стоянку, я, не выключая двигателей, подозвал механика и попросил его подвигать ручкой. Он сначала уди-

вился моей просьбе, но когда взялся за ручку и не смог ее стронуть с места, побледнел. Он понял, чем это могло кончиться. Я выключил двигатели и вылез из кабины.

Самолет опечатали, стали думать, что же произошло. На самолете стояла новая система управления, и большинство склонялось к мнению, что отказала именно она. Но в каком месте? Решили проверять ее всю, начиная от ручки. Просмотреть каждый сантиметр, исследовать каждый агрегат.

Сняли с самолета фонарь, проверили ручку управления. Все в порядке. Дальше тяги уходили под катапультное сиденье. Разрядили и вынули сиденье. Каково же было изумление, когда заглянули в кабину! «Дефект» лежал на ее полу. Это была большая, в палец толщиной отвертка. Кто-то из технического персонала забыл ее в кабине и вовремя не сказал об этом механику или, может быть, просто выронил ее из кармана и не заметил, а инструмента своего после работы не проверил. В полете отвертка каталась под сиденьем, пока не попала в тяги управления.

Эту отвертку мне потом подарили на память. И вот теперь, глядя на нее, я понимаю, что только счастливая случайность дала мне возможность рассказать вам эту историю.

Он только что побывал в стратосфере, а теперь... делает яичницу. Геологи, с которыми однажды ходил в экспедицию Ильюшин, не забудут, какие отличные обеды готовил он им на костре.

КОГДА НУЖНЫ «ОШИБКИ»

С завода, где я испытывал реактивные истребители, меня перевели в один из исследовательских институтов. Я ног под собой не чуял от радости. Сознание, что я стал летчиком-испытателем института, наполняло меня такой гордостью и самодовольством, что я, наверное, раздулся, как шар-пилот. До сих пор не понимаю, почему я тогда не лопнул.

Работа предстояла действительно очень интересная. Огромные скорости и высоты, штопора, устойчивость машины и многое-многое другое. Как только кончилось оформление, меня вызвал к себе начальник летного подразделения Юрий Николаевич Гринев. Отличный инженер, он великолепно разбирался не только в авиации, но и в людях. Ему, конечно, было понятно мое настроение, и он знал мои возможности. Я мчался к нему, как на крыльях, гадая, что же мне поручат. Я ожидал всего, только не того, что услышал.

— Работа серьезная,— сказал Гринев.— Необходимо испытать на прочность шасси «ЯК-11».

Я скис. Подумаешь, «ЯК-11»! Ведь это поршневой тренировочный самолет.

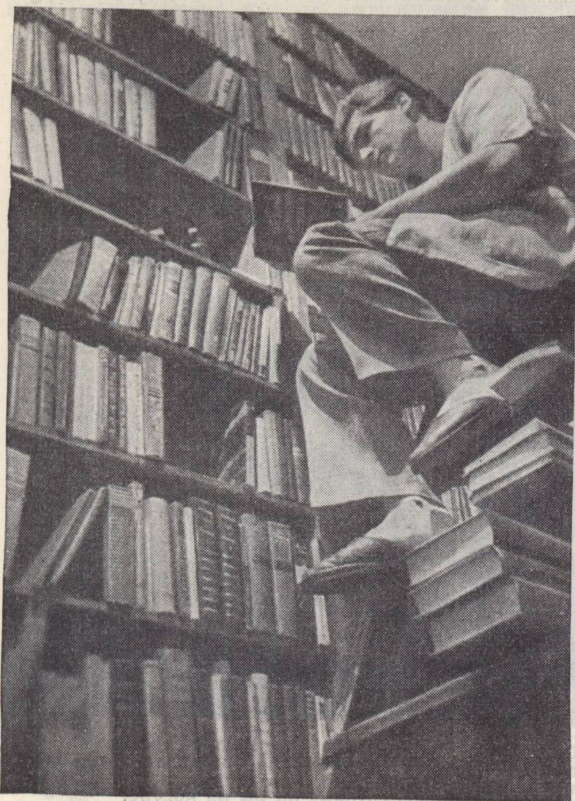
Юрий Николаевич сделал вид, что не заметил, как изменилось мое лицо, и проводил меня с пожеланием успеха.

«Что он, издевается надо мной? — подумал я.— И чего тут особенного — грубые посадки. Еще понимаю, на реактивном, а то на этом».

Шли дни подготовки к испытаниям, и постепенно проходило недовольство. Оно сменилось желанием как можно лучше выполнить задачу, показать, на что я способен.

Вот и первый летный день. Работать решил до начала общих полетов. Утром меньше ветер, и поэтому эксперимент будет чище, а главное, болтаясь все время на кругу, я мешал бы другим.

Запустив мотор, я вырулил на взлетную, дал газ и взлетел. Полет по кругу и заход

Жить без книг для Владимира Ильюшина — все равно что жить без неба. В его квартире скоро не хватит стен для книжных полок.

на посадку я выполнил нормально. Чтобы посадка получилась грубой, я выровнял машину немного выше, чем обычно, и стал ее сажать. Сначала все шло хорошо. Машина начала проваливаться и вот-вот коснулась бы бетона, но неожиданно для себя я несколько энергичней подобрал ручку. Самолет пронесся еще немного и плавно коснулся полосы. Грубой посадки не вышло.

Решив, что первый блин всегда комом, я дал газ и снова взлетел, и снова сделал круг, и снова начал заходить на посадку.

«На этот раз выровню ее метра на полтора»,— решил я. Машина, послушная каждому движению, начала проваливаться с полутора метров. Я замер. Но когда она должна была удариться о полосу, я опять подсознательно подобрал ручку, и самолет опять плавно коснулся бетона.

Третья посадка — третья неудача. А ведь я сажал самолет уже метров с двух. Время шло, бензин тратился, приборы писали, а дело — ни с места. Мне казалось, что все, кто есть на аэродроме, показывают на меня пальцем. Я уже начал злиться.

Неужели я не способен ударить самолет? Вот сейчас «выдеру» его метра на три над полосой и потом так хвачу о бетон, что выскочат заклепки!

Но снова все вышло не так, как мне хотелось. Самолет приземлился, как на пуховую перину. Я никогда не садился лучше, чем в этот раз. Что же случилось со мной? А, собственно, ничего и не случилось.

Когда человека учат летать, ему прививают самые лучшие, самые целесообразные приемы, которые курсант должен усвоить, впитать настолько прочно, чтобы они стали у него условными рефлексами. Летчик не должен размышлять, что надо сделать для того, чтобы развернуть самолет, взлететь или посадить его. Он должен все это делать четко, уверенно, не отвлекаясь на обдумывание.

Но как быть летчику-испытателю?

С одной стороны, он должен летать хорошо, даже очень хорошо, а этого можно достичь только тогда, когда все движения доведены до автоматизма. С другой стороны, для испытаний бывает необходимо тормозить свои рефлексы. В тот день, испытывая шасси «ЯК-11», я специально вводил ошибку — высоко выравнивал самолет, но когда он начинал проваливаться, я машинально исправлял ранее допущенную ошибку. И пришлось мне не столько заниматься самолетом, сколько бороться с самим собой.

Разумеется, дело не в том, чтобы летчик-испытатель все время совершал ошибки и смотрел, что из этого выйдет. Летчик-испытатель допускает режимы, которые подчас не встречаются при нормальном полете и, больше того, при нормальном полете являются ошибками. Но, сознательно допуская их, испытатель должен прекрасно отдавать себе отчет в том, что из этого получится. Он должен знать, до какого разумного предела можно дойти. И чем шире и богаче знания летчика-испытателя, чем глубже его понимание физики происходящих явлений, тем ценнее будет эксперимент.

Я понял это не сразу. А когда понял, не сразу научился побеждать рефлексы, грубо сажать самолет, и не просто грубо, но и с определенной заданной перегрузкой.

После окончания этой работы я уже не думал, что могу сделать все, что угодно. Я понял, что я еще только начинаю учиться испытывать самолеты.

С тех пор моя учеба не прекращается, и, я уверен, она будет продолжаться, пока я буду летать.

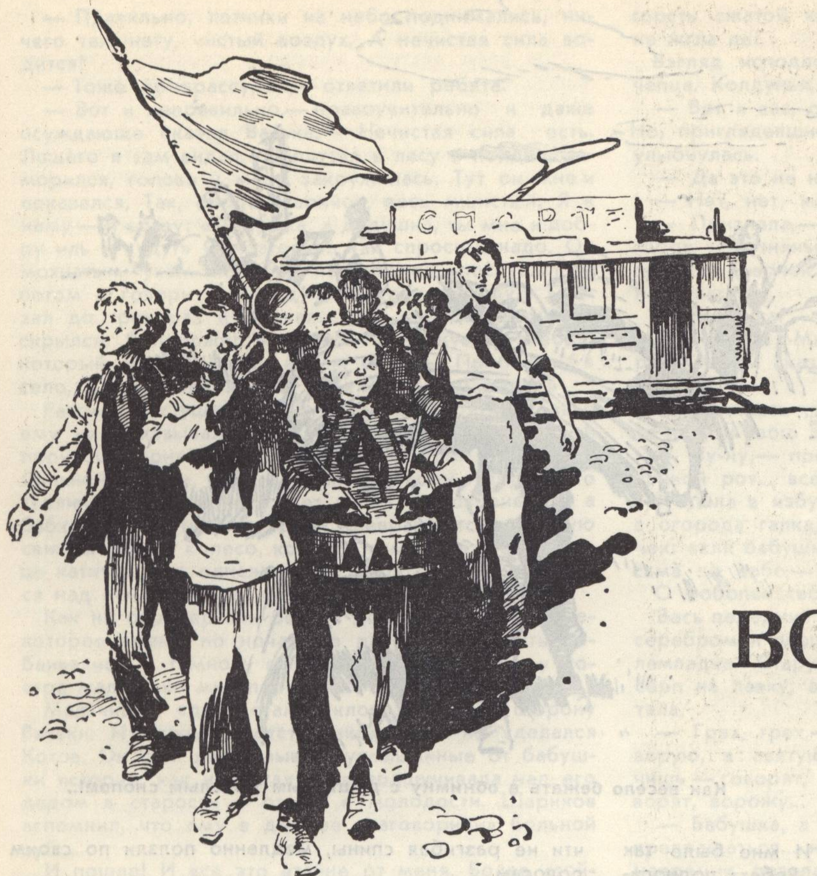
Николай БОГДАНОВ

КОГДА Я БЫЛ ВОЖАТЫМ

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Рисунки С. Забалуева.

28. КАК МЫ СОРЕВНОВАЛИСЬ

Лето стояло жаркое. Пока мы воевали, как-то сразу поспели и овес, и рожь, и яровая пшеница. Директор совхоза пригласил нас на «зажинки» — старинный праздник, отмечающий начало жатвы.

По обычаю, в этом деревенском празднике участвуют те, кто помогает друг другу в уборке. И пионерам дело нашлось: директор предложил ребятам подтаскивать с поля снопы и складывать в копны.

Мы сразу сообразили, что здесь можно посоревноваться с опытно-показательными.

Еще во время мирных переговоров мы предложили «побежденным» заключить договор о мире и дружбе. А поскольку дружба без дела мертва,— соревнование с какой-нибудь пользой.

Например, кто больше соберет грибов, кто больше накопает картошки, кто больше поймает рыбы, кто лучше сплетет корзинки.

Вольновой это не понравилось. Взамен она предложила состязаться в беге, в прыжках, в метании копья, диска, в кроссе по пересеченной местности, в плавании.

Вначале мы провели несколько спортивных соревнований и здесь были побеждены. Нас обогнали и в беге и в прыжках в высоту. Наши взяли реванш в городошных соревнованиях. Но были огорчены, когда сам вожатый оказался побежденным Вольновой в скоростном беге и даже в плавании.

Теперь была возможность добиться победы в трудовом соревновании на совхозном поле. Я так увлекательно рассказал Софье о жнитве, в котором она никогда не участвовала, что она согласилась вывести отряд на совхозное поле.

В Подмосковье рожь и пшеницу жали тогда серпами, овес и ячмень косили косами. А в совхозе уже были машины. Две пароконные жатки торжественно появились на поле. Одной правил знакомый нам толстяк Пуговкин, нарядный, в красной рубашке и в картузе с лаковым козырьком, другой — бывший красноармеец в своей военной форме. Кони в лентах. Девушки и женщины в праздничных платьях.

Небольшие поля зерновых артели «Красный огородник» примыкали к совхозному клину, и они решили объединиться для уборки.

На первую коллективную работу и рабочие совхоза и артельщики вышли как на праздник.

Ах, как хорошо это было! Кони, помахивая лентами, вплетенными в гривы и в хвосты, резво тронулись по краям поля. С веселым потрескиванием, словно маленькие ветряные мельницы, поехали жнейки. Послушно ложились подрезанные острыми ножами стебли пшеницы и сбрасывались крыльями-граблями в аккуратные кучки на ровное жнивье.

А позади дружно шли артельщики с пучками свясл на плечах. Ловко собирали и связывали пшеницу в снопы и ставили их на поле солдатиками.

Вместе с вязальщицами работал и я. Мои снопы были не хуже других: тугенькие, аккуратные. Но у ребят, как они ни старались, ничего не выходило. Попробовала связать сноп Вольнова — и тоже не сумела: то сноп рассыпался, то свясло не завязывалось. Не так это просто. Связать сноп — искусство. Только исколола себе руки, смутилась, даже обиделась.

Как весело бежать в обнимку с душистым тяжелым снопом!..

Но огорчения были недолги. Когда снопы стали целой армией, пионерам нашлась работа.

— А ну, ребята, таскать в копны!

Как весело бежать в обнимку с душистым тяжелым снопом, который пышет жаром и щекочет тебе лицо и шею, тащить к назначенному месту вперегонки! Здесь и Вольнова развеселилась. И мне было так хорошо, когда я услышал ее смех. Ребята подносили, а мы с Маргаритой складывали. Эта работа была мне знакома с детства, и действовал я ловко при одобрении артельных.

Появившаяся дождевая тучка подстегивала работу. Копны росли, как маленькие бастионы крепости. И когда набегал озорной косой дождь, все наши пшеничные солдатики оказывались в крепости, а мы под их защитой.

Как это замечательно — сидеть под снопами, прячась от грозового дождя, тесно прижавшись друг к другу! Пробежала, прогремела туча, заиграла радуга, заблестели дождевые капли на жнивье. И мы весело выбираемся из-под снопов, еще сохранивших сухое тепло. Пережитая опасность, даже небольшая, нас объединяет!

В обед вместе со всеми уселись мы на снопах полдничать. Артельщики угостили нас своей нехитрой едой, принесенной в кошелях и корчажках.

Замечательным праздничным кушаньем нам показалась полевая тюря — черные сухари, размоченные в квасе, сдобренные луком и постным маслом. Чудо, как вкусна эта еда после дружной работы, в тени душистых пшеничных копен!

После еды пошли песни и танцы. У бывшего красноармейца оказалась гармонь, и под ее лады сплясал даже толстяк Пуговкин. Хитроватые маленькие глазки его так и сверкали.

— Вот, ребятки молодые,— говорил он, отирая пот красным платочком,— вот так-то и будут работать люди при коммунизме. Дружно, с песней!

Преимущество артельного труда было особенно наглядно потому, что рядом вышли на зажинки коломенские единоличники. Они жали серпами и, почти не разгибая спины, медленно ползли по своим полосам.

Особенно нам бросилась в глаза одна старушка. Она жала на коленях. Ползла по своему загону, как улитка.

— Почему бы не принять ее в артель, ведь она беднячка?

— Мы бы приняли,— ответил Татаринов, председатель артели.— Дали бы ей курами, индейками командовать... Она мастерица птиц водить... У нее индюки важные, как царские генералы! Да не хочет в артель идти старая колдунья!

29. КАК МЫ ПРОСВЕЩАЛИ ВАСЬКУ И БОРОЛИСЬ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ

Может быть, ребята и не обратили бы внимания на эту отсталую старушку, если бы не одно это нечаянно оброненное председателем слово — «колдунья».

Я уже слышал однажды горячий спор о колдуньях, ведьмах, нечистой силе, когда смятение в умы ребят внес Васька. В одно из своих посещений наш неотесанный друг-враг, как всегда, неожиданно стал задавать ребятам вопросы. У него было пристрастие экзаменовать наших пионеров. Добиваться, правильно ли они, по его мнению, понимают жизнь.

— Эй, пионеры,— спросил Васька, навивая кончик кнута (он всегда чем-нибудь был занят),— бога нет?

Обращался он только к мальчишкам, с девчонками, как правило, Васька не разговаривал, а только дразнился.

— Нет,— ответил Котов.

— Правильно, летчики на небо поднимались, ничего там нету, чистый воздух. А нечистая сила водится?

— Тоже предрассудок,— ответили ребята.

— Вот и неправильно,— нравоучительно и даже осуждающе сказал Васька.— Нечистая сила есть. Лешего я сам видал. Заплутал в лесу в полдни, заморился, голова у меня закружилась. Тут он мне и показался. Так, вроде старичок, весь мшистый. Я к нему — и сразу: «Дедушка, а дедушка, ты мне к добру иль к худу?» Обязательно так спросить надо. Он мохнатым ухом ко мне повернулся, послушал, а потом и говорит: «К худу... к худу... к худу!» Сказал до трех раз и пропал... Так за деревьями и скрылся. Я положил на пенек ему кусок хлебца, который еще не съел, а сам бежать. Прибежал в село, а мне говорят: «У тебя мать помирает...»

Рассказ пастушонка взбудоражил ребят. Сколько ему ни доказывали, что это была галлюцинация и произошла она оттого, что он все время думал о больной матери, парень стоял на своем, уверяя, что хозяин его — колдун, умеет кровь «заговаривать», а бабка Перевертиха по ночам превращается в черную свинью либо в колесо, которое само по себе по улице катится. Так, однажды она ребятам, посмеявшимся над ней, босые пальцы поотдавила.

Как ни опровергали ребята домыслы Васьки, а некоторое время по ночам из палаток выходить побаивались, в темноте в парк не заглядывали, у костра жались ко мне поближе.

Мальчишки вдруг стали склоняться на сторону Васьки. И первым отступником чуть не сделался Котов. Он стал рассказывать услышанные от бабушки истории, как нечистая сила подшучивала над его дедом в старости и отцом в молодости. Шариков вспомнил, что ему в детстве «заговорили» больной зуб...

И пошло! И все это втайне от меня. Более стойкими противницами суеверия оставались девочки, ненавидевшие Ваську.

А теперь сам председатель артели — коммунист— сказал: «Старая колдунья...»

Услышав роковые слова председателя, ребята переглянулись и примолкли. А девочки тут же устроили тайный совет.

В течение нескольких дней происходили неизвестные мне брожения в умах и некоторые тайные действия. И однажды девочки прибежали возбужденные, раскрасневшиеся, с радостными возгласами:

— Она не колдунья! Не колдунья! Нет, нет, вожатый, тут совсем другое!

И я был посвящен во всю историю.

Смелая Маргарита, бывшая Матрена, во всем похожая на мальчишку, Катя-большая и толстушка Рая бесстрашно отправились, улучив время, прямо к бабушке Перевертихе поговорить с живой колдуньей и выяснить раз навсегда спорный вопрос.

Вот и ее жилище: покосившаяся набок избушка с соломенной крышей, покрытой бархатным мхом. Заткнутые тряпьем подслеповатые окна. Низкая, вросшая в землю дверь. Возле дома разгуливают, красуясь друг перед другом, два индюка. Вокруг избушки под застрехой висели пучки каких-то трав. На завалинке лежал кот на привязи...

При виде чужих индюки надулись, зашипели и прошлись перед избушкой, подметая пыль крыльями. А кот вскочил и стал стучать лапами в окно... На этот стук из раскрытой двери вначале вылетела какая-то черная птица. Она улетела на огород, а вслед за тем из огорода появилась старуха.

В одной руке она держала серп, другой сжимала горсть сжатой крапивы... И крапива, по-видимому, не жгла ее!

Взгляд исподлобья. Серые космы торчат из-под чепца. Колдунья, да и только!

— Вот я вас, озорники! — хрипло сказала старуха. Но, приглядевшись к оробевшим девчатам, вдруг улыбнулась.

— Да это не наши?

— Нет, нет, мы городские,— поспешили девочки.

— Признала,— ответила старуха,— здравствуй, город полотняный... маленькие солдатики...— Она приняла девочек за обитательниц опытно-показательного лагеря.

— Бабушка! — решительно сказала Маргарита.— Мы пионеры. Мы ни в какие предрассудки не верим. А нам сказали, что вы колдунья. Ведь это неправда?

Она впилась глазами в бабушку. А Рая достала из-за пазухи свою заветную кожаную тетрадочку.

— Ну-ну,— проворчала бабушка.— У нас народ— кривой рот... всего наскажут...

И ушла в избушку. Вслед за ней в дверь влетела с огорода галка, и это несколько успокоило девочек: если бабушка шла сама по себе, а птица летела сама по себе,— значит, она не обернулась галкой. С любопытством заглянули пионерки в дом.

Весь передний угол избушки занимали сверкающие серебром и позолотой образа. Перед ними горела лампадка. Старушка долго крестилась, положив серп на лавку, а крапиву в корытце, и что-то шептала.

— Грех, грех,— сказала наконец она.— Я в бога верую, в святую троицу. Люди глупы. Людей лечишь — говорят, колдунья. Травы собираешь — говорят, ворожу... Глупы... Глупы...

— Бабушка, а почему же говорят, что вы умеете превращаться... и в колесо... и в черную свинью? — напрямик резала Маргарита, не сводя со старухи своего прямого взгляда.

Неожиданно старушка надела очки, достала из-за икон книгу «Определитель лекарственных растений» и, оставив без внимания вопрос Маргариты, сказала:

— Когда у вас животы заболят, прибегайте: я вас вылечу!

И улыбнулась такой хорошей, открытой улыбкой, что девочки раз и навсегда решили: никакая она не колдунья.

Но вот набожность бабушки поразила их воображение. И вскоре я узнал об этом.

30. КАК МЫ СОТВОРИЛИ ЧУДО

— Вожатый, а ты в чудеса веришь? — спросила Катя-большая. И все восемнадцать глаз пионерок звена «Красной Розы» уставились на меня.

— Верю.

— В чудеса святых угодников?!

Теперь я понимаю, откуда ветер дует: значит, бабка Перевертиха воздействовала на девчат — не колдовством, так святовством.

— При чем тут святые угодники? Каждый человек может сделать чудо. Стоит только захотеть,— сказал я.

— И мы, мы можем сотворить чудо?

— А чего же, разве нам кто запретит? Захотим — и сделаем! Не хуже какого-нибудь бабкиного святого. Кому она молится, чтобы ей снопы с поля помог свезти, кому свечи ставит?

— Николаю-угоднику,— сказала Маргарита.

«Ого, вот как далеко дело зашло, немалую работку среди моих пионеров провела старушка!» — подумал я и сказал:

— Очень хорошо. Я как раз Николай... А вы мои ангелы. И чудо мы сотворим сегодня же ночью.

Сказано — сделано. Летняя ночь светла. Блестит река. Темнеет парк. Спит деревня в серебристой дымке. Спит бабушка Перевертиха. Горит лампадка перед иконой Николы-угодника, а мы за него батрачим.

Тихо, тайно, без крика, без смеха тащат пионеры каждый по снопу с бабушкиной полоски к ее абмарчику, а я прямо напротив ее крыльца складываю аккуратную одоньку.

Нетрудная работа, а сердца бьются, замирая.

Лишь бы не проснулась старая. Лишь бы не облаяли нас собаки. Лишь бы не наткнулись какие-нибудь загулявшиеся парочки.

До рассвета, как тени, скользили по жнивью ребята «Спартака» и девчата «Красной Розы» от избушки к полю и обратно, без устали, без понуканий. Только бы успеть до зари. Ведь мы не просто работали, мы творили чудо. И вот оно: озаренная лучами восходящего солнца, перед бабушкиным амбаром красуется в розовом свете одонька. Все снопы, перенесенные по воздуху с ее полоски, уложены мной тихо и аккуратно.

Бабушка спит, а «чудодеи» бодрствуют. Затаились в зарослях лопухов и крапивы и терпеливо ждут, как она проснется, как на крыльцо выйдет да как увидит... Посмотреть на ее удивление — это ведь самое главное, из-за чего старались!

Вначале бабушка Перевертиха ничего не заметила. Она вышла, зевнула, перекрестила рот. Потом стала умываться, цедя из рукомойника скупую струйку и ополаскивая нос и рот одной рукой, как кошка лапой.

Вдруг взгляд ее мутноватых глаз остановился на одоньке. Старушка протерла веки. Попятилась. Взяла зачем-то клюку. Подошла к одоньке. Обошла кругом. Потрогала клюкой снопы. Приложила ладонь к глазам, долго смотрела в поле. Дальнозорка была старуха, разглядела, что полоска пуста, а все снопы здесь.

Тут подпрыгнула бабка, бросила клюку — да в избу, да к образам и чмок Николу-угодника! И давай молиться и давай поклоны класть!

А нас как ветром подхватило! В овраг — и ходу к лагерю.

Бежим, а от смеха животы схватывает.

— Вожатый, ей тебя целовать надо, а не икону!

— Ой, здорово, мы ангелы!

— Ну, никто не поверит, никто! Дома хоть не рассказывай, как мы творили чудеса!

☆ ☆ ☆

Забравшись в шалаши, «чудотворцы» проспали до обеда и не чуяли, что поднялось в деревне. На бабушкину одоньку сбежались поглазеть и стар и мал. Перевертиха, наслаждаясь унижением жадюги Зеленина, без устали рассказывала, как намолила она Николу и вот сподобилась... Кулак Зеленин за перевозку снопов третью долю брал, а Никола-угодник за молитву перенес!

Бабы сразу поверили. Мужики чесали в затылках. Обсуждали чудо на все лады.

Когда до нас дошел весь этот шум, мы решили нанести окончательный удар суеверию. Отправились в деревню парадным маршем. Выстроились, ударили в барабаны и продекламировали хором наспех сочиненные антирелигиозные частушки. О том, как угодники проспали, а пионеры не дремали.

При всем честном народе в доказательство, что снопы сложены нами, достали мы спрятанный в середину одоньки вымпел.

Увы, бабушка нам не поверила.

Она так разобиделась, что ребят в красных галстуках с тех пор видеть не могла. Грозилась клюкой и гналась за ними, норовя побить.

Да и на селе нашу проделку повернули против нас же.

— Знаем мы, известно: это они, чтобы глаза отвести, свой вымпел-то подложили... Сами в бога не веруют и других попутать хотят. Чего уж там хитрить, было чудо, намолила Перевертиха! Послал ей господь за добрые дела!

Сколько ни возмущались потом наши «чудодеи», сколько ни доказывали деревенским мальчишкам, девчонкам, малым и старым при каждой встрече, что это они сами, своими руками перетащили снопы,— ничто не помогало.

— Да ведь известно, вы в бога не верите, вам оно так говорить и полагается,— отвечали деревенские рассудительно.

Мы уж были и не рады, что побатрачили на Николу-угодника.

Беда одна не ходит. Не успели мы пережить все огорчения из-за сотворенного нами «чуда», как новое происшествие потрясло наш лагерь.

31. КАК МЫ ОГУРЦОМ ЗАРЕЗАЛИСЬ

Прибежали посланцы «Красных огородников».

— Выручайте, ребята, у нас огурцы горят! Драгоценные поздние огурчики для осеннего посола пропадают... Листва жухнет, завязь желтеет, поливка большая нужна. Зарежут нас огурцы... А мы на них так надеялись!

Вторую неделю стоял такой зной, что земля начала трескаться. Солнце всходило в багровой дымке. С востока веял сухой ветерок, от которого шелушилась кожа и трескались губы.

Друзей надо было выручать. И вот всем отрядом, от мала до велика, лишь только солнце пошло на закат, вышли мы на поле нового боя. Артельщики достали насос у пожарной команды и посменно в поте лица качают воду из ручья и по шлангу подают в большой чан, установленный на краю огорода. А мы, выстроившись цепочкой, передаем ведра ближе к грядкам. Бабы, девки, артельная детвора и наши пионеры с ведрами, с котелками, с чугунками снуют среди грядок и поливают огурцы и редиску позднего посева.

Работаем до заката, при свете поздней зари. И уходим в лагерь, едва волоча ноги, но такие гордые, такие довольные собой, как будто мы выиграли сражение.

Так мы сражались три дня, пока не отлили желтеющие огурцы и не заставили посвежеть редиску.

За этим занятием и застали нас некоторые родители, явившиеся с вечера в субботу.

Они поначалу не огорчились, даже помогли нам и с удовольствием отведали свежей сочной редиски и огурчиков-позднышков, которыми угостили их артельщики.

Среди огурцов были забавные сюрпризы — огурцы, на которых солнцем выгравировано: «Рита», «Катя», «Игорь» и так далее.

Этому нехитрому искусству научились ребята от Васьки. Со скуки он придумывал себе всякие заба-

вы. Втайне обернет огурец травинкой; когда на его зеленой коже образуется белая спираль на том месте, где травинка прикрыла ее от солнца, снимет огурец и забросит в речку: «Это заколдованный, на нем ведьмино тавро». А на другом огурце выведет крестик и уверяет, что это «божий дар».

Но ребята уже не поддавались так просто на Васькины ловушки. Вскоре, разгадав его секрет, сами стали обертывать огурцы бумажками с прорезью из букв. Тогда надписи получались темные на бледном фоне. Либо накладывали на огурцы слова, составленные из ивовых палочек, и тогда надписи получались белыми на темно-зеленом фоне.

Иные огурцы делали рисунчатыми, разукрашенными замысловатой солнечной татуировкой.

Словом, превзошли Васькино искусство себе на горе. Эти приметные огурцы преподнесли нам неожиданный сюрприз. И какой!

Уважаемые папы и мамы после краткого свидания со своими обожаемыми чадами вдруг собрались в гости к нашим друзьям-врагам в опытно-показательный лагерь. Оказывается, перезнакомившись в дороге с их родителями, они сговорились обменяться визитами по принципу: «Вы к нам, мы к вам».

Наших пригласили к обеду, а мы пригласили гостей к ужину. Некоторые родители захватили с собой и детей, против чего я не смог возразить.

Беды не чуя, мы готовились к званому ужину. На этот раз задумали «удивить-победить» омлетом с зеленым горошком да чаепитием с сотовым медом.

Происхождение этих яств было непростое. Целую корзинку яиц наменяли наши девчонки на нитки, иголки, наперстки и прочую галантерею, которую одолжила им мать Кости Котова из своих старых запасов, оставшихся от ее лоточной торговли.

Оказывается, когда наши распространяли книжки Мириманова, многие деревенские бабы спрашивали у них эти необходимые предметы обихода. Девчонки пообещали доставить. И вот результат — корзинка яиц!

Признаться, такая коммерческая операция меня весьма смутила.

— Ну, а что? Какая разница: одному нужна книжка, другому — наперсток,— доказывала Маргарита.— Все равно мы хорошее дело сделали.

— В книжке главное — распространение знания,— возражал я.— А это уже торговля!

— Ну что ж, а разве Ленин не говорил: «Нам надо учиться торговать»?.. Это наша, красная торговля.

Дискутировать было некогда, и мы приняли трофеи наших фуражиров в общий котел.

А вот с медом — это была романтическая история. Несколько дней тому назад явился в наш лагерь неизвестный мальчишка и передал толстую книжку, аккуратно завернутую в плотную бумагу. Это был роман Новикова-Прибоя «Цусима». Посылал его нам Аркадий Гайдар с просьбой передать сапожнику.

Бывший матрос так обрадовался подарку, что наградил наших посланцев целой миской свежего сотового меда со своего пчельника. Оказывается, он был пчеловодом-любителем.

Этими скромными дарами мы надеялись ублажить наших гостей.

Кроме того, каждому родителю в подарок мы заготовили по лукошку яблок. Эти лукошки из бересты нас научил делать все тот же Иван Данилыч. Они были невелики, вмещали всего по нескольку яблок, но выглядели подарочно. Беленькие, чистенькие, они так и манили наполнить их чем-нибудь вкусным. Втайне ребята надеялись, что родители в следующее воскресенье вернут лукошки, наполнив чаем, сахаром и конфетами.

Накануне мы помогли снять в саду поспевший белый налив и грушовку, проведя операцию «малой кровью», с «небольшими потерями». Упал с дерева только неугомонный Франтик, сильно поцарапавшись о сучки, и, как всегда, сумела приобрести занозы и ссадины толстая Рая.

Теперь в саду оставались дозревать самые ценные осенние сорта: антоновка, апорт, скрижапель, анис.

Дележка яблок была проведена как торжественная церемония.

Директор совхоза велел доставить в сад весы. Яблоки, уложенные в корзины, взвесили и разделили поровну. Вначале между караульщиками и совхозом, а затем долю караульщиков поровну между пионерами и садолазами.

Многие деревенские мальчишки пришли на дележку с родителями: очевидно, те опасались, что их могут обмануть. Мужики и бабы сами проверяли весы и наблюдали дележ с торжественной серьезностью, свойственной в таких делах трудовым деревенским людям. И, получив положенное, потащили по домам корзины с таким молчаливым достоинством, которым мы невольно залюбовались.

Доставшиеся нам корзины с яблоками мы поставили в шалаше для аромата.

Но, увы, приятный яблочный запах в шалашах не спас нас от грядущих неприятностей.

Тут же после обеда дозорные заметили, что по направлению к нам движется из показательного лагеря, поднимая пыль, нестройная, шумная, жестикулирующая толпа.

Движение ее и шум по мере приближения к лагерю нарастали.

Мы сразу почуяли: что-то случилось... И что-то нехорошее... Иначе почему наши выкатились из гостей раньше времени?

Тревогу увеличили вырвавшиеся вперед быстроногая Катя-большая и Франтик. Они ревели, как маленькие.

— Обидно! — говорил Франтик, размазывая грязным кулаком слезы.

— Наша редиска! Наши огурчики! — причитала Катя.

Когда они немножко поуспокоились, выяснилось, что наши ребята, будучи вместе с родителями приглашены к обеду, увидели за столом у пионеров Вольновой наши именные огурцы! Оказывается, они попали сюда в очередной партии овощей, которыми артель «Красный огородник» по договору за известную плату снабжает опытно-показательный лагерь.

И ребятам это показалось очень обидно. О родителях и говорить нечего, они возмутились до глубины души.

— Как вам нравится, а? Наши дети огурцы и редиску выращивают, трудятся, а те запросто жрут! Да что же наши ребята — батраки, что ли, для них?

— Почему для тех четырехразовое питание бесплатно, а для наших шиш?

— Это в честь чего же такое неравенство? Одни живут в хоромах, на всем готовеньком, а другие на шишах в шалашах?

— Нет, мы такого издевательства над своими детьми не позволим!

Родительский митинг продолжался до позднего вечера.

Никого уже не интересовал ни чай с медом, ни медовые яблоки. Все, что раньше казалось хорошим и славным, теперь казалось дурным. Чем раньше восхищались и умилялись, теперь возмущались.

— Те на кроватках, на белых простынках, а наши на соломе, как каторжные!

— Тех мушка не потревожит — на окнах сеточки, а наших комарищи запросто жрут!

— Это что же получается: одни любимчики, а другие пасынки? Нет, у Советской власти дети все равны!

— Мы этот порядок порушим! Мы в районо пойдем! Мы в райком партии!

Попало, конечно, и мне как вожатому.

— Это почему Вольнова для своих такого добилась, а ты не добился?..

— Мы думали, пионерам так и полагается, ан, оказывается, бывает и иначе!

— Ты чего же молчал? Зачем нас обманывал?

— Сам ты эксплуататор детского труда — вот ты кто! Мы и о тебе вопрос поставим!

Почему-то с особенной злостью ругали меня Катины тетки-белошвейки, которым так нравилась раньше наша вольная жизнь.

В довершение несчастья явились вдруг давно приглашенные мной продавцы из булочной с гитарой и с двуручной корзиной хлебных обрезков. И на радостях встречи тут же выложили весь секрет, с довольными улыбками заявив:

— Буржуям оно это, может, и не по вкусу — зазорно кусочки подъедать, а пролетариям в самый раз! Налетай, ребята, таскай кому что нравится! Кому с мачком, кому с изюмчиком!

Родители восприняли это как ужасное оскорбление.

* * *

Последствия родительского бунта не заставили себя ждать. Меня вызвали в райбюро пионеров. По выражению лица моего друга Павлика уже было видно, какая его коснулась буря.

Взбунтовавшиеся родители под предводительством решительной вагоновожатой успели обойти все учреждения, от райкома партии до районо, и везде учинили такой шум, что Павлику приходилось вертеться, как карасю на сковородке.

— И кто бы думал,— говорил он сокрушенно,— что наше доброе дело обернется для нас таким лихом!

Он сообщил, что вопрос о нашем самодеятельном лагере будет стоять на очередном заседании районо. Надо приготовиться к худшему.

Как жалко, что не было в Москве Михаила Мартыновича. Я узнал во Внешторге, что он уже уехал во Францию и теперь далеко от нас, в Париже.

32. КАК ОТВЕЧАЛА КРУПСКАЯ НА ЖИВЫЕ ПИСЬМА

Когда я, вернувшись в лагерь, рассказал, что родители вообще не желают, чтобы мы жили в шалашах и сами добывали пропитание, ребята очень огорчились.

Как быть, как сохранить наше вольное житье? У кого найти защиту, если и райбюро пионеров, повидимому, против. Дядя Миша? Увы, его с нами нет!

Продавцы явились с гитарой и корзиной хлебных обрезков.

А может быть, мы ошибаемся и действуем неправильно? Но ведь мы юные ленинцы, а известно, что Ленин однажды жил в шалаше, в Разливе. Это все знают.

И вдруг кто-то предложил:

— Давайте напишем письмо жене Ленина, Крупской. Расскажем, что хотим жить по-ленински, а нам запрещают!

А потом кто-то догадался: зачем писать, когда можно задать вопросы устно? Прийти к Надежде Константиновне и сказать: мы Живые Письма!

Идея мне понравилась. И вот мы у костра уже разбираем проекты устных писем и намечаем, кого послать. В конце концов избранными оказываются авторы самых дельных, коротких и ясных писем: это наш «доктор паровозов», солидный Шариков, дочка вагоновожатой Маргарита и — представьте!— малышка Катя-беленькая.

И, кроме того, мы решили захватить с собой нашего трудновоспитуемого батрачонка Ваську: уж если нашему воздействию он не поддается, может быть, Надежда Константиновна с ним справится!

— Васька,— сказали мы ему,— если с тобой поговорит жена самого Ленина, послушаешься, что она скажет?

— Жену Ленина послушаюсь,— сказал Васька,— как же, кого же тогда слушаться!

И вот в одно прекрасное утро мы у проходной Кремля. Звоню Надежде Константиновне по телефону, говорю, что я вожатый отряда, а со мной Живые Письма, можно ли начальнику караула их пропустить?

Надежда Константиновна переспросила: что это значит, в каком это смысле они живые? Очень интересные, действенные? А когда я объяснил, рассмеялась.

— Хорошо, передайте трубку начальнику караула.

Начальник отнесся к нам добросовестно, сам провел мимо строгих часовых и напутствовал с улыбкой:

— Только зря по Кремлю не бегайте! В прятки не играйте, а то вас потом не найдешь, не вытащишь!

— Ну, уж и Царь-пушку не посмотреть! — протянула Катя-беленькая.

— Только Царь-пушку — и марш, как из пушки!

Мы пообещали и улетучились.

И вот мы у порога ленинской квартиры. Еще так недавно по этим ступенькам поднимался сам Владимир Ильич. Ребята идут по ним на цыпочках, притаив дыхание.

Войдя, мы отдали пионерский салют. Надежда Константиновна просматривала газеты. Встав из-за стола, она сняла очки и добродушными глазами осмотрела всю мою команду.

— Здравствуйте, хитрецы!

И обратилась к самой высокой — Маргарите.

— Ну, начинай, ты будешь первым Говорящим Письмом.

— Здравствуйте, дорогая Надежда Константиновна! — Рита нарочно подражала чтению письма.— Пишут вам пионеры отряда имени Буденного. Мы решили все лето прожить в шалашах, как товарищ Ленин в Разливе. А нам хотят запретить. Говорят, что мы запаршивеем и простудимся, вместо того чтобы набраться здоровья. Но ведь Ильич-то не простудился!

Надежда Константиновна улыбнулась, тень хорошего воспоминания прошла по ее лицу.

— Нет, не простудился... Даже посвежел. Но жил он в шалаше по необходимости,— подчеркнула она,— а вам это зачем?

— А мы принципиально! — заявила Рита.

— Вот это неправильно. Ильич в шалаше скрывался от белогвардейских шпиков, а вам от кого скрываться? Вопрос не принципиальный. Летом жить можно где угодно: в палатках, в помещении сельской школы, даже в шалашах. Главное — вести себя по-ленински.

Тут заговорило другое Живое Письмо — Шариков:

— Дорогая Надежда Константиновна, наше пионерское звено «Спартак» решило вести себя в пионерском лагере по-ленински. Не тянуть все с государства, а самим добывать себе пропитание. Мы слышали от одного старого большевика, что Владимир Ильич, живя в Разливе, сам ловил рыбу, варил себе уху, косил сено для Емельяновых, а они привозили ему хлеб и чай-сахар...

— Ну, Ильич, конечно, не за чай-сахар косил сено,— прервала Крупская.— Это нужно было для маскировки. Ведь Емельяновы выдавали его за рабочего, которого они наняли на покос... Но, действительно, стожок он накосил... И не маленький... И если так считать, то, пожалуй, и верно: на хлеб себе заработал.

Тут Надежда Константиновна рассмеялась.

— Вот какие вы дотошные, как-то никогда об этом не думала.

И она снова примолкла, вспоминая. Мы затаили дыхание, словно сейчас вот она обернется и позовет... И из комнат выйдет Ленин и сам расскажет нам, сколько он накосил сена в Разливе.

— Косил Ильич с удовольствием. Еще в Шушенском... Он очень любил физическую работу...

— И мы! И мы тоже! — радостно вскрикнули Живые Письма.— Мы на хлеб себе можем заработать, плетя корзинки... для совхоза. Они очень нужны... Нас Данилыч научил... А родители против. Говорят: «Это эксплуатация детского труда», «Это неправильно», «Детям все должно обеспечить государство», «Четырехразовое питание»!

Выражение лица Надежды Константиновны как-то переменилось. Стало настороженным.

— Да? Такие возникают проблемы? Ну, не знаю, что вам посоветовать. Конечно, дети рабочих имеют право на заботу государства. Однако такие иждивенческие настроения нехороши... Приучать детей смотреть в руки государства? — Она думала вслух и вдруг спросила: — А вам самим-то как интересней?

— Вы знаете, когда картошка выкопана своими руками, какая она вкусная! — выпалил Шариков.

— А совхозный хлеб!.. Когда его ешь — крошечки не уронишь! Держишь в горстке! — добавила Катя.

— Сколько тебе лет? — заинтересовалась Надежда Константиновна нашей малышкой.

— Мне уже десятый... Это я только ростом такая маленькая,— ответила Катя и тут же без запинки начала читать свое заветное письмо:

— Дорогая Надежда Константиновна, мы, пионеры звена «Розы Люксембург», хотим ликвидировать в деревне неграмотность, бороться с суевериями, но у нас это пока не получается. Нам попался очень трудный случай. В деревне мы нашли маленького батрака, сироту Васю. Он такой несознательный, что верит в нечистую силу и нас убеждает, будто она есть. Никак ему не докажем. А главное, он любит кулака, который его эксплуатирует. Кулак его бьет, а он говорит: «Я за него бога молю. Ён,— говорит,— меня кормить». В церковь Вася ходит, свечки ставит... Как его нам перевоспитать, не знаем...

— Где же такой несознательный батрак? — спросила Надежда Константиновна.

— А вот он здесь! — И ребята повернулись к Ваське, который все это время стоял истуканом, уставившись на Крупскую своим немигающим взглядом.

— Вот этот? — От удивления Надежда Константиновна даже надела очки.— Как же это ты, Вася, батрак — и вдруг за кулака?

— А ён меня кормить,— подтвердил Васька.

— Значит, если мы тебя будем кормить, ты будешь за нас?

— Ага... чего же, могу!

— Ну, хорошо, мы устроим тебя в детский дом. Ты сирота? У тебя нет родителей?

— Батьку беляки зарубили на войне, матка от горюшка померла...

— Ах, Вася, Вася, ты наш человек, а сознание тебе прививают чужое! Почему ты с пионерами не дружишь?

— А я с ними дружу.

— Зачем же ты нас ругаешь? Дразнишься? — не выдержала Катя.

— Это я не со зла. Скушно мне. Завистую вашей жисти!

— Понятно,— сказала Надежда Константиновна.

Сказала она это так, что нам вдруг стало понятно Васькино одиночество, тоскливое чувство, с которым он наблюдает нашу жизнь, не имея возможности войти в нее и зажить вместе с нами.

— Тебе надо быть в коллективе, Вася.— Крупская

написала записку, вырвала листок из блокнота и передала мне, чтобы я пошел вместе с Васькой в гороно, там его определят в детский дом для сирот гражданской войны.

Посмотрела на часы и, вздохнув, стала озабоченно собираться: ей было пора на службу.

— Ах, Вася, Вася! — повторяла она.— Наш человек, и вот...

Мы почувствовали себя очень неловко, что так разволновали Надежду Константиновну судьбой нашего упрямого Васьки.

Надежда Константиновна поехала в Наркомпрос, а Говорящие Письма еще долго носились по Кремлю. Васька сумел даже залезть в дуло Царь-пушки. Ему помогло то, что он был босиком.

33. КАК МЕНЯ ТОПИЛИ И ВЫТАСКИВАЛИ

Неожиданно в будний день появилась мать Кости Котова, одетая непраздничо. Ни роскошной шали с кистями, ни плисовой душегрейки, ни юбок с оборками на ней не было. Вид был строгий и даже несколько торжественный.

— Я в красную чайную поступаю. Открывается такая у Павелецкого вокзала для ломовых извозчиков,— заявила она ребятам.— Когда у меня сын в пионерах, не могу я в торговках состоять. Буду теперь советская служащая.

Костя принял это заявление как должное. А ребят оно очень обрадовало. Девочки облепили Авдотью Карповну и наперебой старались сделать для нее что-нибудь приятное.

Водили в сад, угощали яблоками. Ласкались к ней. И были в совершенном восторге, когда она заявила, что до открытия чайной решила пожить вместе с нами, помочь во всем, особенно в готовке пищи.

Мы немедленно соорудили ей индивидуальный шалаш и сдали на руки все наше кухонное хозяйство. При помощи Авдотьи Карповны мы быстро наладили регулярную кормежку ребят и приготовились в очередное воскресенье покорить родителей четырехразовым питанием и нормальным обедом с первым, вторым и сладким компотом на третье.

Но тут меня вызвали на заседание районо. Оставив лагерь на попечение бывшей базарной торговки и будущей советской служащей, я отправился в Москву.

Ничего хорошего я, конечно, от этого вызова не ожидал, достаточно предупрежденный Павликом, но горькая действительность превзошла мои ожидания.

Заведующий районо прямо начал с моего самовольства. Поставил мне в вину обман вышестоящих организаций. Выведя ребят в Коломенское всего лишь на экскурсию, я создал дикий, никем не разрешенный лагерь.

Не имея никаких на то прав, поставил под угрозу здоровье детей, поселив их в антигигиенических условиях.

Взвалил на плечи детей непосильные работы по самообслуживанию.

Допустил прямую эксплуатацию детей, заставив их трудиться на артель «Красный огородник» и в совхозе.

Развивал дурные инстинкты, посылая ребят выменивать разные предметы на продовольствие.

Подвергал опасности самую жизнь ребят, не организовав достаточной спасательной службы при купании. Недаром был «случай утопления», едва не окончившийся трагически.

Допускал хулиганские выходки, затевая драки с представителями местного населения. Подумать только: однажды избил батрачонка!

Чем дальше говорил заведующий, тем больше я ощущал себя преступником.

Кончил он тем, что все сигналы трудящихся о неблагополучии в диком пионерском лагере, организованном по собственной инициативе вожатым 26-го отряда, подтвердились. Лагерь необходимо немедленно закрыть. А вопрос о поведении вожатого поставить по комсомольской линии.

Затем выступила Вольнова и сказала, что я своей анархической затеей только компрометирую пионерское движение и идею летних оздоровительных лагерей. Что нам не нужно разбрасываться, а организовать только несколько образцово-показательных лагерей по принципу «лучше меньше, да лучше». Таких лагерей, с которых можно было бы брать пример. Пионерам не к лицу играть в юных дикарей!

Она поставила мне в вину случай с делегацией французских коммунистов, перехваченной на пути в опытно-показательный лагерь. Из-за моего своевольства во французской прессе появились фотографии советских детей в дикарских шалашах, у самоваров, за игрой в чехарду. То есть никак не отражающие настоящей пионерской жизни. Развесистая клюква, словом. И все из-за меня!

Потом выступила одна педологическая девица и с научной точки зрения доказала вредность моей затеи с самообслуживанием. Забота о хлебе насущном принижает психологию детей. По сравнению с ребятами из опытно-показательного лагеря Вольновой умственное развитие пионеров самодеятельного лагеря задержано. Они больше думают о низменных вопросах бытия.

Когда мне предоставили слово, я не стал ни в чем оправдываться, а сам перешел в наступление.

— Вы извращаете ленинский тезис «лучше меньше, да лучше». Пока вы создаете ограниченное число опытно-показательных лагерей для немногих, массы пролетарской детворы ждать не могут. Мы хотели показать путь, следуя которому все ребята, а не только избранные смогли бы пожить летом на вольном воздухе, среди природы, не дожидаясь, пока разбогатеет государство и даст всем такие возможности. В порядке самодеятельности можно двинуть в летние лагеря всех городских ребят.

Я воспользовался всем, чем мог. И, конечно, мнением Крупской о том, что приучать ребят с детства к иждивенческим настроениям нехорошо.

Приободренный моей контратакой, Павлик выступил в том духе, что парень я, в общем, хороший и зла не хотел, действовал не из корыстных побуждений, а руководимый самыми добрыми намерениями. И что на этом заседании вопрос идет не о личности вожатого, а о самой идее самодеятельного лагеря. Правомочна ли сама идея — вот в чем вопрос.

Его выступление послужило сигналом к тому, что присутствующие на заседании родители один за другим стали меня хвалить да подхваливать. И слесарь Шариков, и воинственная вагоновожатая, и слаще всех — адвокат, отец толстой Раи. Он представил меня таким благородным юношей, что я стал чувствовать, как у меня почесывается под лопатками: очевидно, начинают прорастать ангельские крылышки.

И вдруг после того, как я был весьма разнежен похвалами, неожиданно краткая и жестокая резолюция:

«Летний лагерь пионерского отряда № 26, как не отвечающий санитарным условиям, закрыть. Пионеров перевести в опытно-показательный лагерь района».

И всё!

34. КАК ОБСУЖДАЛИ ДНЕВНИК РАИ

В расстройстве чувств возвращался я в свой отряд. Почему-то не отставала от меня ни на шаг Вольнова. Совесть, что ли, ее мучила!

Мы ехали вместе в трамвае. Потом пошли вместе пешком.

Она все пыталась заговаривать о том, что выступила она не против меня лично, а против ложных моих взглядов, что она поступила честно и по-товарищески. Что так мы и должны вести себя в жизни: быть принципиальными и не изменять общественному долгу даже ради дружбы.

Я молчал, как гроб.

И это ее смущало больше всего.

Был поздний вечер, но, к моему удивлению, наш шалашный лагерь не спал. Заслышав возбужденный говор, я ускорил шаги, не пригласив за собой Вольнову. Она ушла по дороге в свой опытно-показательный в задумчивости.

Но чем же возбуждены ребята? Что так шумно обсуждают они, на ночь глядя?

— Наш вожатый — кентавр, а?

— Он скиф!

— Ну, знаешь! Это даже всем отрядом придумать невозможно, чего ты одна наплела!

Ничего не поняв из отдельных донесшихся до меня возгласов, я подбежал, никем не замеченный, и увидел в центре ребячьего круга Раю-толстую.

И вскоре все выяснилось. Отряд обсуждал ее дневник, в котором были записаны события нашей жизни в таком странном виде, что даже у меня дух захватило.

Вот отдельные запавшие в память «перлы» Раиного стиля:

«Когда он бежит, едва касаясь земли, загорелый, стройный, мне кажется, что это несется среди луговых цветов юный скифский бог». (Когда же это я так бегал? Ага, по жнивью, высоко поднимал ноги, чтобы не уколоться, а она — по цветам, для красивости изобразила, врушка!)

«И вдруг я увидела: прямо на нас, держа в руках наши развевающиеся одежды, скачет молодой кентавр». (Вот так штука! Значит, когда я, догнав Ваську и отняв у него девичьи платьишки, примчался к ручью на неоседланной кляче, я показался ей чудовищем!)

А дальше мне становилось все горше. Если вначале я лишь немного обиделся, что пионерка могла сравнивать своего вожатого с кентавром, то теперь сердце мое вознегодовало, познав настоящее коварство.

Вы помните, как Рая тонула? И как мы ее спасали и оживляли при помощи искусственного дыхания? Оказывается, все это она разыграла нарочно! Ей захотелось привлечь к себе внимание, выделиться из коллектива ребят. И когда я, как простак, в поте лица оживлял ее при помощи искусственного дыхания, она была в полном сознании, притворщица! Она слушала, что мы говорили, как сокрушались, как ее жалели, и испытывала от того великое удовольствие.

Она даже воды в рот набрала нарочно!

А меня-то прорабатывали за то, что я допустил «случай утопления»!

В разгар чтения Рая вдруг вскочила и попыталась вырвать дневник из рук Шарикова. Ребята кричали:

— Читай дальше! Читай, пусть ей будет стыдно!

— Довольно, хватит чепухи! — крикнул я, вступая в круг читавших.— Слушайте меня! Есть дела поважней, ребята!

35. КАК БЫЛ РАЗРУШЕН КАРФАГЕН

...Прошло несколько дней, и вот я стою на берегу Москвы-реки и смотрю, как догорают последние головешки от наших чудесных шалашей.

Среди пожарища бродит лишь Иван Данилыч, поправляя вырезанной из ивняка, сырой, слегка обуглившейся палочкой костерки, подгребая в них клочья соломы, листьев, всего мусора, что остался еще на месте «дикого лагеря». Ему поручено проследить, чтобы куда-нибудь не перекинулся огонь.

Сквозь дымок, причудливо вьющийся на темном фоне старых деревьев, перед моим взором проходят недавние печальные события.

Проводить решение района в жизнь явились Павлик и — наконец-то! — сам заведующий района Сурожский. Он и предложил сжечь наши славные шалаши, чтобы не оставлять «очаг заразы» и, главное, очаг притяжения для романтических ребят.

К моему удивлению, мои пионеры отнеслись к этому даже весело и сами охотно помогали рушить наши легкие сооружения и пускать по высохшим ивовым прутьям «красного петуха».

После «очищения огнем» отряд наш построился, и под развернутым знаменем, под звуки горна и треск барабана мы вошли на территорию опытно-показательного лагеря не как побежденные, а как равные.

Ведь мы не были бедными родственниками, которых приняли из милости: «на текущем счету» в совхозе у нас еще оставался «капитал», а на старых могучих яблонях дозревала немалая доля сбереженного нами урожая.

Ребята чувствовали себя в некотором роде победителями: ведь они добились главного — права провести лето среди природы, на речке, на свежем воздухе.

Я испытывал некую гордость, сдавая своих буйных «запорожцев» с рук на руки Вольновой. Хотела она или не хотела, а пришлось ей признать право на жизнь и этого «дикого отряда», состоящего из самых разных ребят городской бедноты, а не из одних ее избранников!

Отряд вошел в общий пионерский лагерь спаянным, дружным, закаленным.

Правда, без своего вожатого...

Долго я стоял с заспинным мешком за плечами и все не мог оторвать глаз от догорающего лагеря. Почему чувство какой-то щемящей грусти владело мной?

Ведь я, по существу, сделал свое дело, выполнил все, что хотел. И теперь я свободная птица и оставшийся кусочек летних каникул могу провести, как и мечтал, у себя на родине!

Признаться, у меня не осталось денег на дорогу. В кармане какая-то мелочь. Три червонца, что были на сохранении у Кожевникова, мне пришлось отдать Мириманову за книжки. Мы успешно распространили их, но... на такую хрупкую валюту, от которой осталась только скорлупа... Впрочем, это не очень огорчало меня, а вызывало улыбку. До

дому решил я доехать простым мальчишеским способом: сесть в лодку да и поплыть. Прокормиться на такой реке, как наша красавица Ока, до которой по Москве-реке вниз по течению я доберусь быстро, ничего не стоит.

В предвкушении всех будущих встреч и приключений я уже улыбался, поглядывая на дотлевающие угольки горьковато пахнувшего пожарища.

Хлопотливый Иван Данилыч затаптывал подошвами валенок, смоченными в ручье, последние опасные очажки огня и говорил мне:

— Плыви, бери лодку и плыви. Отдам я тебе свое заветное весло... Чего же, пользуйся, милый, мне оно уже ни к чему... Пускай у тебя будет, как память. Доброе весло, из дубовой доски тесанное, стеклом шлифованное, моими руками полированное... Крепко, как кость, гибко, как сталь, легко, как перышко...

Он был единственным посвященным в мой план и содействовал по мере сил. Лодка, законопаченная, просмоленная паклей, его же подарок, уже покачивалась у берега в камышах.

Я ждал его весла и сумерек, чтобы отправиться вниз по реке. Мне не хотелось засветло проплывать мимо опытно-показательного, чтобы не тревожить ребят, не волновать собственного сердца.

Со всеми я мысленно попрощался. И, казалось мне, никого не жалел. Все отлично устроились и проживут без меня. И Катя-беленькая, и Маргарита, бывшая Матрена, и несгибаемый Костя, и самоуверенный Шариков, и фантазер Франтик, и даже Игорек — за него теперь нечего бояться.

Проживет и Софья Вольнова. Она теперь может быть довольна: «Карфаген» наконец разрушен, и ее друг-враг не будет мешать плановой работе.

Грустью веяло на меня от сознания того, что я прощаюсь сейчас с чем-то необыкновенным и неповторимым в моей жизни, чего уже не вернуть никогда.

— Ну, что ж, пойдем! — сказал Иван Данилыч, дотрагиваясь до меня рукой, вкусно пахнущей ивовым дымком.— Пойдем уж, отдам я тебе весло... Заветная вещь, понимай!

И мы пошли, оставив теплый после пожарища берег, в его избу, такую же кособокую и старую, как он сам.

Там я получил драгоценное весло, полкраюшки хлеба домашней выпечки, соль в холщовом мешочке и коробок спичек в берестяной коробочке, облитой изнутри воском, чтоб у рыбака и у охотника ни в каких случаях не подмокли.

36. КАК ПРИЯТНО ПРАВИТЬ КОРМОВЫМ ВЕСЛОМ!

И вот началось путешествие вниз по реке на рыбацком челне.

Что может быть прекрасней, чем плыть на этом волшебном, выдолбленном из старой ветлы кораблике по живым, чутким струям реки! Чуть шевельнешь веслом — челнок уже слушается, как рыба пера.

Сидишь на корме, слегка только правишь и чувствуешь, как тугие струи несут тебя, чуть покачивая, баюкая тихим говором, мимо гибких ивовых кустов, которые могут и хлестнуть, но не больно, шутливо. Мимо песчаных кос, золотых, как девичьи. Мимо темных обрывов. Мимо красных и черных лесов, подступающих к берегу. Мимо сел и деревень, мерцающих в мареве на холмах за поймой или вдруг возвышающихся на крутизне, опрокинувшись в зеркало вод золотыми и синими куполами церквей.

Можно так плыть без конца. Утром — наслаждаясь тишиной и свежестью рассвета. В полдень — впитывая всю щедрость солнца. Вечером — любуясь необыкновенными красками заката. Ночью — по лунным дорожкам, гася веслом звезды, очутившиеся в синей воде, под кормой.

Так безмятежно поплыл я, оттолкнувшись от берега реки Москвы под Коломенским, вниз по течению. Позади сверкал огнями шумный город. Впереди сгущалась ночная тьма.

Наедине с собой, при внимательной тишине окружившей мою лодку первозданной природы я пытался «одуматься», понять, что со мной произошло, что было хорошего и дурного во всей истории с самодеятельным лагерем. Мне казалось, что я был на правильном пути, но чего-то недодумал, недоделал, допустил какой-то просчет.

Затосковало вдруг сердце по ребятам.

Как-то они теперь? Как им спится в классах сельской школы после спанья в шалашах? Как-то им живется при новом распорядке дня, с неумолимой четкостью проводимом Вольновой? Как они чувствуют себя под ее мудрым и строгим руководством?

Такие они все разные,— трудновато им будет отказаться от собственных фантазий и подчиниться ее распорядку жизни.

А может быть, и ничего. Так все и нужно. Может быть, будущее требует не фантазеров и неугомонов, а послушных исполнителей единой воли?

Этого вопроса решить я не мог. Но думал, думал, рассуждал.

И вот настал какой-то момент, и мне захотелось поделиться своими мыслями с другими. И до нестерпимой остроты захотелось сейчас же, немедленно очутиться на комсомольском собрании, оформить свои мысли речью. Добиться истины в споре. Моя комсомольская натура вдруг взбунтовалась...

Я даже притормозил ход лодки веслом.

А может быть, я это сделал потому, что меня окликнули? Потихоньку, негромко, но таким знакомым голосом, что я сразу услышал и узнал его.

— Вожатый! Вожатый! — позвал меня Игорек.

Вздрогнув, как от удара током, сдерживая дыхание, ощущая, как сладко и больно забилось сердце, я сразу направил лодку к берегу. Нос ее мягко вполз на прибрежные камыши.

— Это мы,— сказал Игорек.— Я и Франтик... Нас послали ребята. Они решили убежать с тобой на Оку!.. Если ты нас примешь, подадим знак и... и все в порядке.

Услышав такое, я сильней поддал нос лодки вперед и выпрыгнул на берег.

37. КАК ГОТОВИЛОСЬ БЕГСТВО ПЛЕННЫХ

И вот мы стоим на берегу и шепчемся, как заговорщики. Игорек крепко держит меня за палец, словно боится упустить. Франтик держится за весло, на которое я опираюсь.

— Не можем мы так жить, понимаешь, вожатый! — шепчет Игорек.— Она с нами, как с маленькими.

— Встать, сесть, вольно, шагом марш, делай то, делай это, пой песню, молчи! — все по заказу. Совсем неинтересно,— шепчет Франтик.

— А почему вы шепотом? Разве забыли наше

постановление: долой шепоты, пионер всегда все говорит всем своим товарищам открыто!

— Э-э... Нет, мы теперь затаились!

— Нас теперь все время подслушивают! У нее есть специальные такие девчонки-наушницы!

Мне не поверилось.

— Чепуху вы говорите. Скучно вам, вот и придумываете, для таинственности.

— Мы уже запасли хлеба, соли, сухарей...

— И много вас?

— Все!

— Куда же я вас возьму в такую маленькую лодку? Она ведь на двоих, в крайности втроем можно...

— А мы свяжем плот... Мы уже разведали: немного дальше лежат на берегу бревна... много бревен... Мы уже заготовили веревки... И потом, ты же сам говорил, можно связать ивовыми прутьями.

— А на плоту построим шалаши.

— Вот будет здорово — плавучий лагерь!

— Нет, нет, плыву я к себе домой, мне с вами возиться некогда... А главное, не́ могу я вам позволить нарушить пионерское слово, бросить недокарауленный сад, оставить на разграбление яблоки.

— Так мы уже бросили!

— Она велела снять караулы. Теперь там обыкновенные сторожа, с ружьями. Нам терять нечего, ничто нас теперь не держит... Все равно убежим!

Вот так раз!

— Да что вы, маленькие, что ли, бегать потихоньку? Вы же пионеры. Можете все делать, не таясь, открыто.

— Ну да, попробуй-ка. Нас стража сторожит, с ружьями. На ночь калитка в лагерь запирается. Живем, как пленные.

— А все-таки убежим. У нас уже все продумано.

Дело принимало дурной оборот.

Попросив разведчиков передать ребятам, что смогу взять их в путешествие только открыто, почестному, под знаменем, с горном и барабаном, я дал слово, что не уплыву один.

Игорек и Франтик исчезли, словно тени, а я, переждав немного, так же по-пластунски, минуя сторожей, направился к палатке Вольновой.

Сквозь дверцы ее палатки пробивался свет. Доносились негромкие голоса. Я поборол искушение подслушать и, приподняв полотнище, сказал:

— Разрешите?

При моем появлении девчонки, сидевшие за столом напротив Вольновой, сразу смолкли, и по их смущению я понял, что это наушницы. А по лицу Софьи сразу догадался, что вести, сообщенные ими, так ее взбудоражили, что она готова вцепиться мне в волосы.

— Вот неожиданность! — зло проговорила она сквозь зубы.

Я сделал ей знак удалить наушниц. Она приказала им одним взглядом, и девчонки улетучились.

— Соня, — сказал я без обиняков, — мои ребята собрались от тебя убежать вместе со мной на Оку. Ты знаешь об этом?

Она кивнула, невольно смутившись.

И вот мы стоим на берегу и шепчемся, как заговорщики...

— Ну да, тебе только что доложили... Не знал и не ожидал, признаться, что от твоих мечтаний об организационной четкости пионерских рядов ты дойдешь до слежки за пионерами, до организации юных педелей...

Я не успел окончить фразу — Вольнову подхватило, словно вихрем. Она вскочила и забегала по палатке. И, едва справляясь со слезами ярости, произносила только одну фразу:

— За что они меня не любят?! За что? За что?

— Насильно мил не будешь! — сказал я. А когда она немного успокоилась, взял за руку и усадил на койку.

— Ну, давай поговорим по-хорошему, как товарищи, не задираясь. Я уплываю к себе на родину, вернусь не скоро, может быть, никогда и не увидимся. Делить нам нечего, соперничать не надо...

— Не надо, — отозвалась она примирительно.

Это расположило к откровенности.

— Тебя никто не полюбит, Соня, если ты будешь такой беспощадной к людям... начальницей.

— Ну-ну, — улыбнулась она сквозь слезы, — значит, ребята не могут полюбить вожатого потому, что он для них начальство?

— Да! Ребята полюбят вожатого только тогда, когда он станет для них товарищем, а не начальством.

— Я понимаю... Но это общие слова... А вот практика... Это так трудно — быть вожатым! Ведь у нас даже нет образчика, с кого брать пример!

— Соня, а есть ведь пример.

— Какой?

— Был в партии большевиков вожатый, которого все любили как товарища, старшего товарища... Он никогда не был начальством... Даже став у власти над целым государством!

Вольнова поняла и, крепко пожав мою руку, задумалась.

Так мы сидели какое-то время молча, держась за руки, при тусклом свете крошечной лампочки от аккумулятора, что тлела все слабей, как затухающий уголек.

И странно: впервые мы не спорили. Наши мысли словно общались без слов. Я думал, что она в общем-то неплохая дивчина, хочет добра, но во мно-

том заблуждается. И нельзя мне ее сейчас оставить одну... Она думала о том, что в общем-то я неплохой хлопец, что без меня ей очень бы не хотелось остаться...

И эти невысказанные мысли каким-то образом рождали настроение дружбы. Нам не хотелось ни говорить, ни расставаться. Вот так мы и сидели в хорошем, добром раздумье.

И вдруг стены палатки заколебались. Снаружи кто-то оступился и чуть не упал.

Мы вскочили, бросились к выходу и успели разглядеть двух удиравших девчонок.

Это ее наушницы подслушивали наш разговор!

От стыда Вольнова закрыла лицо ладонями и бросилась назад в палатку.

В это время раздалась визгливая трель горна, играющего тревогу.

38. КАК ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧУВСТВО ДРУЖБЫ

Горн срывался, надрывался, кричал, звал с таким отчаянием, что ребята выскакивали из окон школы, выбивая противокомарные проволочные сетки вместе с рамами. Полуголые, в одних трусах, кто надевая на ходу майки, кто повязывая галстуки. Одни пионеры строились на линейке. Другие суматошно метались по лагерю.

Не выдержало сердце вожатого, и, бросившись к мачте, я крикнул:

— Ко мне!

Вскоре все пионеры, дрожа, подпрыгивая, колебля ряды, стояли строем на линейке.

— Что случилось, кто поднял тревогу?

— Грабят сад! Кулачье... С мешками... С подводами! Связали сторожей! — прокричали наперебой Шариков и Костя.

Оказывается, они накануне бегства из лагеря отправились в сад запастись яблоками на дорогу и обнаружили ночной грабеж.

Вольнова, увлеченная общим азартом, без рассуждений бросилась вперед, размахивая электрическим фонариком.

Вначале мы мчались что есть духу до самого сада, затем построились. Затрубили в горны, забили в барабаны и пошли в обхват: один отряд слева, другой справа.

Я и сейчас не знаю, что мы хотели делать, как сражаться с грабителями, но мы так шумели, что враг, не приняв боя, обратился в бегство. Мимо нас проносились, грохоча в темноте, рассыпая яблоки, роняя целые мешки, деревенские телеги. Пешие мужики и парни удирали прямиком, через кусты и овражки.

Вскоре подняли пальбу развязанные и освобожденные нами сторожа.

Из совхоза примчался верхом директор, за ним рабочие.

Победа была полная. С нашей стороны потерь никаких, несколько поцарапанных, наткнувшихся на сучья и на колючие кустарники, и все. А паникующий враг оставил на поле битвы несколько картузов, шапок, много мешков — и пустых и с яблоками. Был найден потерянный кем-то сапог с левой ноги. И даже захвачен пленный — почтенного возраста мужчина в городском одеянии, некий дачник, принявший участие в яблочном походе своих хозяев — кулаков Зелениных.

Не зная местности, он во время бегства сиганул в овраг и увяз на дне его в тине.

Обескураженный вид этого дачника вызвал такой хохот, что ребята катались по земле, хватаясь за животики.

Во всей этой суматохе несколько раз я видел рядом Вольнову. Она гонялась за яблочными налетчиками, отнимала у них мешки, с кого-то сбила шапку. А теперь хохотала с таким искренним бездумным удовольствием, что вместе с ребятами валилась на груды яблок.

Очевидно, впервые она не руководила, а действовала вместе со всеми, поддавшись общему стремлению, и получила удовольствие от победы, равное со всеми.

Какой-то садовый грабитель, которого она пыталась задержать, отдавил ей сапогами пальцы на ногах, содрав кожу. Но, не чувствуя боли, она хвалилась пучком волос, вырванных из его бороды.

Наши ребята, опытные в лечении царапин и ссадин — а именно Игорек и Франтик! — вымыли ее ноги чистой родниковой водой и смазали принесенным из совхозной аптечки йодом.

А когда мы возвращались на рассвете и Вольнова принуждена была снять сандалии — так распухли пальцы,— ребята, заметив, что босиком с непривычки она идти не может, тут же вырезали из толстых ивовых прутьев носилки, усадили и по очереди несли ее, как в паланкине.

— Им тяжело... Я не могу этого позволить... Они надорвутся... Ну, мне просто неловко...— говорила она шепотом.

А я, шествуя рядом, наклонялся и шептал ей:

— Ничего, ничего... Позволь им полюбить тебя, Соня!

Я тащил на плече трофейный мешок яблок и думал о том, что теперь, пожалуй, мне можно и смыться, уплыть потихоньку. Ребята не бросят отбитого у врагов сада... Они не оставят свою вожатую, которая вместе с ними сражалась до самозабвения, была ранена и принесена в лагерь на собственных руках, в поте лица.

Мы любим тех, с кем вместе пережили радость и горе, кому оказали помощь, о ком заботились.

Нет, теперь ребята не убегут, как пленные! Они снова почувствовали себя хозяевами.

* * *

...Уплыл я средь бела дня, когда все ребята после ночного сражения спали крепким сном. Я оставил им прощальное письмо, выжженное лупой. Никто не провожал меня. Одна только Вольнова.

Она шла, опираясь на заветное весло, подаренное мне Данилычем.

А я учил ее, как нужно ходить босиком по мягкой пыльной дороге, по колючему жнивью, по влажной отаве.

Ей трудно было идти: у нее были слишком изнеженные ступни горожанки. А обувь она все еще не могла надеть. Но ей очень хотелось посмотреть, как я сяду в челнок и поплыву. Это так забавно! Современный человек в доисторическом челноке!

Так мы и вышли на берег Москвы-реки.

И оба оглянулись.

Полдень. Зной. И нигде никого, ни живой души. Только ласточки-бережанки неугомонны. С любопытством облетая нас, так и щебечут в уши. Я вспомнил наушниц и улыбнулся. Соня, словно догадавшись, сказала:

— Никого! Спят вместе со всеми... противные девчонки!

Что она мне сказала на прощание и что я ей ответил — это так и осталось неизвестным. Ведь нас никто не подслушивал.

Твой уголок дома

Вы, ребята, наверное, уже успели рассмотреть рисунки на последней странице обложки.

Нам хочется, чтобы вы подумали о том, как устроить такой уголок у себя дома.

Если даже у вас совсем небольшая квартира, родители всегда постараются выделить уголок для занятий. А от вас зависит сделать свое рабочее место красивым, удобным, уютным.

Лучше всего, если вам отведут место возле окна, и так, чтобы свет и днем и вечером падал на рабочий стол с левой стороны.

Секретер занимает меньше места, чем любой письменный стол, а работать за ним очень удобно. Здесь же, на полках, разместятся ваша библиотечка, инструменты, игры... Все будет на месте, все под рукой.

Подумайте о том, как украсить свой уголок.

На нашем рисунке уголок выглядит ярко, нарядно. Но присмотритесь внимательно, что окрашено в яркий, а что в мягкий, спокойный тон. Яркий коврик, обивка на сиденье стула, верхние плоскости полок, то есть те предметы, которые не видны вам, когда вы сидите и работаете. Здесь яркий цвет не утомляет глаза. А вот крышка рабочего столика темная и матовая, потому, что блестящая поверхность отражает свет, отвлекает от работы.

Лампочка прикрыта изящным абажуром. Это не только для украшения, но и для того, чтобы защитить глаза от резкого света.

На полке, рядом с книгами, красиво выглядят яркая вазочка для ручек и карандашей, модель, которую вы сделали своими руками, или старая любимая игрушка. На стенку можно повесить свой лучший рисунок в простой скромной окантовке, портрет любимого писателя или хорошую репродукцию.

Вы, наверное, обратили внимание на необычную форму коврика на одном из рисунков. Словно зеленая лужайка забралась в комнату! Сделать такой маленький лохматый коврик из пестрых лоскутков можно самим.

Мы предлагаем вам несколько схем оборудования уголка. Это, конечно, далеко не все возможные варианты. Многое будет зависеть от вас, от ваших домашних условий, от материала, которым вы располагаете, от вашего вкуса, изобретательности.

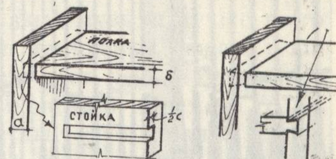
Чтобы сделать такую полку-секретер, как на верхнем цветном рисунке, нужно пять сухих досок толщиной 25 миллиметров. Две доски для стоек 1 500—1 700 миллиметров длиной и шириной в основании 400 миллиметров, а вверху — 200 миллиметров; три доски для полок 1 000—1 200 миллиметров. Крышку стола можно сделать из толстой фанеры. Полки врезаются в боковые стойки и ставятся на клей.

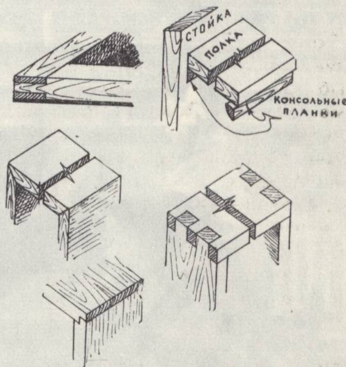
Другой секретер на цветном рисунке состоит из трех отдельных, совершенно одинаковых по размеру секций, которые можно установить в разных комбинациях.

Простая прямоугольная перевязка узлов позволяет сделать такую мебель своими руками. Посмотрите на чертежах различные варианты узлов и применяйте те, которые покажутся вам проще, лучше подойдут для вашего материала.

На рисунке на этой странице вы видите, как сделать секретер и полки для книг из проволочных лесенок, связанных в жесткий каркас, и нескольких отполированных досок. Полки можно свободно перемещать ниже и выше.

Если вы сможете найти тонкие алюминиевые или металлические

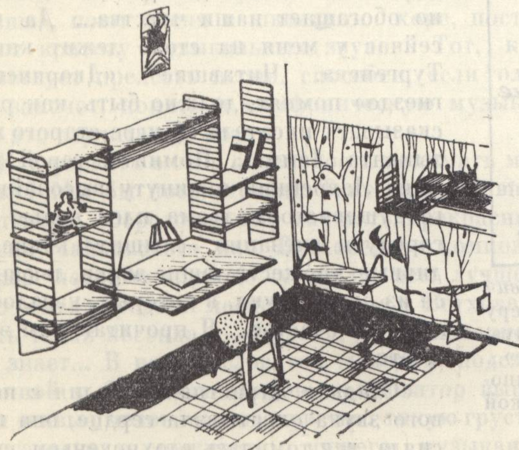

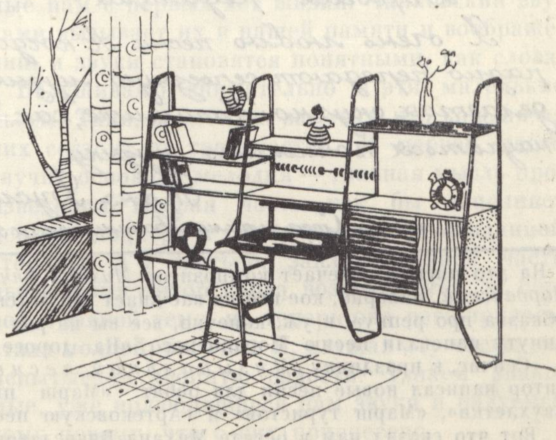
Разные виды перевязки узлов.

трубы, несложно сделать другой тип секретера, такой, как на рисунке здесь, внизу, справа.

Хочется посоветовать вам еще только одно: какой бы вариант вы ни выбрали для своего уголка, постарайтесь, чтобы все детали были тщательно отделаны, хорошо подогнаны. Если браться за работу, так уж делать ее с любовью!

А. Аркадьев, В. Страшнов

Мне очень хочется помочь Тане Буслаевой полюбить музыку. Тем более, что Таня — не единственная, есть еще немало людей — не только ребят, а и вполне взрослых! — которые, как только услышат по радио звуки сонаты или симфонии, так тотчас же переключают приемник на другую волну. Им тоже скучно, только они не признаются в этом так откровенно, как Таня, и не просят совета...

Жаль мне этих людей. Представьте себе, что рядом с вашим городом — ну, скажем, рядом со Стерлитамаком, где живет Таня,—есть другой город несказанной красоты. В его садах растут удивительные цветы, здания в нем грандиозные и в то же время стройные, легкие, уходящие в небо, а вокруг влекущий простор... Входя в этот город, испытываешь необыкновенное счастье, окрыляющую радость, даже печаль здесь такая, что человек становится от нее только крепче, собранней... Здесь совершаются волшебные превращения: усталый забывает о своей усталости, неуверенный обретает решимость и силу, а сильному еще больше хочется жить и работать... И вот некоторые проходят мимо этого города, даже не заглянув в него.

Я говорю о чудесном мире музыки. Величайшей из радостей лишает себя тот, кто даже и не пытается проникнуть в этот мир. Этот человек обкра-

ЧТО ГОВОРИТ

Дорогая редакция!
Я очень люблю песни. А когда по радио передают серьезную музыку, мне делается скучно. Напишите, как мне научиться понимать музыку.
Таня Буслаева
город Стерлитамак, Башкирская АССР

На это письмо отвечает композитор *Михаил Вячеславович Иорданский*. Наверно, кое-кто из вас знает его детскую оперу «Сказка про репку», и уж, конечно, все вы не раз в веселую минуту напевали песню Иорданского «На дороге чибис»...

Сейчас, к празднику *«Музыкальной весны»*, композитор написал новые песни для ребят: «Марш пионерской двухлетки», «Марш туристов» и «Артековскую песню».

Вот что сказал нам в беседе Михаил Вячеславович.

дывает сам себя: ведь музыка бесконечно обогащает наши чувства... Да вот сейчас у меня на столе лежит книга Тургенева. Читавшие «Дворянское гнездо» помнят, должно быть, как рассказывает писатель об игре старого музыканта Лемма... Помните, герой романа Лаврецкий в минуту высочайшего душевного подъема идет ночью по городу и внезапно слышит какие-то дивные, торжествующие звуки, льющиеся из окна, звуки, в которых, казалось, поет его счастье... Я прочитаю вам это место:

«Сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце, она вся сияла, вся томилась вдохновеньем, сча-

стьем, красотою, она росла и таяла, она касалась всего, что есть на земле дорогого... Эти звуки так и впивались в душу...»

Тургенев тонко понимал музыку. Глубоко и остро чувствовал власть музыки Лев Толстой. Могучая сила бетховенских сонат вдохновляла на работу и борьбу Владимира Ильича Ленина.

А весь наш народ?! Жизнь народа неотделима от музыки. В песнях он всегда выражал свое горе и радость.

«Но ведь и я тоже люблю песни,— напомнит мне Таня.— Я не понимаю только симфонической, «бессловесной» музыки. А песня — это другое дело...»

Да, конечно, песня понятней хотя бы потому, что в ней есть слова. Но песня — совсем не «другое дело», как полагает Таня, это все то же прекрасное дело музыки. Больше того: песня — исток всякой музыки. Ребята, которые

НАМ МУЗЫКА

сейчас, во время праздника «Музыкальной весны», поют песни в школьном хоре, постигают красоту музыкальных звуков. Тот, кто чувствует прелесть песни, способен, если только захочет, понять и симфоническую музыку. Но это случится не сразу.

Как развить в себе способность понимать музыку? Мы бы посоветовали Тане вначале внимательно, сосредоточенно слушать прекрасные песни Чайковского или Бетховена — композиторов, которые глубоко усвоили все лучшее, что есть в народной песне. Скажем, у Бетховена есть такая песенка — «Сурок», Таня, наверное, ее знает... В незамысловатой мелодии, подслушанной у бродячих певцов, композитор выразил живые человеческие чувства: тихую грусть, трогательную нежность нищего музыканта к маленькому зверьку, разделяющему его одинокую и трудную жизнь... Если Таня послушает эту песню не раз и не два, она, наверно, сама заметит, что ей доставляют наслаждение не только слова, но и музыкальное сопровождение песни, что она с нетерпением ждет его, когда все слова уже допеты...

А ведь это и есть музыка в чистом ее виде, музыка, говорящая на своем, присущем ей одной языке.

Учиться понимать язык музыки лучше всего на замечательных, но несложных вещах, в которых сразу ясно, о чем идет речь. Слушая фортепьянные пьесы Чайковского «Времена года», Таня сразу же представит себе светлый весенний денек с горячими солнечными лучами и веселой капелью, или же задумчивую осень — рябь на реке, шуршащие под ногами листья,— или же бодрость и удаль морозной зимы... Все это — картинки нашей родной природы, знакомые нам с первых лет жизни. Чайковский звуками вызывает их в нашей памяти и воображении, и звуки становятся понятными, как слова.

Вслушиваясь внимательно в эти маленькие пьесы, Таня, возможно, заметит, что каждая из них состоит из трех частей. В первой части звучит основная мелодия — главная мысль произведения. Вторая часть как бы дополняет первую, подходя к теме с другой, неожиданной стороны. А в третьей, заключительной части пьесы композитор снова возвращается к первой, главной теме, но теперь она расширилась, стала полней, богаче... И, слушая эту часть, мы испытываем двойную радость: узнаем знакомые, уже полюбившиеся нам звуки и радуемся тому новому, что в них привнесено.

Такая «трехчастная» форма очень распространена в музыке.

Надо ли обыкновенному слушателю, не музыканту, иметь представление о формах музыкального произведения? По-моему, надо: эти сведения помогают нам лучше понять язык музыки. Обязательно ли знать ноты? Нет, конечно, не обязательно. Но человек, знающий, как звучит каждая нота, безусловно, разберется в музыке гораздо тоньше.

Если в школе, где учится Таня, есть какой-нибудь музыкальный или хоровой кружок, я от души советую ей вступить в него. Я сам в детстве полюбил музыку благодаря тому, что пел в хоре. Что же касается нотной грамоты, то скажу по своему педагогическому опыту: овладевать ею надо в детстве или хотя бы в ранней юности. Взрослому она дается трудно.

Я очень благодарен моим родным, научившим меня нотам, когда мне было всего четыре года. В детстве эта премудрость усваивается легко, и я, например, в одиннадцать лет уже аккомпанировал артистам, исполнявшим оперу Глинки «Иван Сусанин».

Но вернемся к Тане... Допустим, что она стала «понимать» и слушать с удовольствием простые фортепьянные пьесы. Может ли она сразу же после этого с пониманием слушать симфоническую музыку?

Думается, что еще нет. Прежде ей следует привыкнуть к оперной музыке, причем советую ей слушать вначале только отрывки из опер, отдельные арии. Особенно те арии, которые связаны с песенностью, например, арию Антониды из «Ивана Сусанина» или арию Снегурочки из оперы Римского-Корсакова.

Наиболее понятна и доходчива для «начинающего» слушателя и балетная музыка. Гениальные балеты Чайковского «Спящая красавица», «Лебединое озеро» зримы даже тогда, когда их не видишь на сцене, а только слушаешь,— они будят в воображении знакомые сказочные образы и неприметно вводят в волшебный мир музыки самого неискушенного слушателя. А такие увертюры, то есть музыкальные предисловия, к операм, как увертюра к опере «Кармен» Бизе, убеждают, что музыка иногда может поспорить с живописью. Ведь, слушая эту пламенную увертюру, так и представляешь себе арену, залитую солнцем, взволнованную, праздничную толпу, красный плащ, который приводит в ярость быка, блеск шпаги тореадора...

Да, музыка может нарисовать любую картину... Но все же главная область ее, где она не имеет соперниц, это, как мы уже говорили, область человеческих чувств... Столько раз поэты жаловались на то, что слово не в силах передать чувства во всей их полноте!.. «Ни в сказке сказать, ни пером описать»,— говорит народ. Вот там, где «не опишешь пером», приходит на помощь непосредственный, богатейший язык музыки — звуки.

Радость, печаль, колебания, гнев, мощный прилив душевных сил — все это может выразить музыка, особенно великолепная, многозвучная музыка симфонического оркестра. Думаю, что даже и сейчас, слушая симфоническое музыкальное произведение, Таня сумеет сказать, грустное оно или бодрое, бравурное. А когда она понемногу приучит свой слух и внимание к языку музыки, она разберется и в оттенках. И, слушая симфонию много раз, она постоянно будет находить в ней что-то новое. Ведь гениальное музыкальное произведение можно с наслаждением слушать несчетное число раз. Вот почему меня так насмешил один мальчик, сказавший, что ему неинтересно слушать «Патетическую сонату» Бетховена, потому что «он ее уже слышал».

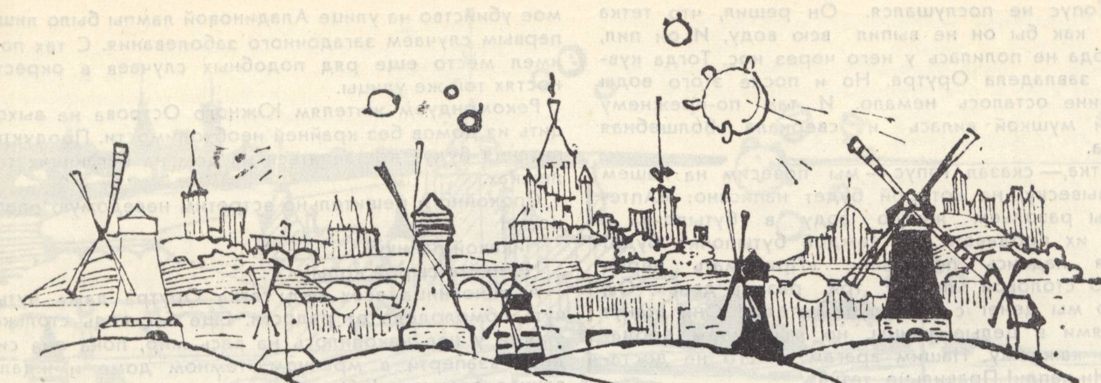
Какие замечательные открытия и встречи предстоят тому, кто вступит в сияющий мир музыки! Чайковский и Римский-Корсаков, Моцарт и Бетховен, Шопен, Гайдн... Творения этих гениев теперь благодаря радио и пластинкам доступны каждому, дело только за самим человеком!

А современная музыка, музыка, выражающая мысли и чувства нашей эпохи!.. Существует предубеждение, что музыку такого замечательного композитора, как Сергей Прокофьев, «невозможно понять». Действительно, ранние произведения Прокофьева несколько трудны. Но, как это часто бывает с большими художниками, с годами Прокофьев стал писать зрелее, сдержанней, а значит, и проще. И в таком замечательном произведении Прокофьева, как сказка для симфонического оркестра «Петя и волк», разберется каждый школьник.

А Шостакович? Разве Тане и ее сверстникам не понравятся его «Песня о встречном», «Песня о мире» или «Пионеры сажают леса» из оратории «Песнь о лесах»?

Каждое подлинно художественное музыкальное произведение так или иначе связано с музыкой народа и потому, в конечном счете, понятно. Дело только в подготовке слушателя. А это уж зависит от него самого. Каждый человек может развить в себе способность понимать музыку, постепенно переходя от простого к более сложному. Конечно, для этого требуется некоторая работа над собой. Но мы советуем Тане и всем ее сверстникам не бояться такой работы,— она окупится сторицей!

Записала Ю. Новикова.

МАКСИМ В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Юрий САМСОНОВ

Рисунки В. Алфеевского.

глава шестая
ИСТОРИЯ О ВОЛШЕБНОЙ ИСКОРКЕ

Не так далеко и не так близко отсюда, на синем озере, на трех зеленых островах, стоит Город удивительных чудес.

Давным-давно, в незапамятные времена, жили в этом городе мальчишка по имени Топус и его тетка Орутра. Это был совсем обыкновенный мальчишка, и тетка тоже была вполне обыкновенная. Только уж очень она любила посплетничать. А если у нее не было в запасе никаких новостей, она их просто выдумывала. Это ей нравилось.

Но однажды она рассердилась на своих соседей и выдумала про них такую гадость, что все в городе перестали с ней разговаривать и даже здороваться. Тогда тетка Орутра обиделась на весь город. Топус тоже обиделся. Он считал, что его тетка — очень хороший человек.

— Ладно,— сказал он.— Я им всем покажу!

Но что он мог такое особенное показать? Он ловил соседских собак и поджигал им хвосты. Он протягивал поперек улицы веревку, чтобы прохожие спотыкались и падали. Он влезал на крыши соседних домов и затыкал дымовые трубы просмоленным тряпьем. А потом сваливал все на кого-нибудь из соседских мальчишек, и тому здорово влетало ни за что. А Топус веселился. Все сходило ему с рук, пока его однажды не поймали, когда он пытался повесить соседскую кошку. Тут ему досталось за все разом. И никто из ребят больше не хотел с ним водиться. Не стоило выходить на улицу: к нему или поворачивались спиной, или принимались дразнить, и неизвестно, что было хуже. Оставалось одно: сидеть в угрюмом, темном доме со злой теткой и пускать мыльные пузыри.

Топус пускал пузыри и скучал. Тетка тоже скучала и становилась злее день ото дня.

— Ничего,— скрипела она, глядя в темный угол,— будет еще на нашей улице праздник!..

Это она просто себя утешала. Потому что знала в точности, что никакого праздника не будет. Ну чем она, старая и злющая, может насолить целому городу? Ведь ничем. А уж так насолила бы, если б могла!

Но тетке вдруг нечаянно повезло. И принес ей удачу не кто-нибудь, а ее племянник Топус. И даже не Топус, а его мыльные пузыри.

Эти пузыри у него обыкновенно получались тяжелые, серые. Слишком мало света было в доме. Пузыри не хотели подпрыгивать и летать. Они лениво опускались на пол и лопались, оставляя мокрые пятна.

Но однажды Топус выдул удачный пузырь — легкий, блестящий, переливчатый, как радуга. Потому что как раз в эту минуту солнечный луч вошел в запыленное оконце и коснулся пузыря. Пузырь сорвался со стеклянной трубки, подпрыгнул к потолку, пролетел через комнату и с тихим звоном ударился об пол. Он не лопнул! И когда Топус схватил его, он увидел, что это не пузырь, а прозрачный шар из тонкого стекла. В середине шара плясала сверкающая огненная пушинка.

— Тетка! — закричал Топус.— Тетка! Иди сюда!

Прибежала тетка. Она жадно схватила прозрачный шар, рассматривая огненную пушинку.

— Это Волшебная искорка,— сказала она.— Только раз в сто лет она попадает в человеческие руки! Ты знаешь, что с этой искоркой можно добыть даже живую воду?

— Хочу живой воды! — сказал Топус.

— Будет живая вода,— сказала тетка.

Она разбила шар, поймала огненную пушинку и бросила ее в кувшин с кипяченой водой. Пушинка заскользила по поверхности все быстрее, быстрее, чертя огненные круги. Над кувшином поплыл легкий парок.

— Живая вода готова! — сказала тетка.— Пей — и станешь бессмертным! Только не слишком много,— добавила она.— Иначе ты больше не будешь расти и навсегда останешься таким вот мальчишкой!

Но Топус не послушался. Он решил, что тетка боится, как бы он не выпил всю воду. И он пил, пока вода не полилась у него через нос. Тогда кувшином завладела Орутра. Но и после этого воды в кувшине осталось немало. И там по-прежнему золотой мушкой вилась и сверкала Волшебная искорка.

— Тетка,— сказал Топус,— мы повесим на нашем доме вывеску, на которой будет написано: «Аптека». Мы разольем живую воду в бутылочки и начнем их продавать. На каждой бутылочке будет длинная надпись по-латыни: «Принимать перед едой по столовой ложке три раза в день». Ох, сколько мы денег с них слупим, тетка! Они станут очередями в целые улицы, но мы будем продавать не каждому. Нашим врагам ничего не достанется. Ни капли! Правильно, тетка?

— Ты дурак,— сказала тетка.— Ты хочешь, чтобы еще кто-нибудь стал бессмертным? Нет? Я тоже не хочу. Я скажу тебе, что нам надо. Нам не нужна живая вода. Нам нужна мертвая вода.

— Кто будет покупать мертвую воду? — сказал удивленный Топус.

— Никто,— сказала тетка.— И не надо. Мы и так завладеем всем городом.

Она выловила золотую мушку из кувшина, бросила ее в большую бочку, наполненную водой. И сказала:

— От искорки бывает живая вода, а от ее пепла — мертвая. Пусть искорка погаснет!

И погасла огненная пушинка, нечаянный подарок солнечного луча, в большой бочке, от которой пахло плесенью и огуречным рассолом. Так в Городе удивительных чудес появилась бочка мертвой воды. И вот что из этого получилось.

Уже через день все газеты города вышли с такими заголовками:

«Среди бела дня...»

«Ужасное преступление...»

«Убийство на улице Аладиновой лампы...»

«Преступники скрылись».

Никто не знал, что виновницей загадочного преступления была тетка Орутра. Накануне в полдень она шла по малолюдной улице Аладиновой лампы. Ей встретился только один прохожий. Он не захотел поздороваться. Тетка глянула по сторонам. Поблизости никого не было. И тогда она плеснула в лицо встречному мертвой водой из бутылочки, а потом, не оглядываясь, пошла дальше.

Наступил новый день. Горожане расхватывали газеты, в которых не нашли почти ничего нового. Заголовки кричали:

«Преступник не найден!»

«К чему приводит бездействие!»

«Городская стража играет в кости!..»

Но одна газета вышла с запозданием. Она задержалась из-за небольшой заметки, которую напечатали на первой странице. Заметка называлась «Таинственный яд».

В ней говорилось о том, что́ городские власти хотели пока удержать в секрете: все, кто хоть раз прикоснулся к одежде убитого, погибли. Это были стражники и врачи. Доступ в городскую больницу поэтому запрещен, больных оттуда выносят через окна. Помещение решено сжечь.

А на другой день в газетах появился новый страшный заголовок:

«Эпидемия неведомой болезни!»

Вот одна из заметок, напечатанных под этим заголовком:

«На Южном Острове распространилась эпидемия неизвестной болезни. Установлено, что так называемое убийство на улице Аладиновой лампы было лишь первым случаем загадочного заболевания. С тех пор имел место еще ряд подобных случаев в окрестностях той же улицы.

Рекомендуем жителям Южного Острова не выходить из домов без крайней необходимости. Продукты питания будут доставляться на дом на Бегающих тележках.

Спокойно и решительно встретим неведомую опасность!

Никакой паники!

Не пейте сырой воды!»

А виновница всех бед тетка Орутра даже чуть-чуть помолодела от радости. Еще бы, ведь столько злости у нее накопилось на весь мир, пока она сидела взаперти в мрачном, темном доме и ждала случая отомстить! Она без устали придумывала новые ловушки для своих недругов и потом, хихикая, рассказывала Топусу, как они поскальзывались на лужах мертвой воды, пролитой перед их дверьми...

Топус тоже хихикал и называл имена всё новых врагов — в основном окрестных мальчишек, которые не хотели с ним играть. Вместе с теткой он составил длинный список всех, кого надо было предать казни. И опять тетка выходила ночью на улицу, смачивала мертвой водой дверные ручки, плескала ее в форточки и слуховые окна.

— Пусть они как следует испугаются! — сказала она Топусу.— А потом я заставлю их объявить меня Великой правительницей Города удивительных чудес. Вот тогда они у нас попляшут!

Топус помрачнел.

— Я сам хочу стать правителем этого города,— сказал он.

— После меня,— сказала тетка.

— Но ты же никогда не умрешь! — с грустью ответил Топус.— Зря я дал тебе живой воды!

Тетка закатила ему оплеуху и перестала с ним разговаривать. Топус надулся и сказал себе, что тетке это даром не пройдет.

Он ушел в другую комнату, насыпал в кружку немного мыльного порошка, плеснул в нее воды, взял стеклянную трубку и принялся выдувать мыльный пузырь. Задумавшись, он не сразу заметил, какой странный пузырь у него получается: на тонкой блестящей пленке появились плоские, будто нарисованные глаза, уши и рот. Только носа не было. Но вот пузырь сорвался с трубки, и нос появился тоже. Пленка затвердела. Она перестала быть прозрачной. Пузырь превратился в круглую человеческую голову. Голова сказала:

— Здравствуй, хозяин! Сделай мне, пожалуйста, еще туловище, руки и ноги.

— Ты кто? — в ужасе спросил Топус.

— Я твой Пузырь,— сказала Голова.— Ты растворил мыльный порошок в живой воде, и вот я ожил!

И правда: Топус по ошибке плеснул в стакан живую воду, которая оставалась в кувшине и о которой он совсем позабыл.

— Лопни! — сказал он Пузырю.— Я боюсь тебя!

— Не бойся,— сказал Пузырь.— Ты меня оживил, и я стану верным твоим слугой. Только сделай мне туловище, руки и ноги. Я мигом научусь любому делу и выполню все, что ты прикажешь.

Топус подумал и сказал:

— Хорошо!

Он был вовсе не прочь иметь собственного слугу, который одевал бы его по утрам. Поэтому он выдул новый большой пузырь — туловище и посадил на него голову. Перед ним стоял человечек, похожий не то на снежную бабу, не то на ваньку-встань-

ку. Два маленьких пузыря, пристроенные с боков, вытянулись и стали короткими толстыми ручками. Еще два пузыря превратились в короткие толстые ножки.

— Я готов,— сказал Пузырь.— Что прикажешь?

— Иди поколоти мою тетку,— приказал Топус.— Она сегодня дала мне затрещину.

И Пузырь отправился колотить тетку, которая вовсе этого не ожидала. Поколотив ее, он вернулся и спросил:

— Чего ты еще хочешь?

— Красных петушков на синих палочках,— сказал Топус,— новые сапоги и... еще я хочу стать правителем Города удивительных чудес!

— Когда ты станешь правителем, у тебя будет сколько хочешь новых сапог и целые горы красных леденцов,— сказал Пузырь.— Ты только потерпи до вечера! Надо выдуть побольше таких пузырей, как я, очень много: целое войско. Тогда мы захватим город силой.

— Правильно! — сказал Топус.— Начинай!

И Пузырь принялся выдувать других Пузырей, одного, другого, третьего... И каждый новый Пузырь, едва встав на короткие толстые ножки, кланялся Топусу, говорил:

— Здравствуй, хозяин!

И принимался помогать первому Пузырю выдувать все новых и новых Пузырей. Скоро Пузырями наполнился весь дом, потом двор, потом огромная толпа живых Пузырей выкатилась на улицу, рекой разлилась по всему городу, захватывая дом за домом, квартал за кварталом, остров за островом. И в тот же день Топус объявил себя правителем Города удивительных чудес. А все жители города были обращены в рабство. С теткой Орутрой он помирился и дал ей придворный чин Великой тетки.

В городе наступили тяжелые времена.

Пузыри ездили на горожанах верхом и подгоняли их плеткой и шпорами. Горожан запрягали в кареты, заставляли строить дворцы и засевать поля, а кормили все больше подзатыльниками. Так проходил год за годом. А Топус все оставался мальчишкой, потому что выпил слишком много живой воды.

Жили тогда в Городе удивительных чудес два брата — Кноп-старший и Кноп-младший. Старший был ученым, а младший — поэтом. Но ни ученые, ни поэты никому тогда не были нужны. Поэтому братья жили очень трудно и очень бедно.

Однажды в ясную лунную ночь младший Кноп открыл окно своей комнаты на чердаке, чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на крыши, которые от лунного света побелели так, будто на них пал иней.

Он глядел на Город удивительных чудес и думал о его судьбе. И вдруг у него защипало в глазах так, что потекли слезы.

«Что-то попало в глаз»,— подумал Кноп-младший. Он поднес к лицу ладонь, и на нее вместе со слезой упала мягкая снежинка. Она согрелась, но не растаяла. Она начала светиться в полутьме сначала серебристым лунным светом, потом свет порозовел, стал багряным, и, наконец, таинственная снежинка вспыхнула ярко, как капелька расплавленного металла.

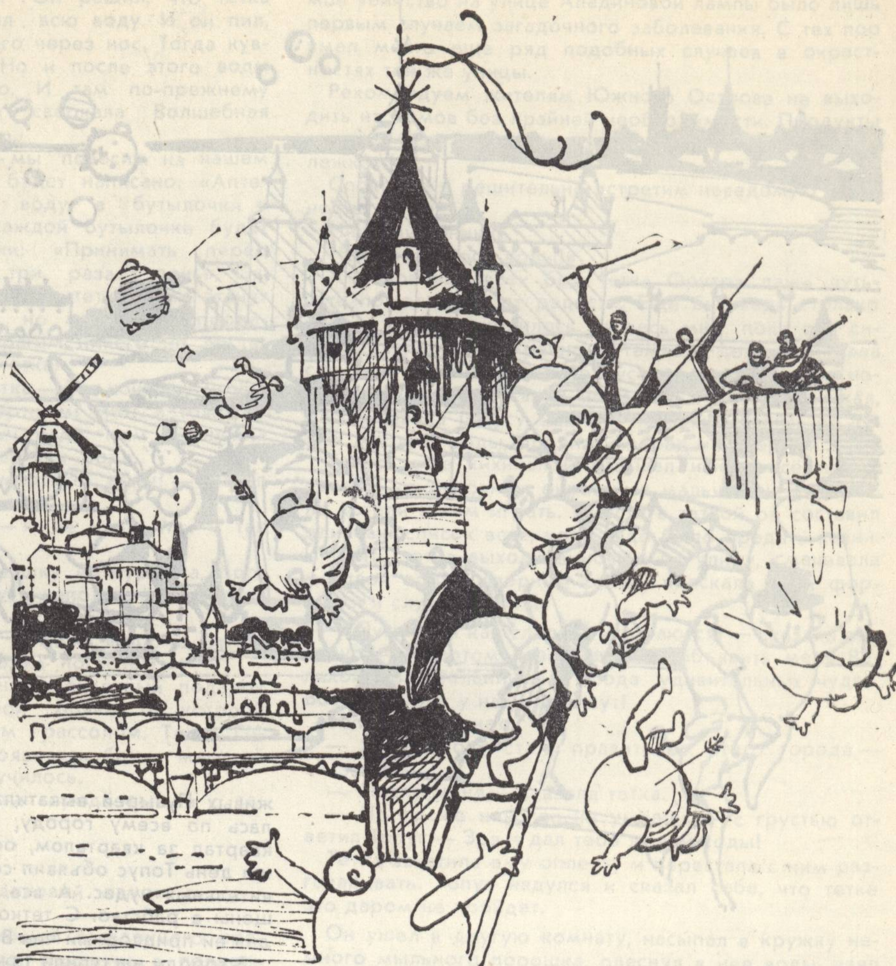
— Волшебная искорка! — прошептал поэт.

Он не ошибся. Разве что очень немножко. Это был

пепел Волшебной искорки, который заново вспыхнул от тепла человеческих слез и рук. Дело в том, что в эту ночь Топус велел приготовить несколько бочек мертвой воды. А когда это было сделано, он положил искорку на подоконник — просушиться, и ветер унес ее прочь и швырнул в чердачное окошко...

Огненной мушкой искра слетела с ладони поэта и упала на кончик его пера. Она продолжала светиться, и этим пером теперь можно было писать в самой черной темноте, не тратя медяков на свечи — ведь поэт был очень беден.

В ту же ночь он написал стихи. Слова в них были так горячи, что бумага дымилась и тлела, раскаленное перо обжигало руку, огненные змейки вспыхивали на столе после каждой строчки, приходилось тушить пламя курткой. К утру от единственной куртки поэта остались одни обгорелые лохмотья, бумага стала горсточкой черного и серого пепла, но слова уже к полудню знал весь город, и каждое сердце вспыхнуло от этих добела раскаленных слов. На улицах зазвенело оружие, Пузырей выгоняли из дворцов, вытаскивали из карет и палками гнали по улицам. Их войско не успело опомниться, как было разбито. И сам Топус еле успел убежать.

Говорят, что когда Топуса выгнали за ворота, он поклялся вернуться и жестоко отомстить. И он ушел на север, в Дикие неведомые земли, а его верные Пузыри ушли следом, катя перед собой бочки, полные мертвой воды. Там, в Диких неведомых землях, Топус велел им вырубить в скалах неприступную крепость. В этой крепости он теперь и живет.

А горожане, затворив ворота, первым делом отменили все законы Топуса и стали жить по своим, очень дружно и очень весело. Их огорчало только то, что с ними не было поэта Кнопа: он погиб в самой первой схватке. И никто не знал, куда девалась Волшебная искорка.

В городе уже стали понемногу забывать о Топусе, когда вдруг прошел слух, будто бывший правитель готовит какое-то волшебное средство против войска горожан. Это всех насмешило. Газеты стали выпускать специальную юмористическую страницу, которая называлась «Новости из Страны Пузырей». Там печатались уморительные картинки из жизни Топуса и его придворных Олухов, Блюдолизов, Слухачей и Шептунов. Но на всякий случай, чтобы защититься от Топуса, если он все-таки нападет, город обнесли неприступной стеной, отлитой из красной меди. В стене и около нее было устроено множество разных ловушек. Были такие устройства, которые могли опрокинуть приставленную к стене лестницу или осадную башню. А в других местах лестница или башня, приставленная к стене, сразу проваливалась под землю вместе с воинами врага. Стоило перейти запретную черту, как луки-самострелы выпускали из бойниц тучу стрел прямо в цель, потому что они устроены так, что промахнуться не могут. На северной равнине до самого Заповедного леса горожане расставили говорящие мельницы со светящимися крыльями. Стоило появиться на опушке леса хоть одному Пузырю, как это сразу же становилось известно в Городе удивительных чудес.

Словом, казалось, что уже можно позабыть обо всякой опасности. Так думали все горожане, так они и сделали. Но вот однажды ночью произошел странный случай.

Город удивительных чудес стоит на трех островах, соединенных мостами. В полночь стража обыкновенно обходит мосты. Так было и в ту ночь. Город уже спал. Вода в озере была спокойна, ни одна морщинка не пробегала по ней.

Часы на башнях отзвенели полночь. И тут стражники увидели в проливе тени лодок. Ни одной лодки видно не было, остроносые тени мчались сами собой, одна за другой причаливали к берегу, и там на земле возникало какое-то неясное движение. Стража

подняла тревогу. Кто-то догадался бросить в воду горсть камешков. По воде пошла рябь, тени раздробились на кусочки, растаяли, и над озером пронесся чуть слышный жалобный вздох.

В ту же ночь один горожанин очень поздно возвращался домой. Луна еще не скрылась. И он увидел, что по мостовой движутся человеческие тени. Прохожий от испуга замер на месте, и тени прошли мимо него. Это было знаменитое в истории Ночное шествие теней. Их было целое войско, и мостовая по временам казалась сплошь залитой чернилами.

Прохожий узнал тень Главного палача. Она шла, помахивая тенью топора, впереди отряда теней, которые несли тени веревок с петлями. Тени Слухачей то и дело перепрыгивали на тротуары и прислоняли тени своих длинных ушей к окнам.

К несчастью, в эту ночь в городе не было великого ученого Кнопа. Он как раз уехал в дальнюю экспедицию, чтобы выяснить, вправду ли в Пещерной стране живут двухголовые люди и крылатый Оранжевый дракон. Тени пришли к его дому.

А наутро весь город узнал об исчезновении дочери дяди Кнопа. Никто долго не мог понять, зачем ее похитили. Но однажды стражники изловили на берегу озера подосланного Топусом Слухача, и он рассказал, в чем дело.

Оказывается, эта девочка, племянница погибшего поэта, одна во всем мире знала великую тайну — тайну Волшебной искорки!..

Бульбуль прервал рассказ, растянулся под елью, прижал ухо к земле.

— Я слушаю, когда настанет полночь,— сказал он.— Если хочешь услышать это, сделай, как я.

глава седьмая
ЕЛОВАЯ ШИШКА

Максим так и сделал.

Было тихо, кровь шумела в ушах, но больше ни шороха, ни шелеста в дремучей лесной ночи. Река не плескала о берег, и ни одна рыба не выплывала наверх глотнуть мушку, вьющуюся над водой.

Облака потихоньку уплывали с неба. На лес пролился ясный лунный свет, и стали видны круглые листья кувшинок, которые плавали на тихой воде.

Внезапно из земной глубины донесся короткий металлический звук. Как будто кто-то с силой ударил молотком по наковальне.

— Полночь,— сказал карлик Бульбуль.— Пора!

Он надел волшебные очки и начал шарить руками в грудах прошлогодней сухой хвои.

— Вот она! — закричал он.— Ура! Я нашел волшебный клад.

Он протянул ладонь Максиму. Максим увидел, что на ладони карлика лежит вовсе не клад, а обыкновенная бугорчатая еловая шишка. Максим сказал об этом карлику, но тот был настолько обрадован, что даже не рассердился.

— Сейчас сам увидишь,— сказал он Максиму.— Дай сюда палку.

Он положил еловую шишку на широкий дубовый лист. Максим услышал, как он бормотал:

— Ты шишка еловая, не простая — заколдованная, ну-ка встань с листа, человеком стань!

Раздался треск, как будто кто-то разорвал бумажный лист. В лунном луче, пробившемся сквозь еловые лапы, стояла девочка. Две маленьких луны отражались в ее изумленных глазах.

Максим шепотом спросил ее:

— Кто ты?

И девочка шепотом ответила:

— Я была еловой шишкой.

глава восьмая
БЕГСТВО И ПОГОНЯ

Шум пошел по лесу и шелест, и в шуме — это Максим слышал собственными ушами — явственно повторялись слова: «Еловая Шишка, Еловая Шишка!»

В кустарнике что-то зашевелилось, заскрипело. Максим увидел, что стоящий посреди кустов обгорелый пень с черным дуплом вдруг ожил, что он глядит сердитыми глазами из-под мшистых бровей, а дупло открывается и закрывается, как человеческий рот.

— Держите их! — сказало дупло.

И пень заковылял к берегу на узловатых корневищах-ногах. Он оказался злым косматым стариком.

— Какой я дурак! — сказал Бульбуль.— Да тут повсюду глаза и уши Топуса!

Тонконогие бледные цветы, росшие вокруг, наклонили головки в сторону Еловой Шишки. Максиму показалось, что в них блестят капли росы среди мелких колючих лепестков. Но лепестки смыкались и снова раскрывались, как ресницы, а вместо росинок в них злобно блестели зрачки. Толстопятые грибы медленно поворачивали вывернутые наружу шляпки, похожие на ухо. Старик пень приближался, ломая кусты. А из глубины леса уже доносился отчетливый цокот лошадиных копыт.

— Надо бежать! — сказал Максим.

— Бежать некуда,— простонал карлик.— Мы пропали!

— Почему пропали? — сказала Еловая Шишка.— Есть ведь лунная дорожка.

— Правильно! — закричал карлик.— Как это я мог забыть?

Он схватил Максима и девочку за руки и потянул их к реке. Еловая Шишка первой ступила на воду, на лунную дорожку. Вода качнулась, пошла кругами, но выдержала.

— Иди! — позвала Еловая Шишка Максима.— Это опасно только в темные ночи, когда не бывает луны.

Максим боязливо шагнул на зыбкий серебристый половичок, переброшенный с берега на берег. Страх его быстро прошел, и он даже начал покрикивать:

— Эй вы, правее! Не угодите в тень!

Они уже пересекли реку и ступили на влажный песок, когда на поляну ворвался отряд Пузырей.

— Они там! — зарычал старик пень.— Они перешли реку по лунной дорожке!

— Догоним! — уверенно сказал Главный Пузырь и шагнул к воде.

Максим узнал его: это был Великий Тайный Слухач. Максим стоял в тени берега и смотрел на Пузырей, а карлик, чуть не плача, тормошил его:

— Побежим скорей, они нас сейчас схватят!

Максим сердито отмахнулся.

Когда весь отряд вступил на реку и добрался до середины, Максим наклонился, размахнулся и швырнул гладкий, плоский камешек. Тот лихо поскакал по поверхности реки, разбив лунную дорожку на миллионы блестящих осколков. Пузыри с воплем провалились в холодную воду, быстрое течение подхватило их и понесло. И Максим сказал:

— А теперь бежим!

(Продолжение следует.)

Расскажите мне про Сингапур

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунок Г. Бедарева.

Мы с папой поехали на воскресенье в гости к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тетя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

— Ого, Дениска-то как возмужал!

А папа ответил:

— Да, Алексей Михайлович, нам время тлеть, а этим чертенятам цвести.

Тетя Мила засмеялась и сказала:

— Не болтайте глупостей. Иди, Денек, со мной рядом. Это что за корзинка?

Я сказал:

— Здесь мой пластилин, карандаши и пистолеты...

Тетя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы мимо станции и вышли на мягкую дорогу. По бокам дороги стояли деревья; я быстро разулся и пошел босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошел босиком. В это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и еще чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать:

— О-га-га-а!

И тетя Мила сказала:

— Телячий восторг.

И когда мы пришли к ней домой, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку. И я пил чай и клевал носом.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

— Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

— Дениска,— сказал он,— твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет. Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

— А почему я его не знаю?

Тетя Мила опять засмеялась.

— Потому что он живет на Севере,— сказала она,— и редко бывает в Москве.

Я спросил:

— А он кто такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху.

— Капитан дальнего плавания, вот он кто такой. Не фунт изюму!

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька — капитан дальнего плавания?! И я об этом только что узнал! Папа всегда так: про самое главное вспоминает совершенно случайно!

Я сказал:

— Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя — капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тетя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тетя Мила смеется кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

— Я тебе говорил еще в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был еще маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тетя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там, в углу, приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

— Вот здесь и ложись,—сказала тетя Мила,— раздевайся! А корзинку с твоими пистолетами я повешу у тебя в ногах.

Я сказал:

— А папа где будет спать?

Она сказала:

— Скорее всего на террасе. Ты знаешь, как папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

— И нисколько.

Разделся и лег.

Тетя Мила сказала:

— Спи спокойно, мы тут рядом.

И ушла.

А я улегся на тахтюшке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как они там тихо разговаривают на террасе

и смеются, и я хотел спать, но все время думал про своего капитана дальнего плавания.

«Интересно, какая у него борода? Неужели растет прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая или прямая? А кортик, именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они там во время своих рейсов каждый день наскакивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают людей с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадешь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», погубить, жалко, небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания, он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое:

«Син-га-пур». Я обязательно попрошу своего дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать». И я так долго думал и незаметно уснул.

...А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу ее наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко на террасе, и я подумал, что я никогда еще не боялся собак, так что и теперь тоже нечего трусить.

Я крикнул:

— Тубо! Спать!

И собака сразу заплямкала губами, как будто поперхнулась, и замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь: от этого я всегда быстро засыпаю. И верно, не успел я дойти до семью семь — сорок девять, как у меня в голове все закачалось, и я почти уснул, но в это время собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз! У меня даже внутри что-то екнуло. Но я все-таки закричал на нее:

— Тубо! Лежать! Спать сейчас же!

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит еще пакет с едой, который мама положила мне

на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, подобреет и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я все-таки вытащил оттуда котлету и два яйца — мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца.

— Тубо! Есть! И сразу спать!

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в нее котлету. Было слышно, как котлета шлепнулась об нее, собака гамкнула и перестала рычать.

— Ну вот! А теперь спать!!! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся поплотнее и уснул....

...Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тетя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студеная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать ее черным хлебом, и солить, и славно мне было, так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное.

Я сказал:

— А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули?

Тетя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

— Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил! Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспит весь день. Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелеными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды у него не было. Он подошел к столу и сказал ужасным басом:

— Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он помещается.

Папа сказал:

— Да, эти сто грамм веснушек, это вот и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

— Здорово!

И протянул мне руку. Я пожал ее. Она была твердая, как доска. Капитан был симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижама какая-то. Ну, а трубка где? Все равно уж прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь? Не было никакой... Я сел за стол.

— Как спал, Харитоша? — спросила тетя Мила.

— Плохо! — сказал капитан.— Не знаю, в чем дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берет свое, все-таки пять дней в пути, глаза слипаются, начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в завершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты, яйца, что ли, по-моему, я во сне слышал запах котлет. И еще все мне сквозь сон слышатся какие-то непонятные слова: не то «Куш!» не то «Апорт!»

— Тубо! — сказал я.— Тубо! А не апорт! Потому что я думал, там собака... Кто-то так рычал!

Капитан сказал своим басом:

— Я не рычал. Я, наверно, храпел?..

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

— Товарищ капитан! Было очень похоже на рычание. И я, наверное, немножко испугался.

Капитан сказал:

— Вольно. Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах, как будто песку насыпало, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

— Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я все-таки не мог на него посмотреть.

Тогда он сказал:

— Клянусь своим именным кортиком.

Он сказал это таким веселым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошел к капитану и сказал:

— Дядя, расскажите мне про Сингапур.

Я хочу быть не хуже других

Дорогая редакция! Пишет вам пионерка Инна Пасечник. Мне тринадцать лет. Меня давно мучает вопрос: как стать хорошим спортсменом?

Бегаю и прыгаю я плохо, и вообще ни один из видов спорта мне не дается. Я очень стараюсь, но у меня ничего не получается. Все в нашем классе надо мной смеются, хотя и не вслух, конечно, а в душе. Но я-то понимаю!

И почему у меня так плохо со спортом! Может, из-за полноты? Или из-за чего-нибудь другого? Очень вас прошу, помогите мне. Я хочу добиться успехов в спорте: я хочу быть не хуже других.

С нетерпением жду ответа.

Инна Пасечник.

г. Челябинск.

Есть ли неспособные?

Николай Георгиевич ОЗОЛИН,
заслуженный мастер спорта

НЕ ХУЖЕ, А ДАЖЕ ЛУЧШЕ!

Правильное это у тебя стремление, Инна, «быть не хуже других»! Ты не хочешь мириться с тем, что тебе не даются физические упражнения, которые хорошо выходят у твоих товарищей и подруг.

Конечно, когда ты достигнешь этой первой, совсем скромной ступеньки своих планов и научишься не хуже других бегать, прыгать, лазать по шесту и делать гимнастические упражнения, тебе обязательно захочется большего. Тебе захочется «быть лучше других», сильнее, ловче, быстрее. Таков спорт: в нем заложен дух соревнования, дух борьбы, стремление к победе. Без этого стремления — достигнуть большего, чем другие, превзойти их — нет и не может быть спорта. И раз ты захотела быть не хуже других, значит, дух соревнования овладел тобой, ты уже сделала первый шаг по дороге спорта.

Догнав своих товарищей, тебе захочется их перегнать. Большинству ребят свойственно такое желание.

Для всех ли оно исполнимо? Или, может, только особо одаренные могут добиться успеха в спорте? А остальные, значит, неспособные?

Расскажу маленькую историю...

ПРО МЕДВЕДЯ И ЭКВИЛИБРИСТОВ

Как-то я был в цирке с одним школьником. Он не уставал восхищаться замечательным мастерством акробатов, воздушных гимнастов, фигуристов на велосипедах.

— Это особые люди,— сказал мой спутник.

— Это особое трудолюбие, а люди обыкновенные,— ответил я.

Мальчик смолчал, хотя видно было, что он не согласен со мной. Но вот на арене появился дрессировщик с медведями. Один из медведей больше всех остальных понравился зрителям. Он делал стойку «на руках», уверенно шел по перекладине, делал перевороты на параллельных брусьях, ездил на велосипеде и даже на мотоцикле.

— Талантливый медведь! — сказал я.

Мальчик вопросительно взглянул на меня, и мы оба рассмеялись.

После представления (это был дневной сеанс) мы прошли в соседнее здание. Сейчас там панорамный кинотеатр, а тогда был конный манеж цирка.

На опилочном полу манежа шли репетиции сразу нескольких групп артистов. Мы засмотрелись на эквилибристов, выполнявших сложные упражнения на шесте, который держал человек атлетического сложения. Трудный номер на шесте не ладился. Артисты повторяли его раз за разом. Отдохнут немного и начинают снова.

— Сколько же времени вы будете сегодня отрабатывать этот номер? — спросил я артиста с шестом во время передышки.

— Два часа уже работаем, да еще не меньше понадобится,— ответил он.— Так будет и завтра, и послезавтра, и много дней, пока не добьемся своего.

— Посмотри кругом,— сказал я мальчику.— В других группах то же самое. Вот он, всепобеждающий труд, неуклонное стремление к намеченной цели, а по-нашему, по-спортивному,— тренировка.

— Тренировка тренировкой, а рожденный ползать летать не может,— упрямо сказал мой юный приятель.

— Ошибаешься,— возразил я,— нет неспособных к спорту! Ты просто не знаешь о пластичности, замечательном свойстве живых организмов.

Пришлось рассказать ему про мимозу, которая тренировалась в поднятии тяжестей. А раз уж об этом зашла речь, расскажу и тебе, Инна, и всем ребятам, которые хотят «быть не хуже других». Итак, вот необыкновенная история о том...

КАК МИМОЗА СТАЛА СИЛАЧКОЙ

Однажды ученые провели такой опыт. К кончику листа мимозы прикрепили шелковую ниточку, перекинули ее через маленький блок, а на ниточку привесили грузик. Вы, наверное, знаете, что мимоза обладает интересной способностью складывать попарно, словно ладошки, свои листья, если к ним прикоснутся.

Дотронулись ученые до листочка, он пришел в движение, потянул нитку и поднял грузик. Стали увеличивать вес, пока не узнали, какая предельная подъемная сила у листка, и после этого начали «тренировать» его. Дотронутся — потянет он грузик вверх. Лишь только станет листок на место и опустится грузик — снова дотронутся. Так каждый день по многу раз.

Чем больше «упражнялся» листок, тем сильнее становился он и тем тяжелее привешивали грузик. А через месяц проверили силу листка, и оказалось, он так натренировался, что мог поднять груз в 400 раз больший, чем в начале опыта!

Не правда ли, «спортсменка»-мимоза достигла отличных результатов? А это произошло благодаря удивительной способности всего живого изменяться и совершенствоваться под влиянием тех или иных воздействий. Вот ее-то и называют пластичностью живого организма. И у нас, у людей, она есть, причем гораздо более сложная и многообразно проявляющаяся, чем у той мимозы. Благодаря пластичности человек может...

ЛЕПИТЬ САМОГО СЕБЯ

Хотите проделать опыт? Займите на полу положение «упор лежа»: руки прямые, тело тоже выпрямлено, без прогиба, пальцы ног упираются в пол. Теперь согните руки так, чтобы грудью почти коснуться коврика, и затем распрямите их снова. Отожмитесь на руках подряд столько раз, сколько сможете. Запишите результат. Ручаюсь, что в первой записи будет цифра 3—4 и не больше, чем 5! Повторяйте упражнение каждый день, лучше в утренней зарядке, и каждый раз записывайте.

И вот вы увидите, что почти с каждым днем количество отжиманий будет увеличиваться. Это благодаря чудесному свойству пластичности возрастает ваша сила и выносливость. Выполняя упражнение, вы заставили сокращаться и напрягаться мышцы рук и плечевого пояса, вызвали больший приток крови и улучшенное питание работающих мышечных волокон. Для этого каждый раз немного усиливалась работа и учащалось дыхание, чтобы дать мышцам больше кислорода. Происходили сложные химические превращения в мышцах. Это во время самих упражнений.

Но вот вы сказали: «На сегодня хватит». Вы уже заняты чем-то другим. Но чем бы вы ни были заняты, в вашем теле продолжаются неощутимые превращения. Все «траты», произведенные вашим организмом во время упражнений, теперь восполняются, и притом «с прибылью», с превышением того уровня, который был накануне.

Если же делать не одно, а много разнообразных упражнений, то есть зарядку, организм ответит на это множеством разнообразных и полезных изменений.

Короче говоря, нет такого «уголка» в вашем теле, на который бы не оказали благотворного влияния физические упражнения. Они, как скульптор из пластилина, вылепят из вас здорового, сильного, энергичного человека.

Такие изменения будут происходить у любого, кто занимается физическими упражнениями: и у юного, и у взрослого, и даже у старого. Но юный организм наиболее пластичен. Начав смолоду, с пионерских лет, человек может сам «вылепить» у себя нужные физические качества, независимо от того, какой он был поначалу: толстый или худой, долговязый или коротышка, юркий или неповоротливый, быстрый или медлительный. Значит, надо не откладывать в долгий ящик, а...

НАЧИНАТЬ СМОЛОДУ

Вот ты, Инна, горюешь, что у тебя слабые спортивные успехи, и винишь излишнюю полноту. А другая девочка, Таня Куряева из Актюбинска, пишет в «Пионер», что она «худышка», что у нее не по возрасту маленький рост и вес. Она и есть старается побольше и физкультурой занимается, но ей кажется, что дело не идет вперед, что все по-прежнему, без перемен.

Это ей, конечно, только кажется, да и тебе тоже. Перемены не сразу заметишь. Терпение, настойчивость, тренировка! Каждый человек — я подчеркиваю: каждый! — может стать сильным, стройным, выносливым, ловким и смелым спортсменом. А вместе с этим он станет более крепким и здоровым.

Итак, стать хорошим спортсменом может любой. Другое дело, что не каждый будет таким спортсменом, как Владимир Куц, как Петр Болотников, Валерий Брумель, Юрий Власов, Валентина Стенина, Эмиль Затопек.

Ведь и тебе, Инна, и другим ребятам, наверное, сплошь да рядом приходилось слышать или читать: талантливый спринтер, талантливый скороход, талантливый прыгун, талантливый фехтовальщик... Зря, что ли, это говорят? Нет, не зря.

Так, значит, есть спортивный талант? Значит,

прав был тот мальчик в цирке? Он был и прав и неправ, потому что спортивный талант — это особая сторона вопроса. Как-нибудь в следующий раз мы поговорим о том, что значит спортивный талант, у всех ли он есть и как с ним обращаться.

А пока тебе нужно добиться поставленной цели «стать не хуже других», направив на это свою волю. И тут очень важно...

ПОВЕРИТЬ В СЕБЯ

Кстати сказать, тебе, может быть, мешает не столько полнота, сколько неуверенность. Полнота мешала достигать успеха с первой попытки, два-три раза привела к неудаче, а потом ты стала бояться, что и в четвертый и в пятый раз будет неудача. Ты делаешь разбег для прыжка, а где-то уже притаилась мысль: «Ой, задену». И задеваешь, и планка летит.

Помню, мне одна начинающая лыжница рассказывала, почему ей никак не удавались спуски с гор. Сначала все идет правильно и хорошо, но вдруг на секунду вспыхнет в мозгу испуганное слово: «Упаду». И лыжница падает. Ты заметь: не мысль появлялась у нее при падении, а падала она лишь оттого, что являлась эта предательская мысль, сигнал неуверенности. «Упаду» действовало как «упади», как приказ упасть. Так же действует и «не допрыгну», «задену» и любое другое «ой, не выйдет».

Как поверить в себя? Попробуй тренироваться дома, самостоятельно, повторять упражнения без свидетелей. Тогда твои движения не будет сковывать мысль, что, глядя на тебя, одноклассники «смеются в душе». Они наверняка и не смеются вовсе, но раз уж тебе это кажется, ты словно веревками связана, у тебя словно гири на ногах, и неудача следует за неудачей.

Есть один пионер. Он живет в Москве, в Сокольниках. Его звено решило ходить на лыжах, а для тренировки делать всем вместе специальную гимнастику лыжника. Казалось бы, все хорошо, да вот у этого мальчика слабая была мускулатура и особенно слабые руки. Во время лыжных вылазок он быстро утомлялся и отставал от звена. Конечно, ребята не бросали его одного. Но ведь неприятно, когда десять человек тебя ждут.

И вот что он сделал. Между столбами крыльца приладил самодельный турник из обрезка водопроводной трубы и каждый день, уходя в школу и возвращаясь из школы, подтягивался на своем турнике несколько раз, сколько мог. Не было случая, чтобы он прошел крыльцо просто так. Его мускулы день ото дня становились крепче, и в один прекрасный день пионеры этого дружного звена обнаружили, что им уже не приходится ждать.

Так благодаря упорству и тренировке он оказался «не хуже других».

Видишь, Инна, в чем секреты «превращения» в хорошую спортсменку? Одним из секретов ты уже владеешь: сильным желанием. Второй секрет — настойчивость — по-видимому, тоже в твоих руках. Третий секрет — тренировка. Тут у тебя все впереди. Особенно, если ты не прозеваешь замечательных возможностей, которые дарят нам весна и лето.

Делай гимнастику утром, совершай пешие прогулки подлиннее, играй в спортивные игры с мячом, тренируйся и в беге, и в прыжках, и в плавании, а главное, упорно повторяй, отрабатывай те упражнения, которые у тебя не получаются на уроках физкультуры. Ведь в алгебре или в физике ты не ограничиваешься только тем, что слушаешь на уроке, ты дома занимаешься! И гони от себя мысль «не выйдет!»

Итак, желаю тебе и всем ребятам хорошего спортивного лета!

Не прозевайте возможностей, которые дает весна и лето!
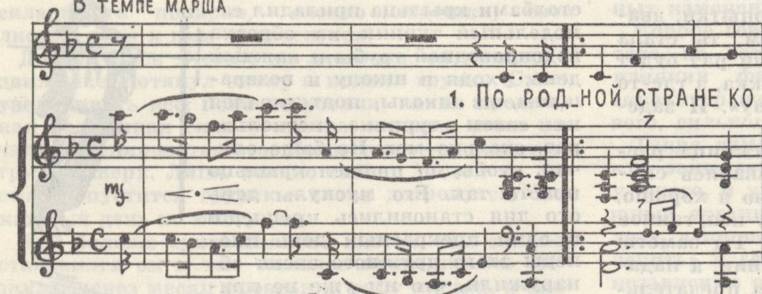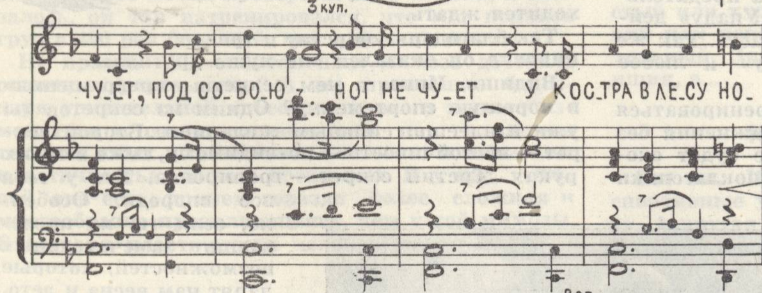

ПЕСЕНКА ТУРИСТОВ
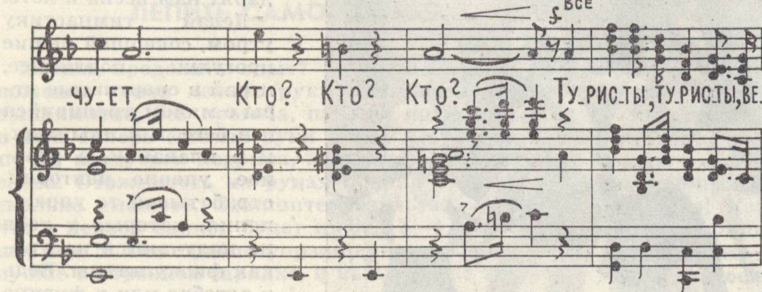
Вл. ЛИФШИЦ
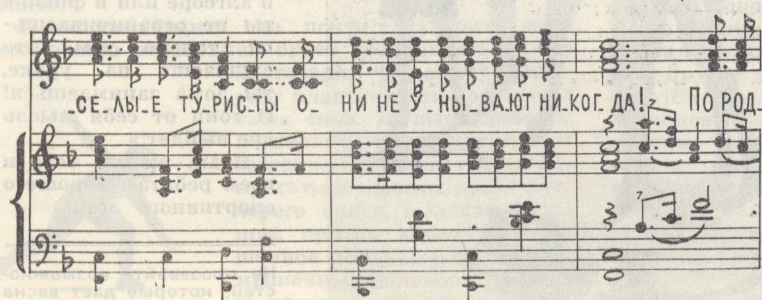
Музыка Ж. Зориной.

В ТЕМПЕ МАРША

1. По родной стране кочует,
Под собою ног не чует,
У костра в лесу ночует —
Кто! Кто! Кто!
Туристы, туристы,
Веселые туристы,
Они не унывают никогда!
По родной стране кочуют,
Под собою ног не чуют,
У костра в лесу ночуют.
Да! Да! Да!

2. Кто шагает по дорогам,
Проплывает по порогам,
Кто усталый спит под стогом —
Кто! Кто! Кто!
Туристы, туристы
Веселые туристы,
Туристам даже дождик — не беда!
Знай, шагают по дорогам,
Проплывают по порогам,
А потом лежат под стогом.
Да! Да! Да!

3. Кто услугой за услугу
Отвечать умеет другу
И всегда подаст вам руку —
Кто! Кто! Кто!
Туристы, туристы,
Веселые туристы,
Все поровну — и ноша и еда!
Мы услугой за услугу
Отвечать умеем другу,
Подадим всегда вам руку.
Да! Да! Да!

-НОЙ СТРАНЕ НЕ КОЧУЮТ, ПОД СОБОЮ НОГ НЕ ЧУЮТ, У КОСТРА В ЛЕСУ НОЧУЮТ,

1. 2. 3.

ДЛЯ КОНЦА

ДА! ДА! ДА!

2. КТО ША- ДА! ДА! ДА!

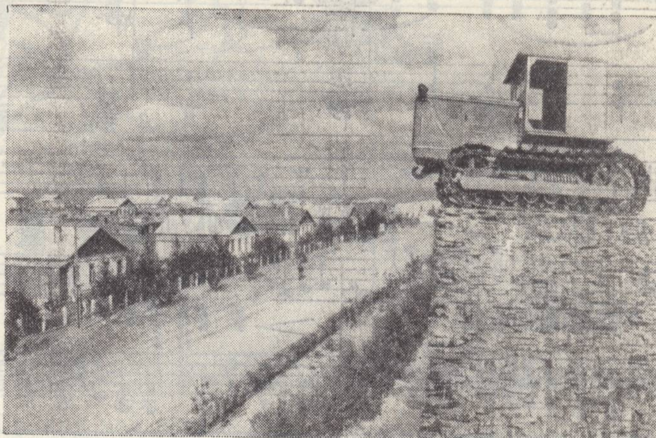
4. Белый свет, друзья, не тесен,
Он нам очень интересен.
И не может жить без песен —
Кто! Кто! Кто!
Туристы, туристы,
Веселые туристы,
Нам рады люди добрые всегда!
Белый свет для нас не тесен,
Он нам очень интересен,
Жить не можем мы без песен.
Да! Да! Да!

Весна пришла! Она тут, уже чувствуется ее неуловимое дыхание. Еще и снег кое-где не стаял, но по крутым склонам — на солнцепеке — открылись проталины с пучками бурых стеблей прошлогодней травы. Уже очистилось озеро ото льда и отражает синюю глубину неба.

Вышли ребята на весеннюю фотоохоту. Меткий, снайперский снимок без промаха поймает и хлопотливого скворца, и ольховую веточку, развесившую пушистые сережки, и дальнее поле с зеленым ежиком озими. Хорошо!

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Трактор-памятник

Семь лет назад сюда, в дикую, безлюдную целинную степь, приехали новоселы. Был среди них и демобилизованный солдат Петр Черниченко. Он стал хозяином этого трактора и вспахал на нем первую борозду.

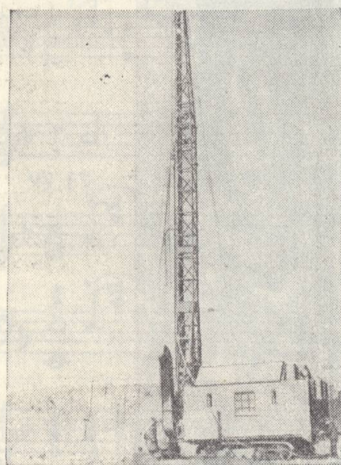
Не узнать теперь степь. На десятки тысяч гектаров раскинулись пашни совхоза «Двуречный», на голом месте вырос большой, красивый поселок. Миллионы пудов пшеницы собрали с полей новоселы. И в память о первой борозде, о трудовом подвиге целинников высоко над степью поднялся необычный памятник — трактор на каменном постаменте.

Гусеницы погибли от желтухи

Несколько лет назад на прекрасные дубравы Закарпатья напали гусеницы кольчатого шелкопряда. На борьбу с вредителями вылетали самолеты, они опыляли леса ядами, и гусеницы гибли. Но вместе с ними гибли полезные насекомые, к тому же химическая борьба очень дорогая.

Вот почему ученые-энтомологи стали искать другие способы борьбы. На одном участке леса они обнаружили множество гусениц, больных вирусной желтухой. Ученые собрали больных и погибших гусениц, размельчили их, высыпали в воду, а через некоторое время процедили эту болтушку. Жидкостью, зараженной вирусом желтухи, опрыснули лес, на который напали гусеницы шелкопряда, и все они заразились желтухой и погибли. Так было спасено около трех тысяч гектаров леса.

В. Лозинский,
кандидат биологических наук

Родственник ракеты

Каждый знает, что произойдет, если в холодный стакан быстро налить кипяток. Стакан лопнет. Почему? Потому что стекло не успеет сразу прогреться на всю толщину стенки, и нагретый внутренний слой стекла, расширяясь, разорвет стакан.

Что же произойдет, если быстро нагреть не стекло, а камень? Он тоже растрескается. Еще в глубокой древности, когда хотели разрушить скалу, разжигали под ней костер.

И сегодня людям приходится дробить скалы. Чтобы выплавить пуд железа, нужно добыть по крайней мере три пуда крепчайшего камня — железистого кварцита. Для этого бурят глубокие лунки, закладывают в них взрывчатку и взрывают.

Люди изобрели много разных машин для бурения твердой руды, а о старом, «огненном» способе разрушения скал не вспоминали десятки веков: ведь, разводя костры, много руды не добудешь — очень уж слаб огонь! Вспомнили о нем только недавно, когда появились... ракеты.

Криворожские инженеры построили новый буровой станок, у которого вместо стального бура — горелка.

...Человек в кабине машины, совсем не похожей на ракету или на самолет, нажимает кнопку. Раздается оглушительный рев. Огненная струя раскаленных газов со сверхзвуковой скоростью вырывается из сопла, разрушает кварцитовую скалу. Камень мгновенно разогревается и лопается. Скважина становится все глубже и глубже. Проходит всего один час, и пятнадцатиметровая скважина готова!

Огнеструйный станок работает в двадцать раз быстрее, чем обычный со стальным буром. Недаром его ближайшая родственница — ракета!

В. Рич, М. Черненко

Чайки и радио

Несколько тысяч морских чаек облюбовали себе для жилья лондонский аэродром. Стаи птиц очень мешали самолетам при взлете и посадке. Люди пробовали разогнать непрошеных жильцов — ничего не вышло. Выручило радио. На магнитофонную пленку записали крики чаек, предупреждающие об опасности. При старте и посадке магнитофон включается, и птицы, услышав понятный им тревожный сигнал, мгновенно улетают.

„Аэродром" на крыше

Представьте себе дом, главный подъезд которого находится... на крыше. Это одиннадцатиэтажное здание варшавской гостиницы «Гранд-отель». От аэродрома до центра Варшавы более получаса езды автобусом. Конечно, авиапутешественники предпочитают вертолет. Посадочная площадка вертолета устроена на крыше «Гранд-отеля». Это очень удобно: шесть минут — и вы уже в гостинице.

Кислая река

Эта река течет в Колумбии и называется Рио Винегре—Уксусная река. Вода ее непригодна для питья, настолько она кислая. Никакой рыбы в реке не водится. Ученые определили, что на тысячу частей воды Рио Винегре приходится одиннадцать частей серной кислоты и девять соляной. Это объясняется тем, что река берет начало вблизи действующего вулкана.

Змеиные очки

Вы, наверное, слышали об очковой змее? Так называют ядовитую кобру — жительницу теплых стран. На ее широкой шее сзади как бы нарисованы светлые очки. Но есть, оказывается, «очки», которые «носят» все без исключения змеи.

У змеи нет подвижных век, как у других животных. Над каждым глазом у нее прозрачная пленка, приросшая к коже, своего рода очки. Когда змея меняет кожу, она плохо видит, потому что пленка в это время тускнеет. Вместе с новой кожей вырастают и новые «очки».

Улитка-силач

Известно ли вам, что сильнейшее животное на земле — улитка? Она выдерживает на своем «домике» четверть килограмма груза и тащит за собой тяжесть, в двести раз превышающую вес ее тела, равный примерно двадцати граммам.

Монтеры в воздухе

Кто эти люди, похожие на ласточек, уцепившихся за тонкие, еле видимые нити проводов? Воздушные гимнасты, канатоходцы? Нет, это просто монтеры. Но работа у них потруднее цирковых аттракционов. В дождь и стужу на высоте в десять — пятнадцать метров протягивают они над стальными рельсами провода, в то время как внизу с грохотом проносятся железнодорожные составы.

Этот снимок сделан несколько месяцев тому назад в Восточной Сибири, на станции Тулун, где заканчивалась электрификация магистрали Москва — Иркутск.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Шумно, весело в стране моей. Волнуются, спорят, радуются любители шахмат. И понять их легко. В самом деле, как тут будешь спокойствие хранить, когда ведут поединок за шахматной доской два лучших шахматиста мира — Михаил Таль и Михаил Ботвинник?

Кто одержит победу? Удастся ли Ботвиннику вернуть «шахматную корону» мира, которую потерял он год назад?

Этого даже я не знаю. Но в одном уверен: матч хорошей школой для всех вас будет, друзья. Пусть учат вас партии замечательного соревнования упорству, находчивости, спортивному мужеству.

Советую всем вам внимательно смотреть эти партии, смысл каждого хода стараться понять. Сделаете так — станете играть лучше, удачнее.

Правильно сказал чемпион мира М. Таль, что «каждый шахматист сам кузнец своего турнирного счастья».

А теперь хочу задать вам несколько вопросов. Кто ответит на вопросы эти правильно и ответы пришлет не позднее чем через месяц, получит грамоту «Ферзя и ладьи».

Вот они, мои вопросы:

1. С какого времени стали проводить матчи на первенство мира?

2. Кто был первым чемпионом мира?

3. Назовите всех чемпионов мира.

4. Сколько соревнований на первенство мира проводилось в Москве?

5. Какой замечательный русский шахматист первым вступил в борьбу за мировое первенство и когда это было?

6. На диаграмме № 1 вы видите позицию, возникшую в одной из партий первого матча Ботвинник — Таль. Как закончилась эта партия и какой по счету она была в матче?

НИ ОДНОГО ХОДА ФИГУРАМИ

Можно представить себе партию, в которой белые одержали победу, не сделав ни одного хода фигурами?

Невозможно это, скажут многие ребята и... ошибутся. Вот одна такая партия:

1. e2—e4 c7—c5. 2. b2—b4 c5 : b4 3. a2—a3 Кb8—c6 4. a3 : b4 Кg8—f6 5. b4—b5 Кc6—b8 6. e4—e5 Фd8—c7 7. d2—d4 Кf6—d5 8. c2—c4 Кd5—b6 9. c4—c5 Кb6—d5 10. b5—b6.

Вот и пришли мы к позиции, изображенной на диаграмме № 2.

Белые не сделали ни одного хода фигурами, а черные здесь признали себя побежденными. Правильно ли их решение? Найдите, как выигрывают белые после 10... Фd8 11. Л : a7 Л : a7 12. ba Фa5 +

И не только на этот вопрос прошу вас ответить, друзья. Кто правильно прокомментирует всю эту комическую партию и найдет ошибки, которые так дорого обошлись черным, также будет награжден грамотой «Ферзя и ладьи».

ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ...

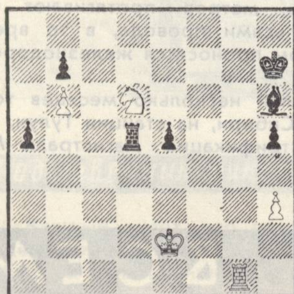
Так часто бывает в шахматах. Вспомните свои партии. Сколько раз, когда все трудности уже, казалось, были позади, делали вы какой-нибудь непродуманный, торопливый ход, и... все сразу менялось! На диаграмме № 3 вы видите позицию из партии двух мастеров. Ясно, что черные должны выиграть. У них и на две пешки больше и проходная пешка c3 неудержимо идет в ферзи.

Черные решили, что все кончено, можно не обращать внимания на то, что противник делает. Пора уже ему сдаваться. А беспечность — плохой советчик.

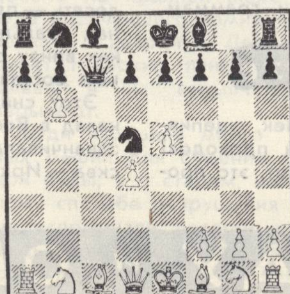
Белые сыграли 1. Крe3—f4. Теперь черные должны были дать шах ладьей на f8, и это легко выигрывало, но они легкомысленно продвинули пешку. 1... c3—c2?

Тогда белые объявили мат в два хода черному королю. Последовало 2. Лa3—h3+! g4 : h3 3. g2—g3.

Хороший урок для тех, кто торопится и пренебрежительно относится к планам противника.

№ 1

№ 2

№ 3

ОРУЖЕНОСЦЕВ СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Вы уже знаете, ребята, что в оруженосцы мои принимаю я тех, кто помогает товарищам научиться играть в шахматы, кто в школе или во дворе дома своего организует турниры.

Новыми оруженосцами будут теперь Саша Волынкин и Богдан Бегек из города Еманжелинска, Челябинской области. Многих пионеров у себя научили Саша и Богдан играть в шахматы, записывать партии. Собираются они и провести турнир на получение спортивного разряда. Награждаю их грамотами «Ферзя и ладьи».

Принимаю я в оруженосцы и Славу Струмило, Валерия Катасонова и Вацлава Колышко, пионеров из Островецкой средней школы Гродненской области. Ребята эти устраивают интересные соревнования юных любителей шахмат. Слава Струмило хорошо решает задачи. Он победитель конкурсов газет «Зорька» и «Пионер Беларуси».

Ребята спрашивают, как по результатам турниров получать спортивные разряды. Таблицы надо посылать в Совет спортивных обществ и организаций своего города или области. Таблицы эти рассмотрят и вам пришлют удостоверения разрядников.

МНОГО ЛИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ШАХМАТАХ!

Разные вопросы задают мне ребята. Вот, например, Коля Коломоец из поселка Димитрово, Кировоградской области, и Валерий Лузгин из поселка Маклаково, Красноярского края, хотят знать, много ли разных возможностей в шахматах.

В самом деле, полторы тысячи лет уже существуют шахматы, миллионы людей проводят время за шахматной доской. «Наверное, уже все в этой игре известно, изучено» — так, быть может, пишите вы.

Но такое решение было бы ошибочным. Количество разных возможностей в шахматах так велико, что его даже трудно себе представить.

Вот маленький расчет, приведенный в недавно вышедшей книге Б. Вайнштейна «Комбинации и ловушки в дебюте»:

«В начальном положении у белых на выбор 20 различных ходов, у черных — двадцать ответов. После первого хода e2 — e4 и ответа, скажем, e7 — e5 у белых уже 28 различных ходов, у черных около того. Так пойдет и дальше. Число возможных ходов будет увеличиваться, а иногда и уменьшаться, но всегда его можно будет подсчитать».

И далее в книге говорится: «Если считать, что в каждом положении есть в среднем 10 разных ходов за черных и за белых, и записать каждую партию на отдельном листке, для хранения этих листков потребуется картотека, которую луч света не сможет облететь за миллион лет».

Вот сколько возможностей в шахматах. Если даже гигантская электронная машина начнет рассчитывать все возможные варианты, то ей потребуется много часов, чтобы найти только один правильный ход.

Давно это было. Почти тысячу лет назад. Написал тогда великий таджикский поэт Фирдоуси поэму «Шах-наме». Между прочим рассказал он в этой поэме и про то, как в старину в шахматы играли. И про меня не забыл. Есть в этой поэме такие строки:

«Гляди,— и пехота и конница тут,
Два войска построились, в битву идут...
Вот шах посредине дружины своей,
С ним рядом наставник, всех мудрых мудрей...»

И в ту пору любили не только в шахматы играть, но и задачи шахматные составлять и решать. Много красивого, интересного есть в этих задачах, их даже называют «шахматной поэзией».

Недаром, когда спросили у Фирдоуси, зачем он уделяет столько внимания шахматам, великий поэт ответил:

«Чтобы проникнуться их поэзией».

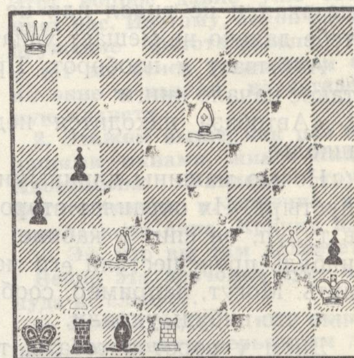
Вспомнил я об этом потому, что многие ребята шлют мне сейчас новые задачи и решения тех задач, что в журнале у нас помещены. Вот и решил я на этот раз потолковать об одной задаче и ответить на некоторые ваши вопросы, друзья.

ЗАДАЧИ СЕРЕЖИ ДМИТРИЕВА

Прислал мне письмо пионер Сережа Дмитриев (школа № 44 города Поворино, Воронежской области). Пишет Сережа о том, что устроил он в школе турнир, в котором играли восемь мальчиков и девочек. И еще одно хорошее дело сделал Сережа. Научил он играть в шахматы тринадцать ребят. Молодец! Принимаю тебя, Сережа, в свои оруженосцы и награждаю грамотой «Ферзя и ладьи».

Вот задача, которую прислал мне Сережа Дмитриев.

(См. диаграмму)

Как здесь дать мат в три хода черному королю? Первое впечатление такое, что это не так уж сложно. Но не торопитесь с выводами. Не забывайте, что черные могут с шахом взять пешку b2 ладьей.

Сережа решает задачу остроумным ходом: 1. Сc3 — h8 и если 1... Лb1 : b2+, то 2. Фa8—g2. Черные могут уйти слоном c1, тогда к мату ведет продвижение b2 — b4.

Казалось бы, что белые могут поставить своего ферзя в засаду на h1, и не сдобровать тогда черному королю. Но все же есть у черных спасение: 1... b5 — b4 2. Лb1 : c1 b4—b3! — и мат третьим ходом не получается.

Интересный замысел. Но Сережа не обратил внимания на то, что белые могут играть 1. Фa8—d5, и это тоже приводит к мату в три хода.

Два решения в задаче. Это крупный недостаток. Такую задачу решать легко.

Попробуй и ты, Сережа, и все другие ребята усовершенствовать эту задачу, сделать так, чтобы в ней было только одно решение.

Крош и его товарищи

Иной раз возьмешь новую книгу, прочтешь несколько первых фраз и отложишь. Как-то не хочется читать дальше.

Почему? А кто его знает, не хочется и не хочется. Может быть, показалось, что уже не раз читал что-то похожее. Может быть, почувствовал, что автор говорит неискренне. Вернее всего, пожалуй, не поверил, что автор расскажет тебе что-то такое, чего ты раньше не знал и не видел или не понимал, но что тебе далеко не мешает узнать.

А бывает и наоборот. Прочтешь, скажем, такое начало книги:

«Автобаза находится недалеко от нашей школы.

Ночью машины длинными рядами стоят на пустыре. Их охраняет сторож. Завернувшись в тулуп, он спит в кабине. В случае какого-нибудь происшествия его могут сразу разбудить. Могут, например, сообщить ему, что ночью что-нибудь украли.

Днем у ворот автобазы толкутся владельцы легковых машин. У них заискивающие лица: они не умеют сами ремонтировать свои автомобили и хотят, чтобы это сделали рабочие» — и сразу почувствуешь доверие к автору. А ведь он занятно говорит. Вроде будто и просто, а вроде и хитро, с усмешкой. Да и про автомобильные дела прочесть интересно. Кто не мечтает взять в руки «баранку», положить ноги на педали, включить зажигание, выжать сцепление... Интересно и поглядеть, что делается там, за воротами большой автобазы.

Ах, так это книга про автобазу? И да и нет. И про автобазу и про учеников восьмого «А» — задумчивого Кроша и его лихих товарищей, проходивших на этой базе свою первую производственную практику.

Все это в новой повести Анатолия Рыбакова «Приключения Кроша» есть. И описано это все занимательно, весело, с полным знанием дела. Словом, читаешь, не отрываясь.

Но есть в этой повести и другое, еще более интересное. Она рассказывает и показывает, как ребята, в первый раз оказавшиеся в цехах, впервые ставшие товарищами по работе слесарям, механикам, электрикам, водителям, незаметно для себя за какой-нибудь месяц повзрослели, ощутили себя не мальчишками-школярами, а людьми, всерьез отвечающими за свои поступки. Как они сумели завоевать доверие и уважение таких суровых и много видевших людей, как шоферы грузовых машин, и сами придумали и довели до конца серьезное и стоящее дело.

Правда, не у всех это получилось совсем гладко. Даже Крош, честный и хороший мальчишка, очень строго относящийся к себе, наделал немало ошибок, мучался, считал себя чуть ли не предателем и лишь под конец услышал от самого директора базы, что он молодец. А один из его товарищей, Игорь, в школе всегда выглядевший взрослее других и занимавший руководящие посты, наоборот, показал себя самонадеянным и хвастливым мальчишкой, пролазой и бездельником.

Словом, здесь есть о чем подумать, чему поучиться, что приложить к себе. А ведь это часто бывает с каждым из нас, что не знаешь, как правильнее и честнее поступить — смолчать или рассказать, послушаться или поступить по-своему.

Читаешь про Кроша, а сам начинаешь смотреть на некоторые свои поступки другими глазами. В этом-то и главная суть по-настоящему хороших книг.

А. Дорохов

В ЧАСЫ ДОСУГА

Загадочное послание с Марса

ФТ-1-ВПАУ

1. Вы видите на рисунке наше последнее изобретение — аппарат «ФТ-1-ВПАУ» (фототелескоп системы Вовы Пуговкина и Андрюши Удальцова, модель № 1). Аппарат предназначен для фотографирования жизни на других планетах.

«Есть ли жизнь на Марсе?» Этот вопрос давно уже занимает нас. Поэтому, закончив сооружение фототелескопа, мы в тот же вечер установили его на окне и навели на загадочную планету.

2. Этажом выше, как раз над нашими окнами, живет Нинка Хвостикова. Увидела трубу фототелескопа и, конечно, высунулась из окна. Кричит нам:

— Эй, что вы там делаете?

Вечно эта девчонка сует нос, куда не следует.

— Пожалуйста, не мешай нам, мы заняты серьезным делом! — прикрикнул на нее Андрюша.— Мы фотографируем Марс. Понятно?

Смех один. Что она понимает в астрономии!

3. Мы не теряем времени даром. В последний раз проверяем наводку аппарата. Заряжаем кассету и осторожно вставляем ее в камеру фототелескопа...

4. За окном земная жизнь идет своим чере-

!?

СНИМОК ОТПЕЧАТАН...! КАКОЙ УСПЕХ!!!

дом, но мы ее не видим и не слышим: наши мысли витают на Марсе. (Примечание редакции. Об этом остается только пожалеть. Именно по этой причине место, отведенное для четвертого рисунка, пришлось оставить пустым: совершенно неизвестно, что происходило тогда в это время за окном.)

5. Я нажимаю на спуск... Раз, два, три... (для съемки небесных тел требуется большая выдержка)... сто пятнадцать, сто шестнадцать... Щелкает затвор — готово!

Негатив проявлен и отпечатан. Какой успех! Нет сомнения, нам посчастливилось принять чрезвычайно важное сообщение марсиан. Подумать только, оказывается, им хорошо знакомы предметы нашего обихода, даже такая устаревшая вещь, как ухват,— это ли не величайшее открытие! К сожалению, расшифровать загадочное марсианское послание нам пока еще не удалось.

☆☆☆

Надеемся, что это удастся сделать вам, наши читатели! Кстати, как же быть с недостающим четвертым рисунком? Не подскажете ли вы, что должно быть на нем изображено?

Н. Васильев

КОМУ СКОЛЬКО ПРЯНИКОВ ДОСТАЛОСЬ?

Было нас шестеро братьев. Купил отец на праздник нам пряников, а поделил так: старшему дал один пряник и седьмую часть оставшихся; второй по старшинству брат получил два пряника и опять же в придачу седьмую часть из того, что осталось; третий брат получил три пряника и тоже седьмую часть того, что осталось. Нам, трем младшим братьям, весь остаток отдали. Сколько там было пряников, мы разделили их поровну. Сообрази теперь, сколько принес отец пряников и сколько их получил каждый из нас.

ГОЛОВЫ И НОГИ

Пасутся на лугу лошади. Их стерегут ребята. Ежели подсчитать, сколько, скажем, ног на лугу, то выйдет, что их 74. А коли считать по головам, то их наберется 22. Рассуди-ка, сколько же это ребят и сколько лошадей на лугу?

Содержание

Редактор **Н. В. Ильина.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Комната 11. Телефон Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 01269. Подписано к печати 14/IV 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 804. Заказ 744.

Форм. бум. 84×108$_{1/16}$. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

На искусственном катке стадиона Юных пионеров

У юных фигуристов все, как у взрослых. От требовательного взгляда этих судей не ускользнет ни одна ошибка, ни одно неточное движение. А красота движений, изящество, легкость требуют большой работы.

Рисунки А. Алейникова.

Цена 25 к.

Твой уголок дома

А. Аркадьев, В. Страшнов

